

Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»
№ 3 (31) 2011
ISSN 1996-0522

Учредители

ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы» и
НП «Институт развития города»

Издатель

Челябинский институт (филиал)
ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ**Философия**

Ю.Г. Ершов — д.ф.н., профессор

Ю.В. Зацепилин — к.ф.н.

В.А. Лоскутов — д.ф.н., профессор

А.В. Павлов — д.ф.н., профессор

В.Д. Попов — д.ф.н., профессор

А.С. Чупров — д.ф.н., профессор

Политология

С.Г. Зырянов — д.полит.н., профессор

А.В. Понеделков — д.полит.н., профессор

О.Ф. Русакова — д.полит.н., профессор

Социология

Е.В. Грунт — д.ф.н., профессор

Н.Б. Костина — д.с.н., профессор

Юриспруденция

В.Г. Графский — д.ю.н., профессор

С.В. Кодан — д.ю.н., профессор

А.Б. Сергеев — д.ю.н., профессор

Экономика

О.В. Артемова — д.э.н., профессор

Т.Ю. Савченко — к.э.н., доцент

Культурология

С.С. Загребин — д.и.н., профессор

Л.Б. Зубанова — д. культурологии, доцент

А.Н. Лукин — к. культурологии, доцент

История

С.В. Нечаева — к.и.н., доцент

В.Н. Новоселов — д.и.н., профессор

С.С. Смирнов — д.и.н., профессор

Главный редактор

доктор политических наук,

профессор С.Г. Зырянов

Заместитель главного редактора

доктор философских наук,

профессор А.С. Чупров

Редакция

А.Н. Лукин — зав. рубрикой философии

С.Г. Зырянов — зав. рубрикой политологии

Е.В. Грунт — зав. рубрикой социологии

А.В. Ильиных — зав. рубрикой

государства и права

Т.Ю. Савченко — зав. рубрикой

экономики и управления

С.С. Загребин — зав. рубрикой культуры

В.Н. Новоселов — зав. рубрикой истории

А.В. Павлов — ответственный

за международные контакты

Ответственный секретарь

кандидат философских наук

А.А. Куштым

Свидетельство о регистрации

ПИ № 77-16702 от 15.10.2003 г.

Выдано Министерством РФ

по делам печати, телерадиовещания

и средств массовых коммуникаций

Подписано в печать 08.09.2011 г.

Формат 70x108¹/₁₆.

Усл. п. л. 11,9. Тираж 1000 экз.

Заказ № 3454.

Издание подготовлено к печати

и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,

454080, г. Челябинск,

Свердловский пр., 60.

Цена свободная

СОЦИУМ**А.М. Севастьянов**

Дискурс преодоления социальной
несправедливости: опыт Совета Европы 5

Р.С. Истамгалин

Роль центра, периферии и традиций
в исторической эволюции социального
идеала российского аграрного общества
(IX-XVII вв.) 9

Т.Н. Полковникова

Социально-психологические особенности
развития управленческих способностей
руководителя 14

Н.Б. Костина, Ю.П. Озорнина

Эффективность государственного управления
глазами населения города Екатеринбурга:
опыт эмпирического исследования 20

Т.Е. Зерчанинова, Е.В. Позднякова

Социальное программирование как функция
управления в сфере государственной
молодежной политики 25

Н.С. Зырянова

Дискурс потребительских стремлений
современного общества и его отражение
в рекламном тексте 29

Н.Л. Антонова

Социальная эксклюзия в системе
обязательного медицинского страхования 34

ВЛАСТЬ**Л.А. Чувашов**

Понятие государственной власти:
социально-философский анализ 39

С.С. Логиновский

Максим Исповедник о христианском
отношении к власти 43

К.С. Романова

Дискурс власти и денег 48

Е.И. Хубулури

Современные тенденции в системе управления
социальной политикой в западных странах
и России 52

В.Г. Попов, А.З. Астахов

Проблема политического представительства
в системе властных отношений 57

В.К. Кучкин

Политический механизм реализации
концепции правового государства
в современной России 61

О.С. Пустошинская

Протестная политическая субъектность
студентов Салехарда и Екатеринбурга:
моделирование ситуации 66

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в

Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,

в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 136.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

Адрес в Интернете

<http://urags-chel.ru>

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности, несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна

Журнал выходит 4 раза в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

Подписной индекс
по Российской Федерации
46536

К.О. Квятковский, О.Ф. Русакова

Основные методологические подходы к исследованиям дискурса политической блогосферы.....70

С.А. Васильева

Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность...75

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Н.И. Биюшкина

Юридическое закрепление процедуры негласного надзора и наблюдения в российском полицейском праве 80-х – 90-х гг. XIX в.....79

Н.В. Блажевич, К.А. Сергеев

Методологические основы раскрытия и расследования преступной деятельности в корпоративной сфере правоотношений 83

Е.К. Жаксальков

Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за незаконную миграцию 88

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Т.П. Черкасова, Ю.П. Мамонтова

Технологический путь развития мировой экономики и возможности инновационного роста России 93

С.А. Полуяхтов, В.А. Белкин

Развитие теории циклических колебаний процентной ставки на основе ее связи с циклами солнечной активности 99

КУЛЬТУРА

А.Н. Лукин

Онтология ценностей 104

ИСТОРИЯ

О.Ю. Жарков

Исторические предпосылки создания первого в СССР комбината промышленного производства плутония..... 109

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

А.С. Чупров

О «новом взгляде» на историю (в порядке обсуждения статьи В.Н. Сагатовского)..... 114

Ю.Г. Ершов

Схема есть схема... (о «новом взгляде» на историю человечества)..... 118

В.К. Шрейбер

Несколько соображений в связи с попыткой «нового взгляда» на историю 123

**Scientific journal
«SOCIMUM and POWER»**

№ 3 (31) 2011
ISSN 1996-0522

Founded by
«Ural Academy of Public Administration» and
«Institute of urban development»

Published by
Chelyabinsk institute (branch) of
the Ural Academy of Public Administration

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
Yu.V. Zatsupilin — Cand. Sc. (Philosophy)
V.A. Loskutov — Ph.D., Professor
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
V.D. Popov — Ph.D., Professor
A.S. Chuprova — Ph.D., Professor

Political Science

S.G. Zyryanov — Dr. Sc. (Political Science),
Professor
A.V. Ponedelkov — Dr. Sc. (Political Science),
Professor
O.F. Rusakova — Dr. Sc. (Political Science),
Professor

Sociology

E.V. Grunt — Ph.D., Professor
N.B. Kostina — Dr.Sc. (Sociology), Professor

Law

V.G. Grafskiy — LL.D, Professor
S.V. Kodan — LL.D, Professor
A.B. Sergeev — LL.D, Professor

Economics

O.V. Artyomova — Dr. Sc. (Economics),
Professor
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor

Cultural Studies

S.S. Zagrebin — Dr. Sc. (History), Professor
L.B. Zubanova — Dr. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor

History

S.V. Nechaeva — Cand. Sc. (History), Assistant
Professor
V.N. Novoselov — Dr. Sc. (History), Professor
S.S.Smirnov — Dr. Sc. (History), Professor

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyryanov

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprova

Editorial board

A.N. Lukin — Head of Philosophy Dept
S.G. Zyryanov — Head of Political Science Dept
E.V. Grunt — Head of Sociology Dept
A.V. Ylyinykh — Head of Law and State Dept
T.Yu. Savchenko — Head of Administration
and
Economics
S.S. Zagrebin — Head of Cultural Studies Dept
V.N. Novoselov — Head of History Dept
A.V. Pavlov — International Relations

Executive editor

Cand. Sc. (Philosophy)
A.A. Kushtym

Certificate of Registration

PI № 77-16702 of 15.10.2003
Certified by Ministry of Russian Federation for
Press, Television, Radio Broadcasting
and Mass Media

Passed for printing on 08.09.2011.

Format 70x108^{1/16}

Reference sheet area 11,9. Issues — 1000.

Order № 3454.

This edition has been designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.

Free price

SOCIUM

A.M. Sevastyanov

Discourse of overcoming social injustice:
the Council of Europe experience 5

R.S. Istamgalin

Role of centre, provinces and traditions
in historical evolution of the social ideal
of Russian agrarian society (IX-XVII) 9

T.N. Polkovnikova

Social and psychological features of the leader
abilities development 14

N.B. Kostina, Yu.P. Ozornina

The public administration efficiency
from the Yekaterinburg's adult citizens' point
of view: the experience of the empirical research... 20

T.E. Zerchaninova, E.V. Pozdnyakova

Social programming as a function of management
in the state youth policy 25

N.S. Zyryanova

Discourse of consumer mind of modern society
and its reflection in advertising texts 29

N.L. Antonova

Social exclusion in the system of compulsory
medical insurance 34

POWER

L.A. Chuvashov

Concept of government: socially philosophical
analysis 39

S.S. Loginovskiy

St. Maximus the Confessor on Christian
attitude to authority 43

K.S. Romanova

Discourse of power and money 48

E.I. Khubuluri

Modern tendencies in the system of social
policy management in western countries and
in Russia 52

V.G. Popov, A.Z. Astakhov

The problem of political representation
in the system of relations of power 57

V.K. Kuchkin

Political mechanism of implementation
of the concept of constitutional state
in modern Russia 61

O.S. Pustoshinskaya

Student's protest political subjectivity of Salekhard
and Yekaterinburg: situation modeling 66

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included in the **list of leading reviewed scientific journals and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 136.

Please send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@urags-chel.ru

Website:
<http://urags-chel.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved.

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

**Subscription index in
Russia
46536**

K.O. Kvyatkovskiy, O.F. Rusakova

Basic methodological research approaches to the discourse of political blogosphere 70

S.A. Vasilyeva

Modern state of Pan-Turkism: theoretical foundation and practical activity..... 75

STATE AND LAW

N.I. Biyushkina

Legal fastening of procedure of private supervision and secret surveillance in the Russian police right 80 – 90th of XIX century 79

N.V. Blazhevich, K.A. Sergeev

Methodological basis of detection and investigation of criminal activity in the corporate area 83

E.K. Zhaksalykov

Russian criminal legislation development on responsibility for illegal migration 88

ECONOMICS AND MANAGEMENT

T.P. Cherkasova, Yu.P. Mamontova

Technological way of world economic development and potential of Russia's innovation growth 93

S.A. Poluyakhtov, V.A. Belkin

Development of the interest rate cyclic fluctuation theory based on its relation to solar activity cycles..... 99

CULTURE

A.N. Lukin

Ontology of values 104

HISTORY

O.Yu. Zharkov

Historical background of the construction of the first USSR combine for industrial production of plutonium..... 109

DISCUSSIONS AND DEBATES

A.S. Chuprov

On a «new approach» to history (as part on a discussion of the article by V.N. Sagatovskiy)..... 114

Yu.G. Ershov

Scheme is scheme... (on a «new approach» to human history)..... 118

V.K. Shreyber

Reflecting upon the attempt of a «new approach» to history..... 123

ДИСКУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ: ОПЫТ СОВЕТА ЕВРОПЫ

УДК 316.422.42

А.М. СЕВАСТЬЯНОВ

Проблема социальной несправедливости, методы и способы ее изучения, а также анализ тех инструментов, с помощью которых может быть измерена социальная несправедливость, — одно из основных направлений деятельности института Уполномоченного по правам человека.

22 июля, в день, названный «черной пятницей», Андерс Беринг Брейвик, подозреваемый в совершении двойного теракта в Норвегии, унесшего не менее 77 жизней, выступил в крестовый поход на борьбу с современными человеческими ценностями. «Мы должны выполнить долг и истребить социокультурный марксизм», — таков был посыл молодого человека.

Трагедия в Осло еще раз доказала правоту Совета Европы, развивающего принципы мультикультурализма как средства преодоления неравенства и несправедливости и реализации демократического управления культурным многообразием.

Совет Европы пропагандирует освоение диалоговой культуры и навыков межкультурного диалога, построенного на пяти принципах:

- 1) демократическое управление культурным многообразием;
- 2) демократическая гражданственность и участие в процессах управления;
- 3) изучение и преподавание навыков межкультурного диалога;
- 4) создание пространства диалога;
- 5) трансляция межкультурного диалога в международные отношения.

Эти навыки призваны сформировать общую осознанную ответственность за построение общества, где «все различны и все равны», и «способны жить вместе в равном достоинстве». Вот почему именно сейчас так важно знать и понимать, почему консерваторы пытаются прервать межкультурный диалог и отрицают мультикультурализм.

Совет Европы как источник методологий

Совет Европы (СЕ) создан правительствами европейских стран в 1949 году на

принципах «укрепления мира, основанного на справедливости и международном сотрудничестве, и жизненной необходимости сохранения человеческого общества и цивилизации». СЕ развивает приверженность «духовным и моральным ценностям, которые являются общим достоянием их народов и подлинным источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства права, лежащих в основе любой истинной демократии, в интересах социального и экономического прогресса. Реализация этих принципов достигается «путём рассмотрения вопросов, представляющих общий интерес, заключением соглашений, проведением совместных действий в экономической, социальной, культурной, научной, юридической и административной областях, равно как и путём защиты и развития прав человека и основных свобод» [4].

В 2011 году Совет Европы объединяет 47 государств, и его деятельность сфокусирована на правах человека, демократии и верховенстве права. Руководящим органом является Кабинет министров Совета Европы (КМСЕ), состоящий из министров иностранных дел. Консультативным органом является Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ). Органами СЕ также являются: Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), включающий Комиссию по правам человека, а также Конгресс местных и региональных властей Европы. СЕ имеет Секретариат, обслуживающей все ее четыре органа — КМСЕ, ПАСЕ, ЕСПЧ и Конгресс.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, созданная в 1950 году, впервые в истории подобных международных договоров, предложила механизм обеспечения соблюдения обязательств, взятых на себя правительствами. Европейская Конвенция учредила Европейский Суд по правам человека (Раздел II Конвенции) и включила контроль со стороны Генерального Секретаря СЕ (ст. 52) и гарантии договаривающихся сторон (ст. 53).

Контроль соблюдения обязательств осуществляют: Европейская Комиссия по правам человека (учреждена в 1954 году), Евро-

пейский суд по правам человека (учрежден в 1959 году) и Кабинет министров Совета Европы, состоящий из министров иностранных дел государств-участников или их представителей. Количество жалоб на нарушение прав, закрепленных Конвенцией, начало увеличиваться уже в 80-е годы. Заметный скачок жалоб произошел в 90-е годы с присоединением к Совету Европы стран Восточной Европы и бывшего СССР. В этой связи возросла роль Комиссии по правам человека, роль которой состоит приеме петиций, сборе фактов и инициировании досудебного урегулирования споров, предоставляя себя в распоряжение заинтересованных сторон «с целью обеспечения дружественного урегулирования вопроса на основе уважения прав человека, определенных положениями... Конвенции».

Совет Европы как источник конвенциальных наборов измерения

Сравнивая деятельность ООН и Совета Европы, можно сказать, что и в том, и в другом случае измерительный инструментариум формируется исходя из международных конвенций и соглашений. В то время как ООН сосредоточена на мониторинге и разработке методов соблюдения принципов и развитии теории и практики *интеркультурализма*, Совет Европы уделяет значительно большее внимание развитию теории и практики *мультикультурализма*, подготовке кадров и обучению методам достижения консенсуса в *межкультурном диалоге*, и практическому осуществлению демократии на уровне муниципалитетов, которая выстраивается на уважении культурных ценностей.

Различие подходов эксперты видят в том, что «мультикультурализм нацелен на защиту культурных особенностей и зачастую приводит к культурной замкнутости, тогда как интеркультурализм ориентирован на поиск условий взаимодействия разных культур. Интеркультурализм предполагает наличие общих интересов у граждан разных национальностей и религий, объединяемых общей же гражданской ответственностью за свою страну» [3].

Совет Европы, понимая необходимость выравнивания стартовых позиций, отмечает, что для реализации демократического управления культурным многообразием необходимо сформировать демократическую гражданственность и культуру «субъектно-

сти» управления. Необходимо освоить диалоговую культуру и навыки межкультурного диалога. И эти навыки должны преподаваться и воспитываться, чтобы сформировать общую осознанную ответственность за построение общества где «все различны и все равны» и способны жить вместе в равном достоинстве.

С начала 90-х годов XX века Совет Европы начинает большую образовательную деятельность, инициированную решениями Первого саммита глав государств и правительств стран-участниц СЕ и направленную на формирование диалоговой культуры на многокультурном европейском пространстве с целью достижения консенсусных решений и предотвращения конфликтов на уровне местных сообществ и государств, «разрабатывая модель управления культурным многообразием, нацеленную в будущее» [1], которая основана на взаимопонимании, способности защищать и развивать права человека, зафиксированных в Европейской конвенции по правам человека, демократии и верховенстве закона. «В современном мире, который становится все более многообразным и незащищенным, нам необходимо общаться поверх этнических, религиозных, языковых и национальных разделительных линий, чтобы обеспечить социальную сплоченность и предотвратить конфликты... Выводы и рекомендации необходимо претворять в жизнь, а также отслеживать их выполнение посредством диалога со всеми заинтересованными сторонами. Межкультурный диалог, являясь непрерывным процессом, представляет собой еще один шаг на пути создания новой социальной и культурной модели, адаптированной к быстро меняющейся Европе и не менее быстро меняющемуся миру» [2, с. 3].

Первый саммит стран-участниц СЕ достиг консенсуса в том, что культурное многообразие является отличительной чертой богатого культурного наследия Европы и что толерантность гарантирует построение открытого общества.

Только этот удивительный феномен рождения и подъема гражданского самосознания и веры в силы гражданского общества тогда, в самом начале 90-х, который можно сравнить с подъемом общественного движения 60-х, мог синтезировать столь кристально ясное и направленное в будущее послание об открытом обществе.

В 2007 году стало очевидно, что принципы и послания надо обсуждать и продвигать как ценность межкультурного диалога, в

который необходимо вовлекать в качестве субъектов не только правительственные институты, но и гражданские структуры и индивидуумов. Диалог должен пронизывать общество, соединяя его коммуникациями, содержащими моральные ориентиры, несущие универсальные этические ценности.

Особенно важно для решения этой трудной задачи было договориться о терминах и их содержании, о смысловых паттернах, чтобы использовать эти смысловые паттерны как каналы коммуникации для отдельных людей, их групп и правительственных институтов, имеющих разные историческую память и исторические корни, этносы, культуры, религии и языки. СЕ исходил из возможностей третьего тысячелетия, открытых информационными технологиями, фактором «общества знаний» и процессами формирования новой идентичности на основе ценности человеческого достоинства и доброжелательного отношения к другим и к миру в целом.

Европейский консенсус в отношении ценностей достигается путем конвенций и соглашений, налагающих обязательства, а также рекомендаций, деклараций и заключений, закрепляющих стандарты и предлагающих инструменты достижения этих стандартов. Среди них: Европейская конвенция по правам человека, Европейская социальная хартия, Декларация о равенстве женщин и мужчин, Европейская конвенция о правовом положении рабочих-мигрантов, Европейская культурная конвенция. В качестве инструментария используются мониторинговый механизм и план действий.

В 2007 году был принят план развития диалога как культуры общения, формирующей причастность к процессам принятия решений и такие качества, как непредубежденность, способность слушать и говорить, разрешать конфликты мирным способом, принимать и проникать в аргументацию других сторон. Диалог нацелен на предотвращение и дескалацию конфликтов, снятия постконфликтных напряжений и прояснения причин и разрешения «замороженных конфликтов».

В стратегии диалога есть свои сложности и, по крайней мере, две ключевые проблемы — как привлечь к диалогу тех, кто его избегает, и как вести диалог с позиций различающихся ценностей.

Необходимо разобраться, какие страхи стоят за тактикой избегания диалога, и какова иерархия или, точнее, каково мно-

гообразие ценностей, с тем, чтобы найти зоны возможных коммуникаций, каковы ментальные модели, и как они формируют миры привычек, гражданских организаций и властных институтов.

В 2007 стало очевидно, что мультикультурализм, понимаемый как ассимиляция, несет в себе скрытую угрозу насилия. Эта угроза насилия воспринимается как попытка подавления самоидентификации и ценности человеческого достоинства.

Именно поэтому возникла идея постоянно действующего диалога, который ведется на основе равного достоинства и уважения идентичностей в целях формирования общих ценностей прав человека, демократии, гендерного равенства и верховенства закона.

Совет Европы выдвигает пять политических принципов межкультурного диалога. Это: 1) демократическое управление культурным многообразием, 2) демократическая гражданственность и участие в процессах управления, 3) изучение и преподавание навыков межкультурного диалога, 4) создание пространства диалога и 5) трансляция межкультурного диалога в международные отношения.

Именно в этих пяти направлениях формируются планы действий, разрабатывается инструментарий, ведется мониторинг и фиксируются изменения. Реализация этих планов, и на это нацелены образовательные усилия СЕ, должна привести к формированию общего культурного ядра, договоренности об общих базовых ценностях, и естественного, внутренне формируемого желания действовать на их основе, снижению конфликтности общества и преодоления насилия и несправедливости. Работа над созданием такого общего культурного ядра — это работа всего общества, образованного, критически мыслящего, инновационного.

Продолжая работу над *наборами параметров измерения изменений*, СЕ выделяет необходимые сферы для мониторинга. В частности, следует отслеживать, как ведется *продолжающееся обучение навыкам* межкультурного диалога в различных сообществах: сотрудников правоохранительных органов, политиков, учителей, представителей других профессий, а также лидеров общественных объединений осуществлению своих функций в поликультурных сообществах.

Совет Европы рекомендует обращать внимание на тренды развития культуры, ее динамику и открытость для экспериментов. Среди наблюдаемых параметров надо фик-

сировать, насколько СМИ являются каналом распространения объективной информации и новых идей, способны ли они бросать вызовы стереотипам. Важными параметрами наблюдения является *активность развития культуры владения несколькими языками и уровень защиты школьного образования от того, чтобы быть инструментом идеологических манипуляций*. Важно проводить мониторинг школьного обучения с тем, чтобы фиксировать, в какой мере школьники овладевают искусством критического прочтения получаемой информации и насколько активно высшая школа формирует широкий взгляд на мир на основе ценностей просвещения.

Продолжающееся обучение является важным элементом межкультурного диалога. Поэтому следует обращать внимание, в какой мере развито *неформальное дополнительное образование*, как активно участвует в нем молодежь, каков уровень мобильности этих программ, а также на качество преподавателей. Следует обращать внимание на *организацию городского планирования* и уровень его открытости, наличие пространств общения. Все вышеперечисленное СЕ включает в набор навыков и условий, способствующих развитию межкультурного диалога и поддержке мультикультурализма.

Оценка эффективности. Отмечая несомненную важность просветительской деятельности и мониторинга предложенных факторов для поддержки развития межкуль-

турного диалога, нельзя не признать, что на пути межкультурного диалога в качестве барьеров возникают расизм, ксенофобия, нетерпимость, дискриминация, бедность и эксплуатация, продолжающие существовать во многих европейских странах. Большую проблему представляет пропаганда ненависти, ставшая особенно значимой в последние годы. Это отмечает и сам Совет Европы.

И есть еще один барьер — лингвистический, казалось бы, несложный для преодоления, но значительно ограничивающий возможности и горизонт человеческого развития и коммуникаций.

Совет Европы подчеркивает важное отличие межкультурного диалога от ассимиляции и узкого мультикультурализма, первых двух подходов, которые ранее развивались СЕ. Отличие межкультурного диалога от ассимиляционного подхода в том, что межкультурный диалог признает все жизненные модели равноправными, а не только лишь модель большинства. Отличие межкультурного диалога от узкого мультикультурализма в том, что он требует *«наличия общего ядра, не оставляющего места моральному релятивизму»* [1]. И наконец, существенное отличие межкультурного диалога от предыдущих подходов в том, что он признает ключевую роль организаций гражданского общества как субъектов управления, особенно в тех случаях, когда конвенционные подходы, доступные государствам, оказываются недейственными.

---

1. «Белая книга» по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве». Утверждена министрами иностранных дел стран-членов Совета Европы на 118 сессии Комитета министров. Страсбург, 7 мая 2008 года. С.3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/Publication_WhitePaper_ID_en.asp (дата обращения: 17.07.2011 г.).

2. Достопочтенный Терри Дэвис, Генеральный секретарь Совета Европы. «Белая книга» по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве». Утверждена министрами иностранных дел стран-членов Совета Европы на 118 сессии Комитета министров. Страсбург, 7 мая 2008 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/Publication_WhitePaper_ID_en.asp (дата обращения: 17.07.2011 г.).

3. Паин, Э. Гражданская основа — единству России. [Электронный ресурс] / Э. Паин. — Режим доступа: kommersant.ru/docs/2011/5346706.doc (дата обращения: 17.07.2011 г.).

4. Устав Совета Европы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/001.htm>, URL: <http://www.business-humanrights.org/media/documents/ruggie/ruggie-guiding-principles-russian-21-mar-2011.pdf> (дата обращения: 17.07.2011 г.).

РОЛЬ ЦЕНТРА, ПЕРИФЕРИИ И ТРАДИЦИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА РОССИЙСКОГО АГРАРНОГО ОБЩЕСТВА (IX—XVII вв.)

УДК 1:316

Р.С. ИСТАМГАЛИН

Многие события, происходившие в мире на протяжении первого десятилетия XXI века, подтвердили хорошо известную из всей предыдущей истории истину: проблемы, с которыми суждено человечеству сталкиваться в настоящем, порождаются глубоким комплексом причин, корни которых уходят не только в недавнее, но зачастую и в очень отдалённое прошлое.

Сказанное будет справедливо и по отношению к тем вызовам, ответы на которые в наступившем веке приходится искать российскому обществу. Поэтому закономерно, что становление новой российской государственности, равно как и сложный процесс самоопределения России в меняющемся мире сопровождались и сопровождаются острой полемикой различных общественных сил, в центре которой оказываются многие события и явления исторического прошлого нашей страны.

Проблема самоидентификации российского общества в значительной своей степени есть проблема конкретизации его современных мировоззренческих универсалий. Но постижение новых смыслов — задача, актуальность решения которой как раз определяется практической потребностью самого общества в ясном понимании многовековой традиции, в рамках которой возникали и развивались представления о смысле существования России в историческом пространстве и времени.

Среди таких представлений центральное место занимает *феномен социального идеала*, то есть свойственных обществу на разных этапах развития представлений об его совершенном устройении.

Социальный идеал — важнейший источник целеполагания для отдельного человека, группы, общества в целом, а значит, и для их социальной деятельности по реализации поставленной цели. Поэтому адекватный реальностям XXI века выбор стратегии развития России вряд ли возможен вне самоопределения общества относительно того социального

идеала, достижению которого эта стратегия должна служить.

Социальный идеал, как и многие другие феномены общественного сознания, одновременно универсален и конкретен, поскольку изначально формируясь на основе базовых цивилизационных ценностей, обладая в силу этого сверхисторическим, метафизическим содержанием, он в своих непосредственных формах не статичен, а динамичен, отражает то понимание общественного совершенства, которое свойственно данной исторической эпохе.

Современный социальный идеал, способный пробудить творческий потенциал российского общества, сыграть роль важнейшего источника созидательной социально-конструктивной деятельности, должен, отразив новое целеполагание общественного развития, сохранить в то же время преемственность по отношению к собственной традиции, в которой нашли воплощение базовые цивилизационные ценности России. Традиция — это не что-то раз и навсегда ушедшее, оставшееся только в памяти и неспособное непосредственно повлиять на настоящее и будущее. Традиции, как подчёркивал один из самых глубоких исследователей этой проблемы Э. Шилз, не статичны, а динамичны, они уже в самих себе «содержат потенциальные возможности изменения ... это эндогенные изменения, которые зарождаются внутри самой традиции» [4, р. 213].

Унаследованная нашим обществом традиция представлений о социальном совершенстве бытия — это не столько совокупность тех или иных артефактов прошлого, присутствующих в современности исключительно в виде текстов или символов, сколько важнейший источник происходящего «здесь и сейчас» динамического процесса эндогенных изменений, формирующих новый социальный идеал России.

Аграрное или традиционное общество является наиболее длительным по времен-

ной протяжённости этапом в развитии человеческой цивилизации вообще и российской цивилизации в частности.

В научной литературе при характеристике аграрного общества внимание акцентируется на системообразующей роли, которую в данном типе общества играло сельское хозяйство. Доминирование сельского хозяйства вело к тому, что все остальные структуры общества находились в сильной, хотя и не в одинаковой, зависимости от преобладающего типа аграрного производства (земледелие или скотоводство). В свою очередь, и сам тип этого производства, и соответственно характер общественных структур в очень высокой степени зависели от непосредственных географических и природно-климатических условий, в которых происходил генезис и последующее развитие данного общества.

Поэтому система аграрного общества, объективно стремясь к достижению устойчивого подвижного равновесия с внешней средой, должна была решить для этого две основные задачи:

- во-первых, адаптации к собственно природной среде своего обитания;

- во-вторых, адаптации к своему социокультурному окружению, то есть к другим обществам.

Общий механизм этой адаптации сложился ещё на стадии перехода от архаичного общества к аграрному и определялся взаимодействием двух основных тенденций социального переструктурирования исходной формы социальной организации – родовой общины: дифференциации и интеграции.

С одной стороны, как ответ на вызовы внешней среды, происходила структурно-функциональная дифференциация и соответствующее усложнение социальной организации (от родовой общины – к соседской общине, от отдельных племён – к союзу племён), естественным последствием которых – в силу утраты прежней относительной общинной однородности – становилось возникновение и обострение внутренних противоречий.

С другой стороны, как ответ на рост внутренней конфликтности, угрожавшей не только стабильности отдельных общин и племён, но, при определённых неблагоприятных обстоятельствах, и самому их существованию, развивались тенденции к интеграции посредством создания новых институтов организации социального пространства – сначала протогосударственных, а затем и собственно государственных, как правило патримониального характера.

Таким образом, именно взаимодействие дифференциации и интеграции рассматрива-

ется в качестве того социального процесса, в ходе которого возникают, развиваются, совершенствуются все остальные структуры аграрного общества, включая и формы общественного сознания.

Данные институциональные изменения ведут к ещё одной принципиально значимой дифференциации в формирующемся аграрном обществе – разделении на центр и периферию. Следовательно, анализ генезиса и последующей эволюции социального идеала аграрного общества следует непосредственно связать с процессом становления в этом обществе центра и периферии.

Далее отметим, что в интерпретации общего хода русской истории в данной статье мы преимущественно ориентируемся на те оценки, которые содержатся в новейшей обобщающей работе историков МГУ, представляющей в известной мере консенсусный взгляд современной отечественной историографии на основные события средневековой русской истории [1].

В исторической науке сложилась прочная и, безусловно, имеющая серьёзные основания периодизация русской истории IX–XVII вв. (при некоторых терминологических разногласиях) на три больших периода: древнерусский (IX – 40-е гг. XIII в.), когда развитие общества происходило преимущественно на автохтонных началах; период политической зависимости от Монгольской империи или Золотой Орды (40-е гг. XIII в. – 1480 г.), когда на развитие русских земель оказывал влияние фактор этой зависимости (в какой мере – по этому вопросу сохраняются серьёзные разногласия); и период Московского государства (1480 г. – XVII в.), когда определяющую роль вновь стали играть внутренние факторы общественной эволюции, но при сохранении и внешних воздействий. Данная периодизация обосновывается, среди прочего, наличием качественных изменений, происходивших в институциональной системе на протяжении каждого периода, но изменений, сохранявших общую линию преемственности.

Генезис и последующая эволюция институциональной системы российского аграрного общества, в котором, согласно нашему пониманию, в снятом виде отражались тенденции генезиса и эволюции социального идеала, методологически интерпретируются нами как процесс генезиса и эволюции центра социального, культурного и политического порядка общества и его периферии. В связи с этим, обратимся к общим положениям концепции «центр – периферия», автором которой является один из крупнейших американских социологов Э. Шилз.

В отличие от исследователей, использовавших категории центра и периферии главным образом для характеристики пространственно-географической локализации политических структур и этнических сообществ, Э. Шилз выделил центр и периферию в качестве ключевых структур, играющих системообразующую роль в возникновении и дальнейшем развитии любого общества, прежде всего с точки зрения совмещения в них культурных и институциональных функций.

Центр в трактовке Э. Шилза обладает двойственной природой: ценностной и деятельностно-институциональной.

Во-первых, «центр или центральная зона – это феномен из области ценностей и верований. Это центр упорядочивания символов, ценностей и верований, который управляет обществом. Он является центром, потому что имеет предельный (ultimate) и не подлежащий изменению характер; и множеством [членов общества – Р.И.] ... он ощущается именно таковым. В центральной зоне есть что-то от природы сакрального. В этом смысле каждое общество имеет официальную «религию», даже когда это общество или его представители и толкователи полагают, более или менее корректно, что оно секулярное, плюралистическое и толерантное» [3, р. 3].

Во-вторых, «центр является также феноменом из области действия ... структурой действий, ролей и личностей в *сети институтов*. Тех ролей, в которых воплощаются *главные ценности и верования*» [3, р. 3].

Объективную необходимость существования в любом обществе центра, обладающего ценностным содержанием, Э. Шилз объяснял имманентной потребностью людей иметь в своей земной жизни некие объекты, воплощающие высшие трансцендентные ценности, превосходящие те ценности, которые обычно существуют в повседневной жизни.

Двойственная природа центра в социальной действительности реализуется через двойственную структуру его внутренней организации.

Характеризуя ценностную сторону центра, Э. Шилз ввёл категорию «центральной ценностной системы общества» (central value system of the society), которой обозначил структуру, играющую решающую роль в интеграции общества, благодаря тому, что она содержит главные ценности и верования, посредством которых индивиды идентифицируют себя и связываются в единую общность [3, р. 4].

Общество как система, отмечал Э. Шилз, состоит из различных подсистем, каждая из которых представляет собой сеть взаимосвязанных организаций. Каждая из этих органи-

заций обладает собственной властью, в ней есть собственная элита. Каждая такая элита принимает те или иные властные решения либо самостоятельно, либо по согласованию с другими элитами.

Второй базовой категорией в концепции Э. Шилза является периферия. Им дана следующая обобщённая характеристика соотношения центра и периферии: «Центр состоит из тех институций (и ролей), которые осуществляют власть, – будь она экономической, государственной, политической, военной, – и тех, которые создают и распространяют культурные символы, – религиозные, литературные и т.д. – через церкви, школы, общественные учреждения и т.д. Периферия состоит из тех слоёв или частей общества, которые являются получателями команд и верований, которые не они сами создают или распространяют...» [3, р. 39].

Ценностная система и властные институты не просто взаимосвязаны: ценностная система правящей элиты находит своё предметно-деятельностное выражение как в содержании и формах этих институтов, так и в их непосредственном функционировании. По степени принятия/отрицания этих институтов и их деятельности остальными (периферийными) социальными группами, входящим в состав данного общества, можно судить о совпадении/несовпадении ключевых ценностей элиты и периферии.

Однако население периферий, особенно в доиндустриальных обществах, обладало, как правило, собственными системами ценностей, которые далеко не всегда и не во всём совпадали с центральной системой ценностей, транслируемой институциональным центром, что являлось источником как ценностного, так и институционального конфликта.

Поэтому, хотя во всех обществах, по мнению Э. Шилза, могут быть, выявлены центр и периферия, но в разных обществах складываются разные отношения между этими структурами, тем более что обе эти структуры не гомогенны, сами состоят из субцентров и субпериферий [3, р. 253].

Для нашего исследования особый интерес может представить ещё один аспект взглядов Э. Шилза, связанный с его трактовкой роли идеалов в структуре центров. По его мнению, «центр может быть комплексом институтов, группой индивидуумов, идеалом или комплексом идеалов... До известной степени *комплекс идеалов является центром в его чистейшей форме*» [3, р. 254] (курсив – Р.И.). Такие идеалы, как правило, продуцируемые интеллектуальными группами, предлагают

идеальный порядок организации общества, который ещё не нашёл земного воплощения, но может быть осуществлён как замена или исправление существующего земного центра власти, иначе говоря, выступают в роли творцов социальных идеалов, претендующих на принятие в качестве таковых всем обществом.

Следует отметить, что данное, очень важное в контексте нашей статьи, положение концепции Э. Шилза нашло подтверждение и развитие в исследованиях другого видного макросоциолога Ш. Эйзенштадта [2].

В частности, Ш. Эйзенштадт показал ключевую роль, которую в конструировании и попытках реализации идеальных моделей социального порядка, приводивших к созданию и трансформации институтов, составляющих центральную институциональную систему, играли не столько политическая, сколько интеллектуальная часть элит.

Кроме того, благодаря его работам, обнаружился богатый исследовательский потенциал концепции «центр-периферия» применительно к мультикультурным и полиэтническим обществам, которые на определённом этапе своего развития принимали институциональную форму империи.

Второй оригинальной концепцией, разработанной Э. Шилзом и также представляющей несомненный методологический интерес (в том числе и в силу её содержательной связи с концепцией «центр-периферия»), является теория традиции.

В отличие от других социологов, равно как и представителей иных социальных наук, акцентировавших внимание на устойчивости, консерватизме традиции, рассматривавшей её (особенно в рамках модернизационного подхода) как нечто, нуждающееся в преодолении, отрицании, Э. Шилз обращал первостепенное внимание на изменчивость традиции, присутствие в ней элементов динамизма.

Традиция в его понимании не есть нечто постоянное, неизменное, скорее наоборот, она постоянно изменяется, включая в себя всё новые и новые культурные явления, возникающие в каждом новом поколении.

В объяснении механизма, определяющего изменчивость традиции, Э. Шилз выделял две группы факторов: эндогенные, укоренённые в природе самой традиции, и экзогенные, связанные с воздействием на данную традицию извне. Решающую роль в изменении традиции он отводил человеческой деятельности: традиция «содержит в себе потенциал быть изменённой; она побуждает человека изменить её» [4, р. 213].

Эта потенциальность проистекает из того, что прошлое, которое становится в настоящем

традицией, — неоднородно. С одной стороны, оно представляет собой последовательность множества случившихся событий, которые уже никогда не могут быть изменены, обладают в этом смысле, так сказать, конечностью, метафизическим содержанием. С другой стороны, прошлое — это восприятие уже состоявшихся событий в сознании людей, живущих после того, как данные события произошли, и являющихся не пассивными созерцателями прошлого, а активными творцами настоящего, и в этом смысле прошлое обладает относительностью.

Традиция не может существовать вне реально произошедших когда-либо в прошлом событий, вне однозначно установленных (насколько это возможно на данном этапе развития общества) исторических фактов (*hard facts*, как называет их Э. Шилз), но сами эти события и факты по-разному воспринимаются уже непосредственными участниками в силу различия их индивидуальных личностных качеств и социальных ролей.

Поэтому вряд ли можно говорить о единой, внутренне целостной традиции, скорее, в обществе всегда имеет место сложное переплетение различных традиций как конфликтующих, так и солидарных, среди которых по отношению к данной социальной группе или обществу в целом одна оказывается в тот или иной временной промежуток доминирующей.

Итак, в концептуальных построениях Э. Шилза — Ш. Эйзенштадта формирование единого центра социального, культурного и политического порядка на стадии перехода к традиционному обществу и складывания основ этого общества, происходит в результате конкурентного взаимодействия нескольких *протоцентров*, возникающих в результате структурно-функциональной дифференциации родоплеменного общества.

Эти протоцентры формализуются в виде различных комбинаций нескольких основных институтов, представляющих объективные интересы возникающих социально-статусных групп, потенциальных протосословий. Групповые интересы рефлексированы, артикулируются и реализуются посредством интеллектуальной и организаторской деятельности соответствующих протоэлит. Стремясь к овладению рычагами распределения производимого обществом прибавочного продукта, такие протоэлиты нуждаются, в том числе, в выдвижении важнейших символов идентичности продуцируемого ими социального, культурного и политического порядка, одним из которых является социальный идеал.

Эти символы являются выражением складывающейся в обществе системы ценностей, приобретающей формы, адекватные

аграрному этапу развития, по мере перехода общества от политеизма к монотеизму.

В ходе конкурентного взаимодействия протоцентров в конечном итоге формируется единый центр и соответствующая ему периферия, что, как правило, приводит общество в состояние относительного динамического равновесия и внутренней стабильности.

При отсутствии или слабо выраженных изменениях во внешней среде отношения, сложившиеся между центром и периферией, являются источником сохранения возникшего равновесия в пределах безопасного диапазона колебаний. Иные изменения внешней среды вызывают те или иные трансформации отношений «центр-периферия», выявляющие адаптационный потенциал всей системы, её способность к саморазвитию на имеющейся аграрной основе. Подобная ситуация сохраняется вплоть до возникновения системного кризиса, объективно требующего для своего разрешения перехода на индустриальные рельсы развития через этап модернизации.

В заключение необходимо содержательно оценить весь процесс формирования и утверждения социального идеала российского аграрного общества:

– IX – середина XIII в., период формирования и конкурентного взаимодействия древнерусских протоцентров социального, культурного и политического порядка;

– середина XIII – конец XV в., период складывания предпосылок создания единого центра и периферии;

– конец XV – XVII в., период формирования единого центра и периферии, адекватных природе российского аграрного общества.

Поскольку каждый из первоначальных протоцентров продуцировал свой собственный социальный идеал при сохранении между ними общей ценностной основы (сначала восточнославянской мифолого-языческой, затем – православно-христианской), то первый период будет корректно целиком рассматривать как период генезиса социального идеала на его автохтонной, восточнославянско-православной ценностной основе.

Во втором периоде естественный процесс генезиса социального идеала на автох-

тонной основе был существенно деформирован появлением внешнего конкурирующего социального идеала, источником которого был центр социального, культурного и политического порядка Монгольской империи и её восточного, золотоордынского улуса. В результате сложных и противоречивых взаимодействий сложились необходимые предпосылки для формирования на основе одного из автохтонных центров социального идеала, способного стать общим для всего формирующегося в рамках Московского государства средневекового русского общества. Поэтому второй период можно определить как завершение генезиса социального идеала.

Третий период в русле такого понимания общего хода процесса – это период формирования социального идеала, адекватного онтологической природе российского аграрного общества.

Формирование самодержавно-служебного социального идеала стало результатом длительного процесса эволюции из исходных протоцентров (вечевого и княжеско-боярского) самодержавного центра социального, культурного и политического порядка (центральная ценностная система, основанная на христианских ценностях, и центральная институциональная система в лице самодержца и бюрократического боярско-дворянского аппарата) и соответствующего определения пространства социальной периферии (сословия и социальные группы российского общества).

В конечном итоге идеал самодержавно-служебного согласия явился результатом развития естественной, внутренне преемственной традиции поиска обществом наиболее эффективных институциональных и социокультурных средств адаптации к условиям аграрного мира, возникшего и эволюционирующего в специфических условиях природно-географической среды Восточно-Европейской равнины. В этом смысле он адекватно отразил онтологическую сущность русского общества как общества, чьё выживание и развитие на аграрном этапе определялись способами взаимодействия социума с природно-географической средой.

1. История России с древнейших времен до конца XVII века [Текст] / под. ред. Л.В. Милова. – М.: Эксмо, 2009.

2. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций [Текст] / Ш. Эйзенштадт. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 100.

3. Shils, E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology [Text] / E. Shils. – Chicago: University of Chicago Press, 1975.

4. Shils, E. Tradition [Text] / E. Shils. – Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1981.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ РУКОВОДИТЕЛЯ

УДК 159.9

Т.Н. ПОЛКОВНИКОВА

Система личностно-профессионального развития человека заметно усложняется и требует максимальной ориентации на его профессиональный выбор, творческие возможности и требования профессиональной деятельности, особое место в которой занимает управленческая деятельность.

Одним из главных направлений реформирования Вооруженных сил Российской Федерации выступает решение задачи совершенствования подготовки офицерских кадров, то есть, каким должен быть офицер – профессионал, каким требованиям он должен отвечать, какими способностями и качествами обладать, какие возможности существуют для их диагностики, каким образом наиболее эффективно развивать профессиональные способности в процессе обучения в военных высших учебных заведениях (вузах).

Происходит расширение и усложнение решаемых управленческих задач, требующих от военного руководителя любого уровня наличия и развитости сложного и специфического набора способностей.

Данная проблематика давно заняла свое важное место на теоретико-практическом поле отечественной науки, однако за пределами научного внимания во многом продолжают оставаться такие проблемы и вопросы, как возможности и условия развития управленческих способностей в системе высшей профессиональной подготовки; известные противоречия между изменяющимися социально-экономическими условиями воинской деятельности, требующими определенного набора специфических способностей к управленческой деятельности и реальным уровнем развития этих способностей; между определением структуры управленческих способностей и недостаточной изученностью их диагно-

стики и развития в процессе подготовки управленческих кадров.

Уяснению сути проблемы в значительной мере помогло конкретное социологическое исследование, проведенное автором в период с 2005 по 2010 годы*. В итоге, удалось уточнить содержание управленческих способностей офицеров, определить их структуру и описать особенности поведенческих проявлений каждого из компонентов управленческих способностей. В структуре управленческих способностей присутствуют два компонента – процессуальный компонент (психические процессы, качества) и операциональный компонент (операции, действия по их применению). При этом в структуре аналитико-прогностических способностей преобладает процессуальный компонент, а в структуре исполнительских способностей наибольшая нагрузка ложится на операциональный компонент.

В структуре управленческих способностей офицеров выделяются общие (базовые) способности, интегративные и специальные способности, содержательно-структурные характеристики и уровень развития управленческих способностей, детерминированные психологическим содержанием профессиональной деятельности офицеров. Основными критериями выделения компонентов управленческих способностей являются: *деятельностно-функциональный* – признаки свойств психики и качеств личности, необходимых для управленческой деятельности; *структурно-психологический* – признаки сформированности психической готовности и подготовленности руководителя выполнять управленческие функции.

Социально-психологическими условиями развития управленческих способно-

* Исследованием было охвачено 196 офицеров – слушателей командного и инженерного факультетов, 134 офицера факультета переподготовки кадров Военной академии им. Петра Великого и других вузов ракетных войск. Всего в исследовании приняли участие 330 человек. Исследование проводилось на базе Военной академии РВСН имени Петра Великого и других вузов ракетных войск.

стей, позволяющими достичь нового качественного уровня деятельности и обеспечить переход личности военнослужащего на более высокую ступень своего развития, выступают: профессиональная мотивация к деятельности и самосовершенствованию; адекватная самооценка, профессионально-важные интеллектуальные и управленческие качества; а также навыки регуляции эмоционально-волевой сферы личности военнослужащего.

Анализ управленческой деятельности офицерских кадров позволяет выделить общие и специальные способности руководителя. К общим способностям мы относим интеллект, креативность, обучаемость, способность к саморегуляции, психическую устойчивость, активность, рефлексиию. Под *специальными* способностями мы понимаем систему свойств человека, которая помогает достичь высоких результатов специальной деятельности. По своему характеру они могут быть двух типов. *Интерсоциальные* способности ориентированы на организацию взаимодействия людей, управление ими. *Конструктивные* — направлены на создание конкретных объектов в тех или иных сферах. В отличие от общих способностей специальные способности принято связывать с успешностью в управленческой деятельности.

Общие профессиональные способности — это психологические свойства личности, требуемые от человека данной конкретной профессиональной деятельностью. Они определяются предметом труда в профессии (человек, техника, природа и др.). Специальные профессиональные способности — это психологические свойства личности, требуемые от человека в рамках данной профессии, но при более узкой специализации. Специальные профессиональные способности определяются конкретными условиями труда, в том числе особыми (дефицит времени, информации, перегрузки).

Среди общих и специальных качеств военного руководителя называют, как правило, развитый интеллект, мотивированность на профессию, эмоционально-волевою устойчивость, личностный рост. Однако главными факторами эффективности управленческой деятельности выступают специфические *управленческие способности*.

При рассмотрении общей структуры управленческих способностей мы ис-

ходим из использования двух критериев — *функционально-деятельностного* и *структурно-психологического* и выделяем основные категории качеств, а именно, управленческие, общеорганизационные и локальные способности. Каждая из названных категорий подразделяется на две основные группы. При этом третья категория является психологической основой для первых двух, она обуславливает уровень развития входящих в них способностей. Общая структура управленческих способностей (включающая все три их категории) схематично представляется следующим образом (рис. 1).

Исходя из структуры управленческих способностей офицеров, представляется возможность обосновать акмеологическую модель их развития.

По своей сути она представляет концепцию системного и продуктивного использования сил и средств, обеспечивающих развитие и совершенствование творческого потенциала руководителя для обеспечения его эффективной управленческой деятельности. По содержанию она объединяет цель, содержание, организационные компоненты и условия развития управленческих способностей.

Кроме субъективных условий, влияющих на мотивацию, интеллектуальные и управленческие возможности личности офицера, требуется определить в качестве возможного психологического условия развитие управленческих способностей, необходимые эмоционально-волевые качества.

Большое значение в развитии человека придается волевым процессам. Сущность волевого поведения офицера выражается в способности подчинить свое поведение сознательно поставленным целям даже вопреки непосредственным (импульсивным) побуждениям.

Теоретико-методологический анализ рассмотренных подходов к определению психологических условий развития способностей, позволяет утверждать, что развитие специфических управленческих способностей офицеров, слушателей ввузов РВСН — необходимо вести с учетом индивидуального своеобразия личности, наряду с учетом и созданием внешних условий, что позволяет систематизировать социально-психологические условия продуктивного развития управленческих условий (рис.2).

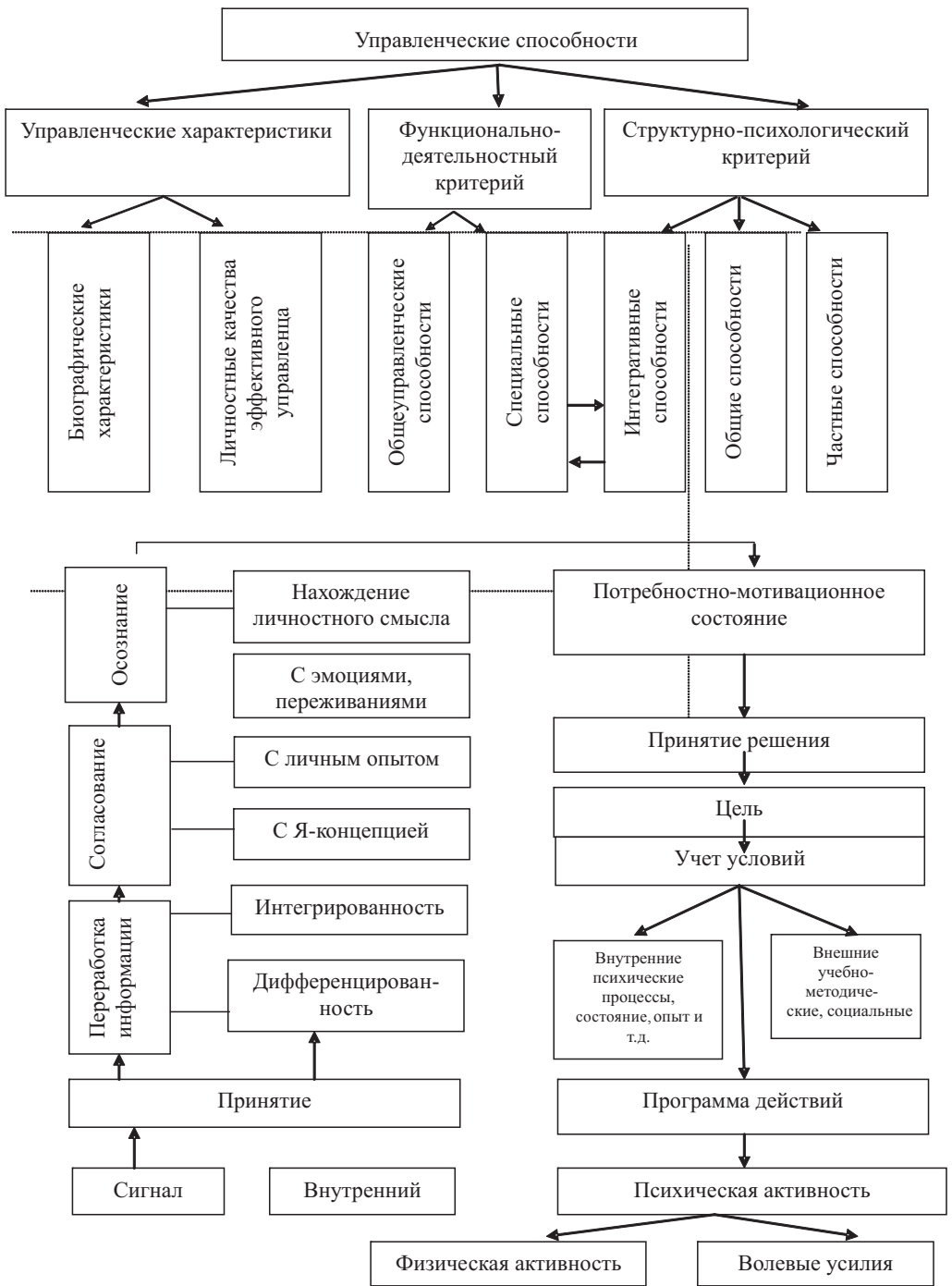

Рис 1. Социально-психологическая модель развития управленческих способностей

Рис.2. Классификация социально-психологических условий развития управленческих способностей

Психологические условия развития управленческих способностей — это объективные, субъективные и субъективно-объективные предпосылки развития личности офицера в целом. Выделенные социально-психологические условия отразятся на следующих компонентах структуры личности офицера: *мотивационном*, определяющем профессиональную направленность личности; *управленческом* — как показатель степени развития и проявления способности к руководству подчиненными и организации взаимодействия; *когнитивно-смысловом*, определяющем степень развития специальных способностей и *эмоционально-волевом компоненте* как наличию способностей противостоять и нейтрализовать неблагоприятное воздействие факторов, затрудняющих деятельность.

В качестве социально-психологических условий развития управленческих способностей мы выделяем профессиональную мотивацию саморазвития; адекватную самооценку, развитие интеллектуальных и управленческих профессиональных качеств, наличие навыков регуляции эмоционально-волевой сферы личности военнослужащего, совершенствование существующей системы отбора и изучения кандидатов для поступления в военные академии (университеты).

Управленческие способности офицерских кадров представляют собой системное свойство личности офицера, они имеют целостную многокомпонентную структуру, представляющую синтез общих и специальных способностей.

Сопоставление выраженности отдельных управленческих способностей

у сложившихся и начинающих военных руководителей представлены в таблице 1.

Представленные в таблице 1 результаты, позволяют сделать определенные выводы о динамике формирования управленческих способностей. Интеллектуальные функции более выражены у офицеров-слушателей, средние показатели 78 % и 60 % заданий соответственно в этих двух выборках.

ситуациях, требующих постоянства, настойчивости, упорства; N – опытность, расчетливость, проницательность при осознании удовлетворения достигнутым; Q₃ – тенденция к сильному контролю своих эмоций и общего поведения, внимание к людям, проявление самоуважения, забота о социальной репутации. Не установ-

Таблица 1

Усредненные показатели выраженности управленческих способностей

Выборка		Курсанты			Офицеры		
Показатели		М	Мода	Медиана	М	Мода	Медиана
Интеллект, общие способности		56(60%)	–	–	73(78%)	–	–
Личностные качества	Общеуправленческие способности	40(80%)	38	40	41(82)	41	41
Блок личностных показателей	Мотивация достижений	12,6(63%)	14	12	12,1(60%)	13	12
	Принятие решений	2,8(28%)	3	3	4(40%)	4	4
	Профессиональная направленность	3,4(37%)	3	3	3,6(40%)	2	3
	Доминантность	5(45%)	5	5	5,6(51%)	6	6
	Креативность	1,7(18%)	2	2	1,5(16%)	1	1
	Порог активности	6(30%)	5	5	3,9(19%)	2	3

По всем показателям порог активности у офицеров и курсантов существенно различается. Чем выше порог, тем ниже активность. В выборке офицеров отмечается более высокий порог активности, особенно в выборке офицеров 2 курса. Данный показатель позволяет сделать вывод, что офицеры-слушатели в процессе учебы находятся в состоянии постоянной готовности действовать, высокой познавательной активности.

Личностные (психологические) образования, выявленные на 1 курсе офицеров-слушателей и развивающиеся на этапе профессионального роста – середина 2 курса, существенно меняются у офицеров-слушателей. Это подтвердили результаты по тесту Кеттелла, отраженные в таблице 2.

Отмечается рост по ряду факторов: А – естественность в общении, готовность к сотрудничеству в сочетании с гибкостью в отношении к людям; G – добросовестность, настойчивость, обязательность. Здесь не боятся брать ответственность на себя, здесь высокая эффективность в

лени наличия значимой корреляционной связи с показателями таких компонентов управленческих способностей, как организаторские склонности, объем и концентрация внимания, интеллектуальный кругозор и зрительно-моторная координация.

К управленческим способностям офицерских кадров ракетных войск следует отнести высокие интеллектуальные показатели (фактор В), высокую доминантность (фактор Е), независимость, требовательность и ответственность (фактор I), практичность и добросовестность (фактор М), уверенность в себе (фактор О), умеренный консерватизм (фактор Q₁), адекватная самооценка (фактор Q₃).

В вопросах профессиональной мотивации наше внимание было сосредоточено на таких аспектах, как выявление ведущих мотивов профессионального развития; определение степени значимости тех или иных побудителей профессионального роста и развития*.

* Общий объем выборки составил 96 человек слушателей командного и инженерного факультетов. Из 35 видов предложенных мотивов выделялись наиболее значимые. Значимость устанавливалась количеством выборов и средним баллом по группе, где 5 баллов отдавались значимому мотиву. Результаты представлены ниже.

Таблица 2

Показатели шкал теста Кеттелла у офицеров на 1 и 2 курсах обучения

№ п/п	Офицеры 1–2 курсов	Шкалы по тесту Кеттелла															
		1A	2B	3C	4E	5F	6G	7H	8I	9L	M	N	O	Q ₁	Q ₂	Q ₃	Q ₄
1	на 1 курсе	6.7	5.3	6.0	5.6	4.4	6.6	6.2	5.3	5.7	4.1	6.7	6.5	5.9	5.7	8.2	5.3
2	на 2 курсе	6.7	5.4	6.1	5.6	4.4	6.7	6.2	5.3	5.9	4.2	6.7	6.5	6.0	5.7	8.3	5.3

Таблица 3

Характеристика ведущей профессиональной мотивации

Наименование мотива	Количество выборов	Средний балл	Станд. отклонение
Материальное вознаграждение	31	3,4	1,38
Служебная карьера	32	3,09	1,25
Успех в жизни	30	3,03	1,62
Интерес к профессии	27	4,25	1,09
Желание получить образование	22	2,27	1,17
Желание повысить квалификацию	16	2,68	1,07

Таблица 4

Динамика профессиональной мотивации офицеров

Наименование мотива	Количество выборов	Средний балл	Станд. отклонение
Осознание способностей к управленческой деятельности	37	4,59	1,21
Интерес к профессии	21	2,59	1,55
Важность выполняемых задач	25	3,44	1,15

Как видно, для половины слушателей на первое место выходят прагматические мотивы, связанные с реализацией карьерного роста, достижением определенного уровня социального положения и т.д.; на втором месте стоит интерес и мотивы самореализации и саморазвития. Средние показатели иллюстрируют, что слушатели отдают предпочтение профессиональным мотивам.

При рассмотрении динамики профессиональной мотивации офицеров – слушателей командного и заочного факультетов (при выборке 54 человека) – установлены ведущие мотивы руководителей (см. табл. 3).

Как видим, прагматические мотивы не являются ведущими, вместе с профессио-

нальными мотивами все большее значение приобретают социальные мотивы. Следовательно, по мере «погружения» в процесс овладения профессиональными знаниями, умениями и навыками происходит качественное изменение в мотивационной сфере офицера, меняются ведущие мотивы, их структура, что влияет на уровень познавательной активности в процессе развития управленческих способностей. Таким образом, профессиональная мотивация представляет собой совокупность психологических условий, которые детерминируют, направляют и регулируют процесс формирования управленческих способностей, поддерживают на необходимом уровне профессиональную компетентность.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЛАЗАМИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ЕКАТЕРИНБУРГА: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.354:351/354

Н.Б. КОСТИНА, Ю.П. ОЗОРНИНА

Эмпирическое социологическое знание в странах с развитой экономикой уже давно и достаточно успешно выполняет роль внеуправленческой информации, обеспечивая органы государственной власти и местного самоуправления сведениями об управляемом объекте. Сам факт использования социологического знания в процессе разработки и принятия управленческих решений является своеобразным индикатором состояния демократии и свидетельствует о том, что государственное управление действительно ориентировано на формирование гражданского общества, на достижение целей по организации оказания услуг населению, по совпадению результатов управленческой деятельности и ожиданий со стороны населения.

Однако сегодняшняя российская действительность такова, что органы государственного управления используют возможности социологии как источника внеуправленческой информации не в полной мере. Как правило, она оказывается наиболее востребованной в период избирательных кампаний и при написании отчетов для вышестоящих органов власти, но даже в этих случаях реальные общественные настроения часто приукрашиваются. В то же

время только достоверная, полная и своевременная социологическая информация является одним из важнейших критериев эффективности государственного управления, а также позволяет выявлять, наряду с актуальными, и потенциальные проблемы, с которыми могут в ближайшем будущем столкнуться органы власти. Поэтому в данной статье предпринята попытка представить интересующую социологическую информацию о том, как жители крупного областного центра оценивают деятельность органов государственной власти, принимаемые решения и их реализацию, в чем усматривают причины недостаточно эффективной работы чиновников.

В статье представлены данные, полученные в результате анкетирования взрослого населения города Екатеринбурга, проводимого осенью 2010 года. Социологический опрос осуществлялся по методике априорной квотной выборки, котируемые признаки — пол и возраст опрошиваемых. Выборочная совокупность составила 500 человек в возрасте старше 18 лет.

Для выявления оценок населением феномена эффективности государственного управления необходимо было определить, какой смысл вкладывается в данный термин.

Таблица 1

Эффективность государственного управления в понимании населения (% к числу ответов)

№ п/п	Варианты ответов	%
1	Органы государственной власти не просто решают существующие проблемы, но и предвидят и предотвращают будущие	27,2
2	Работа органов государственной власти отражает общественные интересы и потребности	26,6
3	Госслужащие добиваются ожидаемых результатов при низких затратах	24,8
4	Цели государственного управления совпадают с потребностями населения	20,4
5	Все выше перечисленное в совокупности	0,4
6	Затрудняюсь с ответом	0,6
	Итого:	100,0

В понимании респондентов государственное управление является эффективным в том случае, когда решаются не только существующие проблемы, но и прогнозируются возникновение проблем в будущем. Принимаемые в этом случае управленческие решения приобретают превентивный характер, позволяя снизить остроту будущих проблем. Так называемое «латание дыр», которое свойственно российскому государственному управлению, по мнению населения, не является показателем эффективной работы органов управления.

Эффективность государственного управления также представляется опрошенным как свойство деятельности, осуществляемой в интересах управляемого сообщества.

Интересно, что практически четверть опрошенных нами жителей г.Екатеринбурга (24,8%) под эффективностью государственного управления понимает достижение ожидаемых результатов при низких затратах. Это свидетельствует о том, что часть населения понимает эффективность исключительно в экономическом ключе, а госструктуры воспринимает как коммерческие организации. 25,8% респондентов, выбравших этот вариант ответа, относятся к возрастной категории от 18 до 29 лет и представляют собой поколение рыночной экономики России.

В формировании оценок населением эффективности государственного управления значимую роль играют средства массовой информации, которые информируют об основных направлениях государственной политики, принимаемых и реализуемых органами власти решениях. Еще одной значимой «информационной линией» между гражданами и органами власти выступает информация, полученная от ближайшего окружения. Наиболее же достоверным и важным источником информации о деятельности органов власти является личное взаимодействие граждан с чиновниками.

При определении корреляции между мнением населения о работе чиновников и источниками получения информации выяснилось, что самые негативные оценки дали те, кто непосредственно сталкивался с работой государственных служащих. Несколько позитивнее отзывы тех, кто черпает информацию от знакомых и близких родственников, и самые положительные мнения формируют средства массовой информации (см. таблицу 3). Полученные нами данные неутешительны, поскольку оценки именно тех, кто непосредственно сталкивался с деятельностью чиновников, оказались самыми низкими. При этом оценки работы чиновников мало зависят от того, насколько человек удовлетворен результатом взаимодействия с бюрократической системой. Положительные отзывы о работе чиновников даже среди тех, кто имеет позитивный результат взаимодействия с ними, составляет лишь 11,4%. При этом показательно, что никто из опрошенных не оценил работу чиновников на «отлично».

В ходе опроса мы попытались выяснить, какие факторы влияют на выполнение госаппаратом своих функций (см. таблицу 4). В качестве главных факторов неэффективности государственного управления респондентами указаны недобросовестность чиновников, их низкий моральный облик (26,3%) и отсутствие страха перед наказанием (24,3%).

В «тройку» основных причин неудовлетворительной работы чиновников вошел фактор несовершенства законодательства — его отметили 16,4% респондентов. Но разработка и принятие нормативных актов, функция регламентации — прерогатива государственного управления. Получается, что несовершенство законодательства является одновременно и результатом, и фактором неудовлетворительного государственного управления.

Таблица 2

Источники информации о деятельности органов государственной власти (% к числу ответов)

№ п/п	Из каких источников вы получаете информацию о деятельности органов государственной власти	%
1	Из СМИ	47,8
2	Лично сталкивался с работой чиновников	32,7
3	Родные и знакомые сталкивались с работой чиновников	19,1
4	Сам являюсь государственным или муниципальным служащим	0,2
5	Состояние дел в России	0,2
	Итого:	100,0

Корреляция оценки деятельности органов государственной власти и каналов получения информации (% к числу ответов)

№ п/п	Категория респондентов по признаку «канал получения информации»	Выставленные оценки, %			
		Неудовлетворительно	Удовлетворительно	Хорошо	Отлично
1	Лично сталкивающиеся с работой чиновников	55,7	42,6	1,6	0
2	Оценивающие работу чиновников со слов родственников и знакомых	46,7	48,6	4,7	0
3	Оценивающие работу чиновников по информации в СМИ	36,7	56,2	7,1	0
4	Все респонденты	42	53	5	0
	Сумма:	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 4

Мнение населения о факторах, обуславливающих неудовлетворительную работу органов государственной власти (в % к числу ответов)

№ п/п	Факторы неудовлетворительной работы органов государственной власти	%
1	Недобросовестность и низкий моральный облик чиновников	26,3
2	Отсутствие страха перед наказанием	24,3
3	Несовершенство законодательства	16,4
4	Низкий уровень профессионализма госслужащих	15,8
5	Отсутствие правовой культуры у граждан	7,8
6	Давление вышестоящих органов государственной власти	5,2
7	Низкая зарплата в государственных структурах	2,3
8	Большая загруженность чиновников работой	1,5
9	Все перечисленное	0,1
10	Антинародность существующего режима	0,1
11	Безответственность перед народом	0,1
	Итого:	100,0

Таким образом, мнение о «хронической неэффективности деятельности органов государственной власти», присутствующее в сознании большинства граждан, тесно связано с образом не порядочного чиновника, который действует преимущественно в своих личных интересах. Именно поэтому при ответе на вопрос о выборе способов изменения сложившейся ситуации опрошенные нами жители города на первое место ставят ужесточение наказаний за коррупцию (21,3%), тщательный отбор претендентов при принятии на государственную службу, с учетом образования и квалификации (17,2%), совершенствование законодательства (14,2%), введение запрета на занятие государственных должностей лицами, уличенными в коррупции (13,2%), усиление общественного контроля (11,1%).

В контексте полученных данных при проведении исследования принятие законопроектов по борьбе с коррупцией полностью отвечает сегодняшним российским реалиям. Поскольку коррупция в органах власти превратилась в хроническую болезнь, весной 2011 года внесены изменения в законодательство, направленные на усиление противодействия коррупции.

Помимо борьбы с коррумпированностью чиновников, приоритетными механизмами преодоления неэффективности государственного управления, по мнению респондентов, должны стать борьба с произволом чиновников и преодоление их непрофессионализма, в том числе посредством «очистки» госаппарата от лиц, имеющих несоответствующий моральный облик.

Парадоксально, что респонденты одним из основных инструментов влияния на работу госслужащих видят усиление общественного контроля (11,1%), но при этом считают, что существующие и давно применяемые способы общественного воздействия (митинги, забастовки, обращения и жалобы граждан) практически потеряли свою действенность.

В то же время среди институтов, оказывающих, по мнению респондентов, наибольшее влияние на эффективность деятельности чиновников, — как раз те, что имеют непосредственное отношение к органам государственной власти. Такова позиция большей части опрошенных (50,8%). В качестве главного субъекта контроля за деятельностью бюрократии был назван Президент РФ (25,1%). Государственная Дума РФ «набрала» 13,3% голосов респондентов, политические партии — 7,4%, законодательное собрание региона — 4,9%, В.В. Путин — 0,1%.

Средства массовой информации, по мнению респондентов, оказывают практически такое же влияние на чиновников, как и Государственная Дума РФ, так считает 13,8% опрошенных. В то же время общественные организации, профсоюзы и непосредственно граждане в рейтинге возможных субъектов контроля государственного управления, как уже было отмечено выше, упоминаются заметно реже. Низкие места этих институтов в рейтинге возможных субъектов общественного влияния отражают их недейственность и обесценивание общественной и политической значимости в глазах общества.

В итоге, декларируемые высшим руководством страны демократические механизмы в действительности работают плохо, т.к. мнение населения имеет малый вес для органов власти, для чиновников. С другой стороны, подобные оценки свидетельствуют также о низком уровне социальной и политической активности

Таблица 5

**Рейтинг наиболее действенных институтов влияния на деятельность органов государственной власти
(% от числа ответов)**

№ п/п	Институты влияния на деятельность органов власти	%
1	Президент РФ	25,1
2	СМИ	13,8
3	Государственная Дума РФ	13,3
4	Суды	9,7
5	Политические партии	7,4
6	Общественные, правозащитные организации	6,0
7	Забастовки, митинги, демонстрации и другие акции протеста	5,8
8	Законодательное собрание региона	4,9
9	Обращения и жалобы граждан в органы государственной власти	4,9
10	Выборы федеральных и региональных органов государственной власти	3,7
11	Профсоюзы	3,4
12	Никто	1,0
13	Затрудняюсь с ответом	0,4
14	Деньги	0,2
15	Элита и иностранные государства	0,2
16	В.В. Путин	0,1
17	Народ	0,1
18	Криминальные структуры	0,1
	Итого:	100,0

граждан. Пессимизм и нежелание граждан добиваться правовой и социальной справедливости автоматически приводит к отмиранию механизмов общественного влияния на власть.

Последствия, к которым может привести неэффективная работа чиновников, по мнению респондентов, перечислены в таблице 6. Основным следствием неэффективной работы госструктур является

не следствием неэффективной работы госслужащих, а фактором возможных негативных социально-экономических явлений в стране.

На наш взгляд, наиболее опасные последствия неэффективной работы госаппарата — социальная напряженность, социальное расслоение общества, недоступность и низкое качество социально значимых услуг, экономический кризис,

Таблица 6

**Рейтинг последствий неэффективной работы органов государственной власти
(в % к числу ответов)**

№ п/п	Последствия неэффективной работы органов государственной власти	%
1	Увеличение коррупции	22,0
2	Социальная напряженность	16,8
3	Большой разрыв между доходами населения	16,1
4	Низкая доступность и качество социально значимых услуг (образование, здравоохранение и т.д.)	13,6
5	Экономический кризис	13,5
6	Высокий уровень преступности	10,2
7	Забастовки, митинги, демонстрации	7,5
8	Все выше перечисленное	0,2
9	Распад государства	0,2
	Итого:	100,0

коррупция, так считает 22,0% опрошенных. В данной ситуации целесообразно задать вопросом: «Действительно ли коррумпированность госструктур носит столь масштабные размеры и является культурной проблемой российской действительности, или она стала просто удобным объектом, на который перекладываются все политические неудачи?». По мнению опрошенных, коррупция является скорее

высокий уровень преступности; забастовки, митинги, демонстрации, которые являются выражением социальной напряженности.

Если с коррумпированностью чиновников можно бороться посредством законотворческой и правоохранительной деятельности, то социальную напряженность законами и полицией остановить невозможно.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ КАК ФУНКЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

УДК 352

Т.Е. ЗЕРЧАНИНОВА, Е.В. ПОЗДНЯКОВА

В государственных целевых программах, которые в настоящее время являются одним из основных инструментов решения социально-экономических задач, воплощаются конкретные направления государственной политики. Государственная молодежная политика на региональном уровне также реализуется в форме региональных стратегий и целевых молодежных программ. В последнее время заметно усилилась критика государственных молодежных программ со стороны специалистов и общественности. На уровне формирования программ отсутствует системность, теоретико-методологическое обоснование, отсутствуют методики оценки эффективности программ, тщательная независимая экспертиза программ на этапе их разработки [14, с. 38–39]. Можно также добавить специфические проблемы, связанные с программами в сфере молодежной политики: пассивность молодежи в обсуждении молодежной политики и молодежных программ, недостаточный учет в программах интересов, потребностей, жизненных планов молодежи, низкий уровень информированности молодежи о целевых программах, низкий уровень охвата молодежи, особенно работающей молодежи и сельской молодежи и т.д. Обозначенные проблемы актуализируют вопрос об анализе программ в сфере молодежной политики и оценке их эффективности.

Методология нашего исследования основана на комплексном использовании трех взаимодополняющих методологических подходов: системного, деятельностного и социально-технологического. Системный подход позволяет представить молодежную политику как подсистему социальной политики государства и применить принципы прикладного системного анализа для разработки и оценки молодежных программ. «Для применения системного анализа характерно признание многоаспектного, комплексного характера анализируемых систем, выделение контролируемых и неконтролируемых факторов, четкое формулирование проблем, разделение их на более мелкие проблемы и задачи, установление единых критериев решения всей иерархии проблем

и разработка соответствующего комплекса действий» [13, с. 124].

В соответствии с деятельностным подходом программирование как функция управления представляет собой особый вид управленческой деятельности. В соответствии с классификацией видов государственно-го управления, предложенной Т.В. Дуран и В.А. Костиным, функцию программирования можно отнести к целевому управлению. «Целевое управление — наиболее разнообразный вид управления. С точки зрения функций оно также включает учет, анализ, контроль, но, кроме того, целеполагание (планирование), подбор исполнителей, мотивацию и стимулирование. С точки зрения сфер применения оно используется всеми субъектами управления: в менеджменте, в государственном и муниципальном управлении, в общественных организациях» [1, с. 11]. Мы предлагаем дополнить этот перечень функций, относящихся к целевому управлению, прогнозированием и программированием.

По мнению В.А. Костина, управление — это деятельность, которая предполагает выработку проекта деятельности (информационного образа). Проект, в данном случае, выступает как программа исполнителя, т.е. это сложный идеальный образ, благодаря которому осуществляется организация деятельности как самого субъекта управления, так и управляемых субъектов [4, с. 9–15]. Таким образом, содержанием управленческой деятельности является разработка управляющими субъектами программ деятельности и определение способов их реализации. Именно в государственном управлении разработка и реализация целевых программ является одним из основных видов деятельности.

С точки зрения социально-технологического подхода социальное программирование рассматривается как социальная технология. Этот подход позволяет теоретически обосновать молодежную политику как системную технологию улучшения качества жизни молодежи [15, с. 47]. Значение технологии заключается, прежде всего, в том, что она делает управленческую деятельность более рациональной, включая в нее только

те процессы и операции, которые необходимы для достижения поставленной цели.

Технология программирования реализуется в соответствии с принципами программно-целевого метода в управлении, целью которого является повышение эффективности использования финансовых ресурсов территории и который «предусматривает установление конкретных целей, задач и показателей эффективности программ с одновременным мониторингом и контролем их достижения» [14, с. 38]. Специалисты выделяют основные признаки программно-целевого метода:

— системность, означающая разработку комплекса взаимосвязанных мероприятий программы;

— целевая направленность, ориентирующая на определение намеченного результата программных действий. Количественная определенность цели обеспечивается за счет разработки целевых показателей и целевых нормативов желаемого состояния объекта;

— ресурсообеспеченность, определяющая возможность реализации разработанной программы на основе расчета общего объема требуемых ресурсов;

— эффективность, позволяющая на основе оценки соотношения ожидаемых результатов и требуемых ресурсов определить наилучший вариант программы [12, с. 212].

Основываясь на системном, деятельностном и социально-технологическом подходах, можно определить социальное программирование как функцию управленческой деятельности, представленную в виде системы действий, методов и средств управленческого воздействия на социальные процессы на основе определенного проекта в форме социальной технологии (программы), направленной на получение результатов (сохранения стабильности социальной системы, ее трансформации или коренного преобразования) ради обеспечения интересов и удовлетворения социальных потребностей людей.

В Российской Федерации создана нормативно-правовая база разработки государственных программ [6]. Субъекты Российской Федерации принимают нормативно-правовые акты, определяющие порядок разработки и реализации региональных целевых программ [9]. В данной работе целевые молодежные программы рассматриваются в контексте социологии управления как средство социальной инженерии, то есть как социальные технологии, включающие комплекс мероприятий, направленных на развитие социального потенциала молодежи, удовлетворение социальных потребностей молодежи.

С научной и практической точек зрения особое значение имеет оценка эффективности целевых программ. Анализ региональных молодежных программ показывает, что «показатели результата и показатели эффекта смешиваются» [5, с. 26]. Под результатами следует понимать реализацию конкретных программных мероприятий. Под социальным мероприятием М.Иллнер подразумевает «конкретную деятельность той или иной организации с целью изменить в желательном направлении социальное положение общественной группы или категории людей» [2, с. 75]. Собственно социальное мероприятие выражается в создании определенных условий (правовых, организационных, технических) с целью достижения поставленной цели. Комплекс социальных мероприятий, объединенных общими целями, называется социальной программой. Под эффектом социального мероприятия автор понимает разницу между исходным и конечным состоянием процесса, с учетом того, что эффект вызван воздействием данного мероприятия. Суть определения такого эффекта состоит в анализе причин, обуславливающих положительные изменения, а для этого необходима информация о развитии процесса и его важнейших характеристиках за промежуток времени, предшествующий реализации мероприятия и следующий за ним. Таким образом, эффект представляет собой «измененное состояние системы (новое качество, свойство, характеристика), приобретенное вследствие определенного воздействия» [3, с. 177]. В связи с этим особую актуальность приобретает поиск критериев и показателей оценки эффективности молодежных программ.

В процессе анализа 27 региональных программ в сфере молодежной политики А.Я. Криницкий выявил следующие тенденции:

1. При выборе критериев эффективности имеет место копирование подхода и стандартов федеральной программы «Молодежь России (2001–2005 годы)».

2. Методологическая и терминологическая непродуманность.

3. Формальный характер предлагаемых наборов показателей [5, с. 25].

Эмпирическая часть нашего исследования связана с анализом практики применения социального программирования в сфере молодежной политики в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. В течение 17 лет молодежная политика в округе реализуется посредством целевых региональных молодежных программ. С каждым годом все более усложняется структура программ, но их цели остаются практически неизменными.

Анализ программы «Молодежь Югры» на 2009–2011 годы [7] показал, что в целом программа соответствует требованиям окружного законодательства. Одним из основных недостатков программы является формулировка социально-экономических показателей.

Система показателей эффективности представляет собой анализ статистических показателей, характеризующих действия органов и учреждений государственной и муниципальной власти по реализации государственной молодежной политики. При этом положительным моментом можно отметить наличие фактических значений показателей на момент разработки программы и целевые значения показателей на момент окончания действия программы. Нам представляется, что приведенные показатели не соответствуют основной цели программы: «развитие правовых, экономических, политических, социальных, организационных условий для самоопределения и самореализации молодежи в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» [7]. По ним невозможно оценить, насколько адекватные, достаточные и необходимые условия созданы для самоопределения и самореализации молодежи. Такого рода оценку можно сделать только на основе анализа собственно степени самоопределения и самореализации молодежи. Предлагаемые показатели не учитывают социального эффекта, который выражается в степени удовлетворения потребностей молодежи, в динамике развития её социального потенциала, в улучшении её социального положения и т.п. Степень удовлетворения потребностей и интересов людей является мерой или критерием эффективности управленческой деятельности в целом и каждой целевой программы в частности. Поэтому нам представляется, что оценивать эффективность молодежных программ нужно не в показателях количества учреждений, количества участников мероприятий, процента охвата молодежи различными видами деятельности, а в показателях степени реализации социальных потребностей и интересов молодежи, удовлетворенности молодых людей работой различных учреждений, степени подготовленности молодежи к различным аспектам жизни. Таким образом, в программе не хватает показателей для оценки социальной эффективности.

Под социальной эффективностью молодежных программ мы понимаем положительный совокупный результат, полученный молодежью от внедрения органами власти социально-ориентированных технологий управления, направленных на обеспечение

баланса интересов субъектов молодежной политики и удовлетворение социальных потребностей молодежи и её развитие. Исходя из целей и задач программы «Молодежь Югры» на 2009–2011 годы, нами была сформулирована альтернативная система показателей социальной эффективности данной программы:

1. степень подготовленности молодежи к рыночным отношениям;
2. профессиональное самоопределение учащейся молодежи;
3. степень удовлетворенности профессиональной деятельностью работающей молодежи;
4. степень учета и выражения в социальных программах потребностей, интересов и целей молодежи;
5. уровень удовлетворенности молодежи работой учреждений культуры, искусства;
6. уровень удовлетворенности молодежи работой учреждений физкультуры и спорта;
7. степень осознания молодыми людьми своей ответственности за создание и сохранение устойчивых семейных отношений;
8. восприятие изменений, происходящих в жизни молодежи.

С целью изучения социальной эффективности молодежных программ, в ноябре-декабре 2010 года нами совместно с Управлением по молодежной политике Ханты-Мансийского автономного округа – Югры было проведено социологическое исследование «Социальные проблемы, потребности, жизненные ценности учащейся и работающей молодежи Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (выборка квотная, объем выборки 800 человек). Мы сравнили данные, полученные в 2010 году, с результатами аналогичного исследования, проведенного при участии авторов статьи в марте-мае 2002 года под руководством В.Г. Попова совместно с Комитетом по делам молодежи Администрации Ханты-Мансийского автономного округа (выборка квотная, объем выборки 1000 человек).

Сравнительный анализ динамики показателей социальной эффективности целевых молодежных программ за 2002 и 2010 годы показал, что практически не изменились значения показателей, связанных с профессиональным самоопределением учащейся молодежи (половина старшеклассников не имеет четких профессиональных ориентаций), со степенью удовлетворенности профессиональной деятельностью работающей молодежи (56 % работающих не удовлетворены профессиональной деятельностью). В системе жизненных ценностей понизилась

ценность успеха, по-прежнему низкой остается ценность интересной работы. Таким образом, социальная эффективность мероприятий целевых молодежных программ в профессиональной сфере требует особого внимания, возможно, через усиление внимания к такой социальной группе, как работающая молодежь.

Часть показателей 2010 года имеет значения выше, чем показатели 2002 года: оценка молодежью степени подготовленности к рыночным отношениям; уровень удовлетворенности молодежи работой учреждений культуры, искусства; степень осознания молодыми людьми своей ответственности за создание и сохранение устойчивых семейных отношений. Остается открытым вопрос, в какой степени положительная динамика этих показателей отражает эффективность именно молодежных программ. Скорее всего, это результат региональной социальной политики в целом, связанный с межведомственным сотрудничеством, например, в сфере культуры, в сфере семейной и демографической политики.

В то же время восприятие изменений, происходящих в жизни молодежи, как интегральный показатель общего социального самочувствия, улучшения жизни в целом, осталось без изменений. Таким образом, зафиксированные положительные тенденции в отдельных направлениях молодежной политики не отразились на общем восприятии качества и уровня жизни молодежи.

Подводя итоги нашего исследования, мы делаем вывод о том, что статистические показатели, принятые для оценки эффективности целевой программы, не позволяют измерить социальную эффективность программы, их позитивная динамика еще не свидетельствует о положительном социальном эффекте. С помощью предложенных нами показателей оценки социальной эффективности целевой программы удалось установить отсутствие социального эффекта по многим направлениям молодежной политики. Поэтому в целом мы пришли к выводу о низкой социальной эффективности целевой программы «Молодежь Югры» на 2009–2011 годы.

1. Дуран, Т.В. Институциональное управление в системе видов государственного управления [Текст] / Т.В. Дуран, В.А. Костин // Социум и власть. — 2011. — № 2 (30). — С. 10–14.
2. Иллнер, М. Оценка эффективности социальных мероприятий [Текст] / М.Иллнер // Социологические исследования. — 1990. — № 1. — С. 75–77.
3. Калининченко, Л.А. Социальная организация государственной службы [Текст] / Л.А. Калининченко. — М.: РАГС, 2000. — 224 с.
4. Костин, В.А. Теория управления [Текст] / В.А. Костин. — М.: Гардарики, 2004. — 222 с.
5. Криницкий, А.Я. Эффективность государственной молодежной политики: проблема выбора и измеряемости показателей [Текст] / А.Я. Криницкий // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2009. — № 2. — С. 24–28.
6. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации: Федеральный закон от 20.07.1995 № 115-ФЗ (с изм., внесенными Федеральным законом от 09.07.1999 № 159-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
7. О долгосрочной целевой программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Молодежь Югры» на 2009–2011 годы: Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 24.07.2008 г. № 83-30. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
8. О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 № 1760-р (ред. от 16.07.2009). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
9. О целевых и ведомственных целевых программах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 30.11.2007 № 306-п (с изменениями от 09.10.2010). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
10. Об утверждении областной целевой программы «Молодежь Свердловской области» на 2011 — 2015 годы: Постановление Правительства Свердловской области от 11.10.2010 N 1480-п. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
11. Об утверждении Порядка разработки и реализации областных целевых программ: Постановление Правительства Свердловской области от 17.09.2010 № 1347-п. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
12. Рой, О.М. Стратегическое территориальное управление: бизнес-стратегии территориальных образований [Текст] / О.М. Рой, А.Г. Бреусова. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. — 244 с.
13. Тихонов, А.В. Социология управления. Теоретические основы [Текст] / Издание 2-е, доп. и перераб. / А.В. Тихонов. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — 472 с.
14. Федорова, О.Б. Формирование программ регионального развития: организационный аспект [Текст] / О.Б. Федорова, Е.Л. Чижевская // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2009. — № 2. — С. 38–41.
15. Шурбе, В.З. Молодежная политика как системная технология улучшения качества жизни молодежи [Текст] / В.З. Шурбе // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2009. — № 1. — С. 46–48.

ДИСКУРС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ СТРЕМЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

УДК 141

Н.С. ЗЫРЯНОВА

Современные исследователи общества выделяют его базовые характеристики, говорят о том, что это потребительское общество. Одной из главных ценностей в жизни современного человека становятся деньги и товар. Даже ценность отдельного человека может измеряться количеством благ и денег, которые он имеет. Потребительство определяет качество жизни людей в массовом обществе. А формирование потребностей зависит во многом от влияния массовой культуры и тех каналов коммуникации, которыми пользуется человек. Среди средств воздействия на потребительские предпочтения выделяется реклама и тот дискурс, который она формирует.

В контексте современной культуры можно выделить следующие аспекты рекламного дискурса: экономический, психологический, социокультурный, эстетический. Детализируем их.

Экономический аспект. На первый взгляд, реклама посредством содержания рекламного текста выполняет в культуре «объективистскую» функцию, донося информацию о потребительских свойствах товаров и видах услуг с целью их реализации и создания спроса на них. Однако подлинным субъектом рекламы являются отнюдь не свойства товаров и услуг, а реализуемое посредством этого желание, стремление, потребность, т.е. формируемый рекламой спрос. Причем именно этот акцент рекламы экономически необходим заказчику, именно он определяет эффективность и рентабельность рекламных услуг. Ведь реклама, будучи одним из способов продвижения товара на рынок, существует ради того, чтобы привлечь к товару или услуге столько потребителей, сколько нужно, чтобы товар или услугу было выгодно производить. Расчет строится на том, чтобы окупить затраты и увеличить прибыль за счет продаж. Причем прирост прибыли осуществляется путём перевода «виртуального», символического капитала, заложенного в рекламном тексте, в капитал реальный, денежный. По сути, продается и покупается желание потребителя, опосредованное товаром или услугой.

По мысли П.Бурдьё, вся социальная

действительность является, по сути, символической системой. Символические формы уже давно перестали быть просто статичными интеллектуальными данностями, они превратились в коммуникативные потоки. Поэтому Бурдьё и вводит понятие «символический капитал» [1, с. 87–96]. Капиталом называют те ресурсы, которые могут быть использованы производительным образом, которые обладают универсальной формой, позволяющей их аккумулировать, обменивать, территориально переносить и использовать в разных областях. Единицами символического капитала являются: социальные контакты, авторитет, связи, имидж, бренды, опыт, традиции и т.д. Их, как и всякий капитал, можно накапливать и инвестировать, приумножать и терять, оценивать и обменивать. Капитал является ограниченным объектом притязаний и это создает эффект дефицита: его не может быть «достаточно» для всех, пока экономика общества работает по схеме расширенного воспроизводства. Капиталом становится все, что способно оборачиваться с выгодой.

В потребительском обществе потребление обретает характеристику социальной статусности, престижности. Ориентация на демонстративное (символическое) потребление не дает возможности эффективного развития производства, сводит на нет все его результаты, превращает их в бессмысленное воспроизводство модных, не всегда нужных вещей. Именно оно культивирует рекламный дискурс, где за первым планом демонстрации самого товара или услуги проявляется «идеологизация» матрицы социальных ценностей — образа жизни, социальной аттрактивности, социального признания и значимости. Такое потребление становится в первую очередь демонстрацией богатства, «силы денег» и социального статуса.

Рекламный дискурс искушает, он призывает именно к потреблению демонстративному (символическому), подверженному влиянию моды. Да и сама мода возможна тогда, когда в её рекламе заложена идея демонстрации очередной волны товара на

зависть другим. Волна моды умирает, если ее широко не демонстрируют. Жизнь моды во многом начинается именно с рекламного текста, слогана, заголовка, логотипа, бренда.

Свои каноны образа жизни «праздник класс» пытается навязать всему обществу, всем его слоям. Самыми эффективными орудиями идеологического воздействия в этом становятся средства, используемые рекламой. Представители средних и низших слоев втягиваются в изнурительную гонку за «престижным» форматом потребления: сам ритм рыночной экономики в принудительной форме навязывает «маленькому человеку» свой стереотип существования — в конечном итоге это «денежный стереотип». Этот стереотип полностью подчинен принципу демонстративного (символического) потребления, он определяет каноны общества массового потребления, в соответствии с которыми вехи на жизненном пути — это всего лишь вехи в потреблении все новых и новых товаров и услуг, а по сути, символов (торговых марок, брендов).

Рекламный дискурс отражает хорошо отлаженный механизм формирования потребительских стремлений. За внешней (объективированной) стороной рекламы видна внутренняя (символическая) сторона «производства желаний». Рекламный дискурс позволяет решить следующие задачи: 1) содействует узнаваемости продукта или услуги, где бы ни происходила их реализация за счет формирования устойчивых привычек восприятия товара торговцами и потребителями в расчете на быстрое и легкое запоминание; 2) оперирует всеми известными клише массовой культуры, завоевавшими популярность и обеспеченными достаточным символическим капиталом; 3) оказывает целенаправленное воздействие на потребителя посредством разъяснения сути новизны и усовершенствования продукта или услуги, сводя к минимуму возможность спонтанного выбора, создавая тем самым у потребителя иллюзию осознанного («умного») решения; 4) укрепляет убежденность продавца и потребителя в правильном выборе реализуемого товара за счет проекции успешности товара на успешность того, кто им владеет; 5) постоянно привносит элемент новизны, неожиданности (новая упаковка, модифицированный или усовершенствованный продукт, услуга), создавая иллюзию творчества, прогрессивных изменений, перемен к лучшему; 6) стимулирует спрос и конкурирует на рынке за счет закрепления устойчивого стереотипа товара (марка, фирменный знак); 7) привлекает льготными

скидками или предложениями, поддерживая уровень опережающего потребления (сейлз-промоушн), служащего гарантом производственного (трудового и финансового) обеспечения товара, роста денежного товарооборота.

Таким образом, рекламный дискурс не только способен формировать спрос на товары, услуги, финансы, но и управлять этими процессами.

Психологический аспект. Рекламный дискурс несет в себе суггестивную, убеждающую функцию. Наряду с вербальной он передает огромную дозу эмоциональной информации. С одной стороны здесь мы видим экономический фактор неценового регулирования сбыта продукции и формирования спроса на нее. Но с другой — это очевидный психологический фактор, связанный с определенной эволюцией способов воздействия на сознание потребителя. Содержание и сила направленности рекламного текста за свою длительную историю качественно эволюционировала, пройдя путь «от информирования к увещанию, от увещания — к выработке условного рефлекса, затем — к подсознательному внушению и проецированию символического изображения» [4, с. 9]. Психологические приемы современной рекламы состоят не в том, чтобы удовлетворять потребности человека, а чтобы сформировать их и внедрить в его подсознание, минуя контроль сознания.

Современный рекламный дискурс заставляет потребителя рассматривать товар не просто сам по себе как единичное явление, а товар как «брендинг». Под брендингом подразумевается деятельность по созданию тренда долгосрочного предпочтения товара, основанная на совместном усиленном воздействии на такие его элементы, как: упаковка, товарный знак, рекламные обращения и другие элементы рекламы, объединенные определенной идеей и однотипным оформлением, выделяющие товар среди конкурентов и создающие его рекламный образ.

Управление спросом, потреблением товаров и услуг неразрывно связано с изучением потребностей, мотивов, психологии потребителя. Иными словами, организация рекламы требует изучения психологических особенностей личности и различных социальных, этнических групп, чтобы определить их потребительские возможности. Формирование потребительской идеологии и человека-приобретателя является одним из способов идеологизации в обществе массового потребления. При этом мышление, сформированное сред-

ствами массовой коммуникации, проявляет устойчивый иммунитет к способности рационального критического осмысления реальности. С.Лэш отмечает, что общество, сформированное рекламным текстом, отказывается от рационалистического восприятия реальности [7].

Гедонистическая эстетика досуга с ее повышенным интересом к моде, быту, кулинарии, сфере интимных отношений и повседневной жизни, возникшая в результате конвергенции высокой и потребительской культуры, характеризуется не столько утилитарным, сколько символическим характером потребительских ценностей, удовлетворяющих потребность в радости и удовольствии как через обретение вещей, так и через сам обмен знаково-эстетической информацией. Особое отношение к миру, который не воспринимается объективно и служит только для осуществления желаний, приводит к формированию конsumerистского потребительского сознания, которое готово потреблять созданный рекламой мир нереальных имиджей, иллюзий, оторванных от действительности. Здесь все подвержено влиянию большинства, и индивиду необходимо быть осведомленным, чтобы сделать правильный выбор, быть в форме и следить за собственным телом, чтобы иметь возможность свой выбор реализовать. Отсюда культ молодости, мускулистого тела, здоровья, отсутствие привычки обсуждать болезни и проблемы.

Подобный интерес рекламы к сфере телесного объясняется не только тем, что через базовые инстинкты путь к сердцу покупателя становится короче. Это во многом связано с доминированием в западной культуре ценности индивидуализма, предполагающей уникальность и принципиальную новизну всех проявлений человеческой субъективности.

К тому же, эротичность рекламы всегда была тем ее качеством, которое отмечалось самими первыми ее критиками. Желание и соблазн — это яркие знаки потребительской культуры, соблазняющей каждого посредством сублимированных потребностей, компенсированных желаний, нейтрализованных импульсов. Рекламный дискурс как «забота о каждом» воспроизводится, чтобы потребляться физиологически, духовно, интеллектуально, он может заменять человеку потребность в подлинной самоактуализации в контексте реального социального пространства.

Социокультурный аспект. В его рамках рекламный текст определяется как специфическая информация, являющаяся феноменом современного социума, про-

изводимая определенными общественными структурами для воздействия на индивидуальное и массовое сознание. И эти структуры, и массовое сознание выступают в качестве социальных подсистем со своими потребностями, целями и мотивами производства-потребления [6, с. 5]. С точки зрения социокультурного аспекта рекламный текст рассматривается не столько как механизм экономического регулирования, сколько как одно из средств сплочения, интеграции общественных систем. Это происходит за счет создания единой знаковой картины мира, единых ценностных ориентаций, базирующихся на традициях данной культуры, ее истории. Подобный подход не только способствует целостному осмыслению рекламного текста, как одной из неотъемлемых составляющих культуры современного общества, но и помогает понять специфику и особенности дискурса потребительских стремлений разных общностей, начиная от малых групп и кончая целыми странами и регионами.

Использование рекламного дискурса не только для формирования спроса, но и для управления им внутри определенных общественных групп превращает рекламу в достаточно эффективную технологию системы «паблик рилейшнз» как управляющего элемента общественных связей.

Участие в реализации рекламной продукции в современном обществе выполняет функцию социализации, включая человека в определенную социальную среду и реализуя стратегии адаптации в их многообразных вариантах, связанных со степенью активности и с ориентацией на определенную деятельность личности или группы, а также осуществляя циркуляцию смыслов и значений между ними. Подобное эффективное приспособление индивида к требованиям общества, приобретение необходимого набора социальных черт формирует у него ощущение психологической безопасности и комфорта.

Эти функции рекламы особенно ярко проявляются в современном российском обществе, которое отмечено социальной мобильностью, маргинализацией большей части населения, его ценностной дезориентацией, активизацией различных форм отчуждения. Здесь реклама выступает как система, закрепляющая и легитимирующая новые социальные отношения, которые устанавливаются в современной России. Рекламой сегодня закрепляются и формируются определенные стандарты, отвечающие потребностям каждой социальной группы.

Для того чтобы продать товар или услугу, необходимо подготовить потребителя

к осознанию их необходимости. В этом смысле главной задачей рекламы становится воспитание сознания, не имеющего возможности противостоять технологиям «погружения» в новую реальность, воспринимającego культурный продукт как обладающий исключительно потребительскими свойствами. Таким образом, одной из основных функций рекламы в современном обществе является ее способность формировать потребительскую идеологию, которая становится средством манипуляции массовым сознанием. Речь идет о внедрении ценностей потребительства, за счет чего уходят на периферию массовых интересов ценности более высокого, духовного уровня.

При этом необходимо учитывать, что потребительские ценности, распространяемые рекламой, не являются универсальными, но принадлежат, по преимуществу, «западной цивилизации». Поэтому воспитание человека-приобретателя напрямую связано с внедрением в общества незападного типа «западной» системы ценностей, стереотипов поведения, жизненных сценариев. В этом смысле рекламный дискурс выступает как средство распространения «западной» культуры, проявляющий способность к изменению национальной специфики характера, к гомогенизации, усреднению, обезличиванию самой культуры и ее кода.

Эстетический аспект. Реклама, безусловно, апеллирует к эстетической оценке предметного мира, базируясь на определенном понимании «красоты», повышая чувствительность к этой «красоте», целенаправленно воспитывая и развивая определенную культуру восприятия и вкуса. Реклама так же, как искусство, обращается к эмоциональной сфере человека, воздействуя на него посредством чувственных образов и удовлетворяя потребности эмоциональной сферы личности. Такие функции, как эстетическая и гедонистическая, несомненно, присущи рекламе, поскольку она является одним из видов художественной деятельности и поэтому активно использует те или иные эстетические модели отображения свойств и явлений действительности, предметного мира, а также приемы их художественного выражения, выработанные искусством.

Однако если областью интересов искусства является действительность или внутренний мир художника в совокупности всех их проявлений, то реклама не может быть чистой эстетикой, поскольку она не может оставаться незаинтересованной. Ее эстетика «ремесленная» по духу, ибо ее главным мотивом является утилитарно-

прагматический мотив. Поэтому эстетика рекламы не самоцель, а средство отражения дискурса потребительских стремлений. Рекламная индустрия, хотя и сформировала свои эстетические каноны, которые в общем и целом могут соответствовать «высокой» эстетике, тем не менее это лишь «формальная» сторона искусства, не отражающая ее духа. Перед «творцом» рекламной продукции ставятся принципиально иные задачи, для осуществления которых подходят любые, в том числе и эстетические средства.

Хотя и рекламу, и произведения искусства можно охарактеризовать одними и теми же критериями (апелляция к ассоциативной стороне мышления, оперирование символами и знаками-индексами, эмоциональная, гедонистическая составляющая и т.д.), тем не менее, если искусство одухотворяет человека через его возвышение над нуждами и проблемами утилитарного свойства, то реклама обращена прежде всего именно к этому уровню восприятия, эксплуатируя первичные потребности человека. Кроме того, воспроизводство рекламой стереотипизированного сознания вступает в противоречие со стремлением человека обрести и утвердить себя как неповторимую индивидуальность, что свойственно искусству.

В определенном смысле можно говорить о влиянии искусства на рекламу, поскольку реклама использует художественные образы, созданные искусством. Однако для современной массовой культуры характерен иной феномен — активное участие рекламной продукции в создании новой эстетики, дискурс рекламы дает импульс для создания новых выразительных средств языка современного искусства. Характерным в этом отношении является творчество Анри де Тулуз-Лотрека. Конечно, высокохудожественный уровень работ Тулуз-Лотрека позволяет рассматривать его творчество как образец элитарного искусства, однако сам жанр этих работ — театральная реклама — допускает возможность такого сопоставления, выявляющего особенности как «языка» тогдашней рекламной продукции, так и «языка» новых художественных форм и, самое главное, дает возможность их корреляции.

Активное использование крупного плана как основного приема рекламного изображения постепенно проникло и стало успешно применяться в киноискусстве, фотографии, живописи. Здесь процесс влияния одной сферы на другую становится обоюдным, когда художественные средства, ассимилированные рекламой, стимулируют развитие искусства. Это взаимодей-

ствие осуществляется подчас не только на уровне переосмысления и заимствования массовой культурой художественных приемов, выработанных большим искусством, но и на уровне продуцирования новых направлений элитарного искусства, возникающих первоначально именно в рекламной практике.

Исключительно на рекламных приемах базировалось одно из авангардных направлений в искусстве 40-х гг. XX века — оп-арт. Его основатель — В.Вазарели — работал в парижском бюро рекламы в качестве художника. Эксперименты Вазарели с мерцающими и переливающимися плоскостями, воздействующими на потребителя на психофизиологическом уровне, привели впоследствии к рождению оп-арта (англ. op-art, сокр. от optical art — оптическое искусство), где иллюзия движения создавалась ритмическими сочетаниями цветов, однородных геометрических фигур и линий.

Своеобразным художественным протестом дискурсу потребительских стремлений рекламной продукции, фетишизации вещи в обществе потребления стало такое течение элитарного искусства, как поп-арт (от popular art — популярное искусство), сформировавшееся в 50-х гг. XX века в США и Англии. Поскольку источником выразительных средств поп-арта, культивирующего намеренно случайное сочетание текстов, рисунков, фотографий, разных жанров и техник, от промышленной графики до дизайна, стала та же реклама, это свидетельствует о том, что уже к этому периоду рекламный дискурс стал неотъемлемой частью массового сознания, одной из его самых ярких характеристик. Художественным средством стало само нарушение стереотипа рекламного дискурса. Отказавшись от эстетизации вещи рекламой как предмета массового потребления, создатели поп-арта стремились вырвать вещь из ее привычного контекста и поместить в новый, художественный, с тем,

чтобы наделить ее (вещь) новыми смыслами и вскрыть ее неутилитарную красоту (или безобразия). Здесь произведениями искусства могли стать предметы туалета и обихода, чистящие и моющие средства, стандартная мебель, новая и поношенная одежда, т.е. вещи, сошедшие с конвейера (промышленного и культурного) и не имеющие собственной индивидуальности, однако должные и могущие обрести ее в контексте особого художественно-эстетического пространства-времени.

Однако этот протестный способ презентации предмета был тут же адаптирован рекламой к собственным нуждам, а сам поп-арт, возникший как художественная критика рекламы, стал в реальности ее апологетикой. Рекламный дискурс «переработал» даже протест и придал ему новую потребительскую стоимость.

Таким образом, реклама, хотя и может заимствовать приемы высокого искусства, обладает универсальной способностью адаптировать их к собственным особенностям и расширять тем самым сферу функционирования предметов, бывших некогда элитарными. Художественные образцы, которые стали объектом тиражирования в рекламе (например, портрет Джоконды Леонардо да Винчи), обрели абсолютно новое качество функционирования, получили «новое рождение», самостоятельную и независимую от оригинала жизнь. Из самоцели они стали средством продвижения товаров и услуг на рынке массовой продукции. Однако наряду с утилитарно-прагматической информативностью в рекламной продукции заключена и эстетическая, художественная информация, рекламное произведение по широте ассоциативного поля, самой структуре и средствам выразительности является «слепком», отражением специфического дискурса потребительских стремлений. Рекламный дискурс можно эффективно использовать как некий семантический «маркер» того или иного периода развития культуры и искусства [2].

1. Бурдые, П. Социология социального пространства [Текст] / П.Бурдые. — СПб.: Алетейя, 2007.
2. Веблен, Т. Теория праздного класса [Текст] / Т.Веблен. — М.: Прогресс, 1981.
3. Ламбен, Ж.-Ж. Стратегический маркетинг. Европейская перспектива. Пер. с французского [Текст] / Ж.-Ж. Ламбен. — СПб.: Наука, 1996.
4. Мокшанцев, Р.И. Психология рекламы [Текст] / Р.И. Мокшанцев. — М.: Новосибирск, 2000.
5. Ривс, Р. Реальность в рекламе [Текст] / Р. Ривс. — М., 1983.
6. Федотова, Л.Н. Социология рекламы [Текст] / Л.Н. Федотова. — М., 1999.
7. Lash, S. The end of organized capitalism. [Текст] / S. Lash. — Cambridge, 1987.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКСКЛЮЗИЯ В СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ

УДК 316.4

Н.Л. АНТОНОВА

Проблема социальной эксклюзии, пожалуй, одна из актуальных в современном российском обществе. Аномия социальных процессов, кризисное состояние социальных институтов и их неспособность выполнять функции в 90-е годы XX века в России стали причиной увеличения разрыва между различными слоями населения, откинув некоторые из них на периферию социального пространства. Усиление неравенства выступает фактором угрозы социальной стабильности общества и ведет к социальной напряженности.

Российские исследования социальной эксклюзии (М.С. Астоянц, Ф. Бородкин, Н.Е. Тихонова, Е.Р. Ярская-Смирнова и др.) опираются на западные социологические традиции, которые, по мнению Н.Е. Тихоновой [8], выражены в двух основных подходах. «Первый из них рассматривает эксклюзию на макроуровне, с позиций общества. Этот подход сосредоточивается на отсутствии доступа к механизмам интеграции и делает акцент на том, кто имеет власть исключать и кого при этом исключают. Основным при таком подходе выступает понятие «дискриминация». Второй подход рассматривает социальную эксклюзию на микроуровне, т.е. анализирует положение носителей социальной эксклюзии и сосредоточивается на том, в чем проявляется специфика жизненной ситуации членов этой группы по отношению к другим членам общества». В данном случае речь идет о депривации как поддающихся измерению реальных проявлений неравенства в доступе к материальным и социальным благам.

Традиционно социально исключенными, попавшими в поле исследовательского внимания социологов, становятся такие группы, как бедные, инвалиды, бездомные, сироты, беженцы, безработные. Вместе с тем, принимая во внимание особенности различных сфер общественной жизни, можно утверждать, что даже экономически благополучные слои населения могут иметь ограничения в доступе к социальным институтам и практикам.

Данный процесс характерен для системы обязательного медицинского страхования (ОМС), функционирующей в российском обществе с 1991 года с выходом Закона РФ «О медицинском обслуживании граждан в РФ». Основопологающим принципом ОМС выступает обеспечение граждан Российской Федерации равными правами при получении медицинской помощи в соответствии с Программой государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи. Социальную эксклюзию в этом случае следует рассматривать как ограничение доступа и исключение некоторых групп населения из системы медицинского обслуживания населения, осуществляемого в рамках обязательного медицинского страхования.

Создание ОМС было обусловлено рядом факторов. Во-первых, в условиях перехода к рынку актуализировались проблемы социальной защиты населения, в том числе в сфере медицинского обслуживания. Независимо от статусных позиций, финансового положения, социально-демографических характеристик застрахованные в ОМС могут получить необходимую медицинскую помощь в случае болезни, изменения состояния здоровья. Во-вторых, усиливающееся расслоение общества, его поляризация приводят к появлению социального неравенства в области медицинского обслуживания. Получение медицинской помощи — это гарантия государства абсолютно для всех, что позволяет отчасти преодолевать неравенство социальных позиций застрахованных и обеспечить доступность к получению медицинских услуг. В-третьих, введение ОМС имеет экономическую значимость, касающуюся «притока» финансовых ресурсов в здравоохранение. Невысокая доля финансовых отчислений на здравоохранение затрудняла решение стратегических задач медицины. Система ОМС «взяла на себя» часть финансовых проблем и позволила не только обеспечить бесплатную доступную качественную медицинскую помощь застрахованным, но

и системе здравоохранения «выжить» и ориентироваться на дальнейшее развитие.

Исследования российских ученых [3; 10], а также результаты наших исследований подтверждают тезис о наличии неравенства в доступности к медицинским услугам, включенным в систему ОМС, различных групп населения.

Уровень доходов пациентов выступает фактором, влияющим на доступность медицинской помощи. «Проведенные в последние годы обследования личных расходов населения на медицинскую помощь показывают, что объем этих расходов составляет 40–45% совокупных затрат на медицинскую помощь. Более 50% пациентов платят за лечение в стационарах, 30% – за амбулаторно-поликлиническую помощь, 65% – за стоматологические услуги» [4, с. 7]. А по данным Федеральной службы государственной статистики [5] среднедушевые денежные доходы россиян в 2008 году составили 14939 рублей в месяц, в Свердловской области – 18726 рублей в месяц. Доля малообеспеченного населения в 2009 году составила 37% [9, с. 32].

Результаты наших исследований (2004–2008) показывают, что значительная часть пациентов оплачивает медицинскую помощь из собственных средств (69%–72%), при этом характеризуя стоимость медицинских услуг как высокую.

В ходе анализа мы выявили прямую зависимость обращений за платной медицинской помощью и уровнем дохода респондентов: чем ниже доход, тем реже население пользуется платным медицинским обслуживанием. Как справедливо отмечают Д.Ибрагимов, М.Красильникова и Л.Овчарова: «Сложившиеся цены на рынке медицинских и образовательных услуг достаточно высоки относительно среднедушевых денежных доходов населения, поэтому большинство платных медицинских... услуг доступно только обеспеченным слоям населения» [1, с. 44]. Дополнительная нагрузка на бюджет респондентов выступает фактором, снижающим доступность медицинского обслуживания, и низкодоходные группы населения становятся наиболее уязвимыми в получении медицинской помощи.

В представлении населения качество платных услуг значительно выше в сравнении с бесплатными (75%). Этот факт свидетельствует о доступности качественной (платной) медицинской помощи только для высокодоходных групп, способных оплачивать медицинскую помощь. Такое

обыденное представление не совсем соответствует нормативным документам, регулирующим оказание медицинского обслуживания в обязательном медицинском страховании. Так, согласно Постановлению правительства Российской Федерации № 27 от 13 января 1996 г. «Правила предоставления платных медицинских услуг населению медицинскими учреждениями», платные медицинские услуги населению предоставляются медицинскими учреждениями в виде профилактической, лечебно-диагностической, реабилитационной, протезно-ортопедической и зубопротезной помощи. В данном Постановлении прописан порядок предоставления платных медицинских услуг, но не представлен четкий их перечень. Несовершенство законодательной базы формирует непонимание со стороны населения не только сути платной медицины, но и ее качественных характеристик, что способствует созданию мифов подобного рода: качественная медицинская помощь может быть только платной.

В целом уровень доходов населения оказывает влияние на доступность медицинской помощи. Низкодоходные группы вынуждены отказываться от платных медицинских услуг и реже выполняют полностью рекомендованное врачом лечение и диагностику. Кроме того, экономически слабые слои населения отказываются от подарков медперсоналу как формы благодарности и тратят свои средства в основном на приобретение медикаментов, тогда как высокодоходные группы приобретают платные медицинские услуги, полагая, что их качество значительно превышает бесплатное медицинское обслуживание. Рост доходов приводит к увеличению затрат населения в сфере медицинского обслуживания. Таким образом, исключенными из системы обязательного медицинского страхования оказываются как низкодоходные, так и высокодоходные группы. Первые исключены в силу отсутствия у них информации о составе и объемах медицинской помощи, включенной в ОМС, а также «процветания» практики «неформальных» платежей за медицинское обслуживание. Вторые – сами отказываются от получения медицинских услуг в ОМС и обращаются к платной медицине.

Еще одним фактором доступности медицинского обслуживания выступает территория – место проживания пациента. Практически во всей системе здравоохра-

нения наименьший доступ к медицинскому обслуживанию имеют жители, проживающие на удаленных от больших населенных пунктов территориях. В Советском Союзе вопросы доступности решались через создание сети врачебных и фельдшерских участков, куда отправлялись на работу выпускники медицинских вузов (система распределения выпускников вузов). В эпоху модернизации системы здравоохранения маломощные лечебные учреждения закрывались, врачи покидали бесперспективные с их точки зрения рабочие места, в которых, помимо решения профессиональных вопросов, надо было решать и вопросы административно-хозяйственного порядка (вода, отопление, канализация и пр.). С середины прошлого столетия для повышения доступности сельских жителей к медицинским услугам вводятся инновационные структуры — общеврачебные практики (ОВП).

Исследование, проведенное в 2006 году, объектом которого выступили пациенты пяти общеврачебных практик Свердловской области (N=200), показало, что проблема доступности медицинского обслуживания при функционировании ОВП частично снимается. Так, 69% опрошенных признали, что никаких трудностей при получении медицинского обслуживания у них не возникло. Для 29% пациентов основной проблемой стали очереди на прием к врачу. Что касается таких вопросов, как график работы ОВП, отношение, а точнее невнимательность со стороны персонала, трудности с получением направления на исследование или в другое медицинское учреждение, то они практически отсутствуют в данной подсистеме, лишь 2% опрошенных выбрали их как значимые.

Создание и функционирование новой социальной подсистемы в обществе всегда связано со сравнением с предшествующей системой, оценкой позитивных и негативных моментов новации. Больше половины опрошенных (63%) признали, что такая инновационная модель медицинского обслуживания населения, как общая врачебная практика, позволила повысить доступность медицинской помощи. Сходные результаты получены и в последующих исследованиях, проведенных как на территории Свердловской области (С.В. Глуховская, В.И. Зуев, Ж.В. Максимова, Г.М. На-

сыбуллина, Н.Г. Чевтаева, Е.С. Шигаева, О.А. Шипиловская), так и в других регионах (А.И. Бабенко, А.В. Блинов, Б.В. Головской, Л.В. Канунникова, А.Г. Мураховский, Е.А. Татаурова, Я.Б. Хомаева).

Отметим, что становление и развитие любой новой социальной подсистемы в обществе всегда связано с рядом проблем. Так, анкетный опрос позволил осмыслить ряд организационных вопросов работы ОВП. Это касается, прежде всего, совершенствования системы приема пациентов. В целом, исследование показало, что общая врачебная практика как молодая подсистема здравоохранения требует к себе особого внимания для дальнейшего успешного и эффективного функционирования. Повышая доступность к медицинской помощи населения отдаленных районов области, она способствует и более узкой специализации врачей в районных медицинских учреждениях, поскольку первичный прием пациентов с проблематикой различного профиля осуществляет врач ОВП.

В Свердловской области по состоянию на 1 января 2011 года действует 236 общеврачебных практик [7]. Трудности их создания и функционирования связаны в основном не с проблемами финансирования, а с решением организационных и кадровых вопросов: отсутствие лицензии на ведение деятельности, дефицит медицинского персонала, отсутствие заключения областного управления Роспотребнадзора и пр.

Опрос пациентов в 2008 году* в селе Калья Свердловской области также выявил проблему кадрового обеспечения, прежде всего доступность узких специалистов (29%). Именно эту причину называют опрошенные в случаях получения отказа в оказании медицинского обслуживания. Однако большую озабоченность вызывает неудовлетворенность селян качеством диагностики (36%). Даже жители районного центра (г. Красноуфимск) испытывают дефицит узких специалистов и не очень высоко оценивают диагностические возможности поликлинических учреждений. В целом, широкий спектр медицинских услуг, включая и диагностику, пациенты могут получить только в крупном городе, тип поселения становится барьером доступа к медицинской помощи и фактором, влияющим на оказание медицинской помощи. Исключенными из системы ОМС оказываются

* Объектом исследования выступили пациенты г. Красноуфимска (N=150) и села Калья (N=100). Доля опрошенных воспроизводит половозрастную структуру населения.

жители поселений, удаленных от крупных населенных пунктов. Причиной исключения становится отсутствие специалистов, диагностического оборудования, качественно-медцинского обслуживания.

Обратимся к последнему фактору, который, на наш взгляд, в современных условиях становится существенным барьером доступности медицинской помощи в системе ОМС. Речь идет об отсутствии места жительства у части населения России. Численность «бездомного» населения России по разным оценкам варьируется от 3 до 5 млн человек. По данным межрегионального исследования «Социальные и правовые аспекты бездомности», включавшего опрос бездомных, 2/3 опрошенных не чувствуют себя здоровыми, им требуется медицинская помощь [6]. Несоблюдение санитарных и гигиенических норм, условия жизни, не соответствующие сохранению и сбережению здоровья, возникновение и распространение социальных заболеваний (туберкулез, кожные заболевания, заболевания, передающиеся половым путем, и др.) становятся реальной угрозой потенциалу здоровья общества.

По результатам исследования, каждое десятое обращение за медицинской помощью бездомного заканчивалось отказом. Такая ситуация связана с документальным вопросом, а именно наличием полиса обязательного медицинского страхования: только 14,9% бездомных сохранили полис обязательного медицинского страхования.

Получение полиса в соответствии с российским законодательством осуществляется по месту регистрации или месту работы индивида, отсюда медицинская помощь для бездомных становится практически недоступной. «Наиболее доступна экстренная помощь, когда больной находится в критическом состоянии и его жизни угрожает опасность, — пишет Е.А. Коваленко. — В этом случае помощь должна быть оказана независимо от наличия полиса ОМС и любых других документов» [2, с. 54]. Далее автор на материалах исследования показывает, что стационарам «неудобно» принимать бездомных, поскольку следует нести за них ответственность. Речь идет о том, что, оказав экстренную медицинскую помощь, бездомных выписывают «на улицу». Обращения населения в систему социальной защиты не приносят результатов: центры социальной реабилитации и дома ночного пребывания таких больных не берут.

Попыткой решения данного вопроса следует считать принятие новых Правил обязательного медицинского страхования (Приложение к приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации № 158н от 28 февраля 2011 г.). В соответствии с Правилами лица без документов и без определенного места жительства могут рассчитывать на получение медицинского обслуживания. Для этого учреждения социальной помощи либо лечебное учреждение, оказывающее индивиду медицинскую помощь, должны обратиться с ходатайством о выдаче полиса в территориальные фонды ОМС. Подчеркнем, что Правила устанавливают сроки рассмотрения ходатайства — пять рабочих дней. Такой срок позволит оперативно решать вопросы оказания медицинской помощи. Как «работают» правила в реальной ситуации, — покажет время, пока они лишь декларируют возможности включения в практику ОМС одной из социально-уязвленных групп населения.

Решение проблемы социальной эксклюзии — вопрос непростой и связан со сложившейся в России стратификационной системой, особое значение в которой принадлежит нисходящей социальной мобильности. Речь идет о тех факторах, которые могут стать механизмами включения индивида в социально-уязвимые слои населения с ограничением доступа к медицинской помощи. К таким факторам мы бы отнесли, прежде всего, миграцию, большое число иждивенцев в семье, тяжелое заболевание, которое может стать отправной точкой получения статуса инвалида, рискованные формы предпринимательской деятельности.

В целом, считаем, что наши результаты исследовательского поиска подтвердили идею неравенства в доступности медицинской помощи, которая нашла свое воплощение в формулировке обратного закона здравоохранения [Hart, 1971]: доступность качественной медицинской помощи изменяется в обратной зависимости от потребности в ней обслуживаемого населения [11], т.е. чем больше потребность в медицинской помощи, тем менее она доступна.

Для воспроизводства, а точнее дальнейшего развития системы обязательного медицинского страхования в России, основывающейся на базовых принципах социальной справедливости и общественной солидарности, декларирующих равенство в доступе к медицинской помощи всех слоев

населения, необходимы условия, которые в современном государстве пока остаются на уровне декларации в законодательной базе.

На сегодняшний день Государственной Думой принят новый закон «Об обязательном медицинском страховании», вступивший в силу с 1 января 2011 года. Он закрепляет за пациентом право выбора медицинского учреждения и страховой медицинской организации (СМО). Закон, таким образом, повышает ответственность пациента за собственное здоровье и ориентирует на самостоятельный выбор. Однако даже в этом случае можно прогнозировать трудности с доступностью медицинских услуг. Так, нормативно-правовой базой не прописывается решение вопроса о регулировании очереди на прием к врачу, пользующемуся повышенным спросом со стороны пациентов.

Еще одной проблемой может стать дискредитация контроля за исполнением государственных гарантий на оказание бесплатной медицинской помощи, поскольку страховые медицинские организации одновременно работают как с обязательным, так и с добровольным медицинским стра-

хованием. Экспертизу жалобы пациента на взимание платы со стороны медицинского учреждения может рассматривать специалист СМО, интерес которого будет состоять в получении страховой премии по добровольному медицинскому страхованию. В результате происходит столкновение интересов: получение прибыли vs (versus – «против») – социальная защита. Опасность данного шага видится в трансляции на современных российских рынках принципа business as usual (бизнес не смотря ни на что), который может охватить и практику ОМС.

Говорить об эффективности обновленной модели ОМС пока рано, вопрос решения проблемы социальной эксклюзии также остается открытым. Однако отказ от системы ОМС и перевод медицинского обслуживания на государственное обеспечение, думается, все же несостоятелен, необходима работающая на основе рыночных механизмов модель обязательного медицинского страхования, способная защитить граждан в случае наступления страхового случая и стимулирующая повышение ответственности индивида за свое здоровье.

1. Ибрагимова, Д. Участие населения в оплате медицинских и образовательных услуг [Текст] / Д. Ибрагимова, М. Красильникова, Л. Овчарова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – № 2 (46).
2. Коваленко, Е. Бездомность: есть ли выход? [Текст] / Е. Коваленко, Е. Строкова. – Москва: Фонд «Институт экономики города», 2010.
3. Панова, Л.В. Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи [Текст] / Л.В. Панова, Н.Л. Русина // Социологические исследования. – 2005. – №6.
4. Российское здравоохранение: как выйти из кризиса: доклад VII Международной научной конференции «Модернизация экономики и государство», 4–6 апр. 2006 г. [Текст] / А.Г. Вишневский, Я.И. Кузьминов, В.И. Шевский и др.; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
5. Социальное положение и уровень жизни населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=1138698314188 (дата обращения: 28.06.2011 г.).
6. Социальные и правовые аспекты проблемы бездомности в России. По материалам межрегионального исследования [Текст]. – СПб, 2007.
7. Территориальный фонд обязательного медицинского страхования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tfoms.e-burg.ru/index.php?Itemid=1&id=472&option=com_content&task=view (дата обращения: 28.06.2011 г.).
8. Тихонова, Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России [Электронный ресурс] / Н.Е. Тихонова. – Режим доступа: http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol03_1/tihonova.pdf (дата обращения: 28.06.2011 г.).
9. Тихонова, Н.Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни [Текст] / Н.Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2009. – № 10.
10. Шишкин, С.В. Различия в доступности медицинской помощи для населения России [Текст] / С.В. Шишкин, Е.В. Селезнева, А.Я. Бурдяк // SPERO (Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры). – 2008. – № 8.
11. Margaret Whitehead, Goran Dahlgren http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0011/74738/E89383R.pdf Концепции и принципы преодоления социального неравенства в отношении здоровья: Восходящее выравнивание. Часть 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [//www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0011/74738/E89383R.pdf](http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0011/74738/E89383R.pdf) (дата обращения: 28.06.2011 г.).

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 1 (177+321.1)

Л.А. ЧУВАШОВ

В осмыслении феномена государства и созидательных функций социальных институтов «власть» является одной из ключевых категорий. Исследование феномена государственной власти, понимание механизмов актуализации ее созидательного потенциала для развития гармоничных отношений между человеком, обществом и государством в настоящее время приобретают особую актуальность.

Исследование феномена государственной власти в аспекте ее коммуникативного бытия приобретает в настоящее время актуальность в связи с усложнением и противоречивым взаимодействием человека и социальных институтов Российской Федерации. Распад партийно-номенклатурной государственности обнаружил отсутствие в российском социуме духовно и институционально утвердившихся механизмов интеграции и стабилизации общественных отношений. «Маргинальность и люмпенизированность населения, превращающегося при смене общественного строя в бесформенную массу, делают возможным существование в ней совершенно разных идей, создают расколотое и «всеядное» сознание» [2, с. 8]. Только за последние 20 лет в России произошла быстрая смена разного рода идеологических ориентаций. Привычные идеи и представления основной массы людей в условиях размытости и неустойчивости новых целей и ценностей общественного развития, как правило, не вызывают потребности в социальном запросе на новую идеологию. Между тем, в короткое время радикально изменились семиотические интонации политических деятелей и их тезаурус, что привело к изменениям в содержании словаря официально-государственных текстов. В связи с этим вопрос об идеологическом воздействии представителей государственной власти на сознание людей, отражающемся на их повседневном бытии, высвечивается в новом ракурсе, а именно: «Каковы принципиально новые мыслительные формы, которые приводят к единому «устойчивому развитию» человека, общества и государства, актуализируют целерациональное поведение человека, его социальную, экономическую, политическую и иную активность в условиях духовно-идеологического кризиса?». Речь идет о ценностно-целевых основаниях

общественной жизни – тех смыслозначимых вопросах, которые касаются гармоничного со-существования человека, общества и государства. Необходимость поиска способов согласования устремлений человека, общества и государства с целью созидания здоровых социальных отношений в российской действительности не вызывает сомнения.

Исследование феномена государственной власти в контексте ее коммуникативного бытия актуально в связи с осмыслением одной из основных проблем социальной философии, связанной с пониманием диалектики исследуемого предмета, в частности – с одной стороны, государственная власть как механизм созидания социальнойности; с другой стороны, государственная власть как конституированная форма созидательной социальнойности. Необходимым становится обоснование универсальных законов социального бытия, поиск единой основы согласующихся между собой смыслов, норм и ценностей социального бытия, которые находят свое адекватное выражение во взаимодействии человека, общества и государства на уровне их функционирования и саморазвития.

Имеющие место государственно-правовые реформы нередко носят непоследовательный характер, связанный с недостаточностью знания фундаментальных основ правотворчества и принципов нормативного регулирования социальных отношений и общественного развития, что затрудняет прогнозирование различного рода ситуаций в обществе и в государственных структурах. Исследование феномена государственной власти в аспекте ее коммуникативного бытия есть, по-нашему мнению, конституирование такой «нормативной рациональности», которая выступает внутренним нравственным императивом, ограничивающим эгоистические проявления человека, и ориентирует на единую глобальную цель – созидание таких отношений между человеком, обществом и государством, в основе которых лежит действительная реализация их прав и свобод.

В свете исследования проблемы коммуникативного статуса государственной власти находят свое специфическое выражение такие области исследования со-

циальной философии, как сущность и существование социальной реальности, признанной в качестве предметообразующей проблемы социальной философии; социально-философская интерпретация проблемы соотношения цели и средств деятельности; социально-философский анализ культуры как взаимосоотнесенных символических программ мышления, чувствования и поведения людей; современные концепции «социального действия» в их философской интерпретации; современные концепции общества как организационной формы совместной деятельности людей; философия политики; власть как фактор исторической эволюции. Исследование феномена государственной власти в контексте ее коммуникативного бытия позволяет не только выявить уникальные языковые формы выражения смыслов, ценностей и норм социального бытия, но и раскрыть многообразие предметных форм реализации как созидательного потенциала государственной власти, так и духовно ориентированных отношений человека с миром в целом.

Исследованная нами литература позволяет выделить, по меньшей мере, два аспекта осмысления феномена власти: с одной стороны, власть — это то, что определяет ход событий и характер социальных отношений. В этом смысле государственная власть относится к числу важнейших ценностей. С другой стороны, власть имеет негативный оттенок и «дурную репутацию», нередко отождествляясь с насилием, принуждением, несправедливостью и ограничением свободы человека. Борьба за власть, как правило, сопровождается обманом, лицемерием, коррупцией и т.д.

В существующей обширной литературе, как правило, преобладает рассмотрение феномена государственной власти и типов социальных отношений в свете исторических типов государства и государственной деятельности. В основном обосновывается классовая природа «государственной власти» и ее обусловленность характером господствующих экономических отношений.

До настоящего времени в социогуманитарных исследованиях отсутствует единство в понимании «власти». *Во-первых*, это можно объяснить не только многозначностью термина «власть», но и обусловленностью интерпретации данного понятия различными методологическими подходами. Многозначность «власти» находит выражение в различных ее характеристиках, оформленных в соответствующих словосочетаниях: власть трудящихся, власть Советов, президентская власть, а также власть законодательная, судебная,

исполнительная, централизованная, коллегияльная, реальная, виртуальная, власть природы, власть искусства и т.д. Во всех выражениях общее одно — власть выступает некоей довлеющей силой, она может завоевываться, отниматься, охраняться, учреждаться, передаваться, подкупаться, реформироваться, ослабевать, бездействовать, деформироваться, укрепляться, разрушаться и т.д. *Во-вторых*, имеющиеся трудности в определении «власти» вызваны тем, что семантика слова «власть» крайне вариативна. Термин «власть» используется нередко для обозначения совершенно разнородных явлений, которые вызывают различные интерпретации (феномен власти рассматривается в контексте экономических категорий обмена и распределения; в свете психологических моделей личности и коммуникации; в рамках социологических моделей организации труда и управления; через призму политических моделей лидерства и т.д.). Одни авторы рассматривают власть как некую функцию, присущую любому коллективу, обществу, государству (А.Ф. Черданцев и др.); другие — как волевое отношение властвующего и подвластного субъектов (Е.Вятр, В.Ланг и др); третьи — как способность властвующего навязывать свою волю другим лицам (Ф.М. Бурлацкий и др). Власть понимается как управление, связанное с принуждением (Т. Озерникова, А. Фридман и др.). Под властью понимается государственная и государственные органы (С.С. Алексеев, С.Г. Сизов и др.).

Е. Вятр (польский социолог) дает шесть определений власти в рамках немарксистской социологии: 1) власть — определенный тип поведения, основанный на возможности модификации поведения других людей (бихевиоральное, поведенческое определение власти); 2) власть — осуществление определенных целей (телеологическое определение); 3) власть — возможность применения определенных средств принуждения (инструментальное определение); 4) власть — отношение между управляющими и управляемыми (структурное определение); 5) власть — влияние, оказываемое одними на других; 6) власть — возможность принятия решений, регулирующих распределение благ в конфликтных ситуациях.

Понимание власти, в соответствии с тремя точками зрения, дается В.Лангом: 1) с нормативной точки зрения, власть сводится к проблеме компетенции разных институциональных субъектов и к процедуре принятия решений; 2) с бихевиоральной точки зрения, власть сводится к особой форме поведения, способности модифи-

кации поведения иных людей; 3) с социологической точки зрения, власть сводится к общественному отношению между властвующим и подвластным. «Власть по своей природе невидима и реальность не может подсказать нам прямо, какая концепция власти является правильной» [9, р. 199].

С одной стороны, имеется мнение, что понятие власти столь неопределенно, что от него вообще следует отказаться. «Власть — разочаровывающее понятие» [14, р. 70]. Отвергается возможность достижения общепринятой концепции власти. Льюкс утверждает, что сама попытка ее создания является ошибочной, поскольку исследователей интересуют различные аспекты власти и общее понятие не может быть применено во всех ситуациях [12, pp. 4–5]. *С другой стороны*, отмечается: «От термина «власть» нельзя просто избавиться, как избавляются от чего-то лишнего, даже если его значение не устраивает. В этом случае проблемы, касающиеся власти, просто перекинутся на другие понятия, близкие к власти» [11, р. 317]. Действительно, термину «власть» придается уникальное место в анализе социальных явлений. «Даже те исследователи, которые хотели бы избавиться от термина «власть», признают, что он слишком глубоко укоренился в вокабуляре политики, чтобы это действительно могло произойти. Мы навсегда обречены иметь дело с «властью» и не можем избежать использования данного понятия при исследовании общественной жизни» [8, р. 81].

Ряд мыслителей полагает, что как и другие понятия, «власть» имеет дескриптивное содержание [10, р. 70; 15, pp. 200–202; 16, pp. 313–314; 17, pp. 150–176]. Дескриптивное определение понятия власти совместимо с моральной оценкой различных властных отношений, которая, однако, не делает нормативным само понятие. «Мы вначале должны определить наличие самой власти и ее распределение в обществе, то есть дать ее описание, прежде чем одобрять или осуждать ее за соответствие нашим ожиданиям или опасениям. Функция определения (нормативная) того, каким должно быть оптимальное социальное устройство, отличается от функции описания (дескриптивной) данного социального устройства [15, р. 201].

В целом, социально-философские исследования проблемы власти в ее соотношении с феноменом государства можно условно отнести к следующим группам работ. *Первую группу* составляют классические труды, в которых исследуются вопросы о применении силы в социальных отношениях (Августин Блаженный, Аристотель, Р. Арон, М. Вебер, Г. Гегель, Т. Гоббс,

Э. Дюркгейм, И.А. Ильин, А. Камю, И. Кант, В.И. Ленин, Дж. Локк, Н. Макиавелли, К. Маркс, Ф. Ницше, Платон, В.С. Соловьев, П.А. Сорокин, Фома Аквинский, М. Фуко, Б.Н. Чичерин, Ф. Энгельс, Д. Юм и др.). *Вторую группу* работ посвящена исследованию проблемы ненасилия (М. Ганди, М. Кинг, Л.Н. Толстой и др.). К этой группе работ относятся исследования современных мыслителей (М.Ю. Агафонова, Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов, В.С. Степин и др.). *Третью группу* составляют работы в области философии и теории права, философии национальной безопасности, военной политологии и военной социологии, посвященные вопросам войны и армии, ценностным основаниям воинской деятельности, различным формам силового принуждения (С.С. Алексеев, В.В. Барабин, В.А. Волков, Б.И. Каверин, Г.Г. Почепцов, В.В. Серебрянников, П.И. Чижик, А.Х. Шаваев и др.). *Четвертую группу* представляют работы, раскрывающие различные аспекты современной ситуации в мире в условиях глобализации, в которых исследуется динамика силового принуждения (У. Бек, З. Бжезинский, С.Г. Киселев, Н.Н. Моисеев, А.С. Панарин, К.В. Симонов, А.И. Уткин, А.Н. Чумаков и др.). Анализ современной социально-философской литературы показывает, что исследования феномена государственной власти как особого рода силового действия проводятся фрагментарно и «по ту сторону» глубокого понимания необходимости реализации государственной властью ее коммуникативной функции с целью созидания социальных отношений и человеческого социума в целом. Исследования феномена государственной власти в контексте ее коммуникативного бытия в реализации созидательной функции не приобрели до настоящего времени концептуальной формы. Однако имеющаяся аналитическая база является для нас хорошим подспорьем для исследования феномена государственной власти в выше обозначенном контексте. Мы полагаем, что классический и неклассический подходы содержат мощнейший эвристический потенциал в исследовании феномена государственной власти в ее созидательном статусе.

Оценивая степень разработанности проблемы, отметим, что сделано многое в плане углубленного понимания основных характеристик государственной власти, в том числе ее структуры и внутренних противоречий. Тем не менее, нередко за рамками проблематики, связанной с осмыслением категории и феномена государственной власти, остается осмысление государственной власти как специфически человеческого способа бытия, связанного с

созиданием социальных отношений и социума в целом. Наш научный интерес связан, прежде всего, с исследованием феномена государственной власти как социокультурного достояния человеческой цивилизации в ее созидательном статусе. Данный ракурс исследования не только выводит категорию «государственная власть» на уровень социально-философской категории, но и предоставляет широкие возможности для рассмотрения феномена государственной власти в свете аксиологических оснований социального бытия, для глубокого анализа мировоззренческих оснований культуры современной России. Ретроспективный взгляд на феномен государственной власти в аспекте ее коммуникативного бытия способствует, по нашему мнению, формированию объемного видения этого феномена как предмета социально-философского исследования, раскрывающего принципиально новые его грани.

Дальнейшее исследование феномена государственной власти на междисциплинарном уровне позволит получить обобщенные результаты, способствующие адекватному осмыслению множества про-

екций предметной деятельности человека в современных условиях функционирования государственной власти как созидания ею социального бытия. Сверхзадача состоит в том, чтобы преодолеть односторонний подход к пониманию феномена государственной власти и ее функциональной роли, выработать такую методологию, которая, содержательно обогащаясь, приобрела бы универсальную значимость для создания общей теории государственной власти как таковой. В связи с этим, в исследовании феномена государственной власти мы выделяем следующие группы проблем: во-первых, группа проблем, связанная с пониманием и интерпретацией исторически сложившихся форм государственной власти и раскрытием механизмов изменения этих форм на современном этапе общественного развития; во-вторых, группа проблем, связанная с осмыслением всеобщности государственной власти в ее созидательном статусе, с разработкой ее качествообразующей и ценностно-смысловой основы, обеспечивающей гармоничное взаимодействие человека, общества и государства.

1. Бациева, С.М. Географический фактор в историко-социологической концепции Ибн Хальдуна [Текст] / С.М. Бациева // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, XII год. Сессия ЛО ИВ АН СССР. — Л., 1977.
2. Ершов, Ю.Г. Дискурс российской власти: ложь, надменность, безответственность [Текст] / Ю.Г. Ершов // Дискурс Пи. Научно-практический альманах. Власть дискурса и дискурс власти. — 2001. — № 1.
3. Игнатенко, А.А. Ибн Хальдун [Текст] / А.А. Игнатенко. — М.: Мысль, 1980.
4. Ильин, И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека [Текст] / И.А. Ильин. В 2-х тт. — СПб., 1994.
5. Кирабаев, Н.С. Социальная философия мусульманского Востока (эпоха Средневековья) [Текст] / Н.С. Кирабаев. — М., 1987.
6. Мусаэлян, Л.А. О концепции философии истории Ибн Хальдуна [Текст] / Л.А. Мусаэлян // Философия и общество. — 2000. — № 3. — СС. 133–154.
7. Феоктистов, А.М. Проблемы культурно-исторического процесса в социально-экономическом учении Ибн Хальдуна [Текст] / А.М. Феоктистов // Проблемы философии. — Киев, 1977. — Вып. 41.
8. Baldwin, D.A. Paradoxes of Power [Text] / D.A. Baldwin. — New York: Basil Blackwell, 1989.
9. Barnes, B. Power // Theories and Concepts of Politics. An Introduction/ ed. By Richard Bellamy [Text] / B. Barnes. — Manchester: Manchester University Press, 1993. — PP. 197–219.
10. Falkemark, G. Power, Theory and Value [Text] / G. Falkemark. — Lund: CWK Gleerup, 1982.
11. Lane, J.E. Power // Social Science Concepts: A Systematical Analysis [Text] / J.E. Lane, H. Stenlund / ed. by Giovanni Sartori. Beverly Hills: Sage Publications, 1984. — PP. 315–402.
12. Lukes, S. Introduction // Power/ ed. by Steven Lukes [Text] / S. Lukes. — Oxford: Blackwell, 1986. — PP. 1–18.
13. Lukes, S. Power: A Radical View [Text] / S. Lukes. — Basingstoke and London: Macmillan, 1974.
14. March, J.G. The Power // Varieties of Political Theory [Text] / J.G. March / ed. By David Easton. Englewood Cliffs (new Jersey): Prentice-Hall, 1966. PP. 39–70.
15. Morriss, P. Power: A Philosophical Analysis [Text] / P. Morriss. — Manchester: Manchester University Press, 1987.
16. McLachlan, H.V. Is "Power" an Evaluative Concept? // Power: Critical Concepts/ ed. By John Scet. Vol.2. — London: Routledge, 1994. — PP. 301–324.
17. Oppenheim, F. Political Concepts. A Reconstruction [Text] / F. Oppenheim. — Oxford: Basil Blackwell, 1981. PP. 150–176.

МАКСИМ ИСПОВЕДНИК О ХРИСТИАНСКОМ ОТНОШЕНИИ К ВЛАСТИ

УДК 23/28 (177+321.1)

С.С. ЛОГИНОВСКИЙ

Власть является одним из важнейших признаков социального бытия человека. На протяжении всей своей жизни каждый человек неоднократно сталкивается с различными проявлениями власти. По этой причине каждый человек имеет какое-либо представление о власти. Тем более это касается философов и богословов, для которых осмысление феномена власти является насущной задачей, какую бы часть мироздания они ни рассматривали. Данная статья посвящена анализу христианского отношения к власти на примере творчества преподобного Максима Исповедника.

Преподобный Максим Исповедник (582–662) относится к числу самых интересных, хотя и трудных для понимания представителей патристики. Как пишет А.И. Сидоров, «творчество преподобного не для всех было легко воспринимаемым и порой оно даже вызывало определенную оппозицию читателей своей сложностью» [10, с. 71]. Однако эта сложность не помешала увидеть читателям Максима глубину и красоту его мысли, за которую преподобного высоко оценивали и в средние века и в настоящее время.

Тема власти не была для преподобного исключительно теоретической. На протяжении всей своей жизни он неоднократно вступал в конфликт с властью, которая ради своих интересов шла на искажения христианской веры. В какой-то момент Максим становится фактически главным противником власти и, по земным меркам, проигрывает ей изувеченным – с отсеченными языком и правой рукой, – умирая в ссылке. Однако, несмотря на все беды, которые принесла Максиму власть, он не стал её ненавистником и отрицателем, но смог развить взвешенное христианское учение о власти, ставшее классическим и не утратившее своего значения до настоящего времени.

В качестве источника используется «Слово увещательное в виде письма Рабу Божиему господину Георгию, преблагосло-

венному наместнику Африки», в издании писем Ф. Комбефиса, помещаемое под номером один. Несмотря на сравнительно небольшой объем, указанное письмо позволяет получить законченное представление о том, каким, с точки зрения преподобного Максима Исповедника, должно быть христианское отношение к власти.

Письмо адресовано Георгию, префекту провинции Африка (с центром в Карфагене), который, как замечает Ж.-К. Ларше «несомненно, играл важную роль в жизни Максима» [5, с. 62] и неоднократно упоминается в письмах преподобного с самой лучшей стороны. Поводом для письма явилась возможность опалы (в скором времени ставшая действительностью), возникшая вследствие невыполнения префектом антиправославного приказа регентши Мартины, проводившей промонофизитскую политику. Именно в свете этих печальных событий преподобный и развивает своё учение о христианском отношении к власти, призванное утешить и ободрить префекта Георгия.

Изложение своего понимания власти Максим начинает с рассмотрения двух возможных для человека жизненных стратегий. Первая предполагает любовь и стремление к Богу. Поскольку Бог является единым, цельным, бесстрастным и неизменным, постольку идущий по этому пути человек сам становится единым, цельным, бесстрастным и неизменным (насколько это возможно для тварного существа, изменчивого по своей природе). Преподобный подчеркивает, что такого человека не может поколебать «ничто сущее» (тварное), как не имеющее значения для устремленного к бесконечно превосходящей всё сущее сверхсущественной Первопричине всего сущего.

Вторая стратегия заключается в любви и стремлении к материальному. Выбравший её человек также становится подобен объекту своей любви: «тот, кто по неведению лучшего и следуя собственной воле привяжется душевной любовью к матери-

альным вещам, по природе неустойчивым и изменчивым и неспособным к полному постоянству, сам по необходимости нестоек, и удоболюбив, и переменчив, потому что его душевное расположение увлекается предметами по своей природе движимыми и претерпевающими внешние влияния» [7, с. 75–76]. Подобные свойства материального не случайны, поскольку, как пишет свт. Григорий Нисский, то, что появилось из ничего «не может пребывать без изменения, потому что сам переход из небытия в бытие есть некоторое движение и изменение в существующее несуществовавшего, предлагаемое по Божественному изволению» [2, с. 112].

Максим подчеркивает, что других вариантов устройства жизни, сверх двух указанных, не существует. Кроме того, эти стратегии несовместимы. Выбор одной из них неизбежно предполагает невозможность реализации другой. Например, «охваченному любовью к материальному присуща подверженность множеству страстей и удоборассеянность» [7, с. 75], забвение Того Единственного, к Которому необходимо стремиться. И, наоборот, для стремящегося стать «по благодати вместелицем всего Бога целиком и полностью и во всём обожиться — настолько, чтобы по всему казаться вторым Богом, за исключением тождества с Ним по сущности» [7, с. 81], характерно совершенное забвение всего преходящего.

В контексте христианского вероучения первая стратегия является единственно верной, в то время как вторая, будучи противоречащей ей, неизбежно оказывается ложной, в итоге приводящей *во тьму внешнюю*, в которой *будет плач и скрежет зубов* (Мф. 8, 12). Преподобный подчеркивает, что первый путь заповедан самим Богом и человек должен делать всё от него зависящее для достижения поставленной цели. Различение того, что в нашей воле, а что от нас не зависит, по мысли Максима, очень важно: относительно первого человек должен прилагать все возможные усилия, «об остальном, что совершенно неподвластно нашей воле, вовсе не будем заботиться» [7, с. 77]. В том, что от человека не зависит, необходимо полностью довериться Богу, Который всё устраивает к лучшему, «даже когда обманывает наши надежды» [7, с. 76], неизбежно ошибочные, ибо основываются на бесконечно ма-

леньких крупицах информации, не позволяющих увидеть что-либо в полноте.

Принципиально важно, что для достижения поставленной Богом цели — обожения, — необходимо и достаточно того, что подвластно нашей воле. Поэтому преподобный и говорит, что «любой истинно добродетельный и боголюбивый человек обладает всем необходимым для полного блаженства, не имея нужды ни в каких внешних прибавлениях, чтобы его достичь» [7, с. 77]. Под «внешними прибавлениями» здесь понимается всё то, что не зависит от человека. Это логично, ведь если Бог требует от человека чего-то, то это предполагает, что Он создал человека способным к выполнению Своих требований.

Далее, говоря о том, что зависит и не зависит от нас, Максим делает принципиально важное заключение, переводя рассмотрение этих категорий (говоря современным языком) в этическую плоскость. Он говорит, что квалификация чего-либо как блага или зла применима только к тому, что зависит от нашей воли. То, что от нас не зависит «по природе свободно от добродетели и порока, которые возникают — или, точнее говоря, являются — от употребления, которое дают этим вещам те, кто ими владеет» [7, с. 77]. Иначе говоря, то, что не зависит от человека, само по себе, по своей природе не есть ни добро, ни зло. То же, «что по природе само по себе не есть ни добро, ни зло, разумеется, не следует ни любить, ни избегать, потому что для появления и хранения какой-либо добродетели или порока совершенно нет нужды ни в обладании, ни в необладании тем, без чего мы можем и стать, и быть, и оставаться добродетельными» [7, с. 78]. Этическая нейтральность того, что не зависит от человека, ещё раз показывает его необязательность для человека, который может и должен достигать поставленной перед ним цели без обращения к подобным явлениям.

Конечно, «морально безразличные» явления могут быть использованы человеком для достижения благих или порочных целей, но, строго говоря, даже в этом случае «морально безразличные» явления не делаются ни благом, ни злом. Как добро, так и грех коренятся исключительно в человеческой воле, они «привходящим образом осуществляющееся в деянии и пре-

крашающееся вместе с прекращением действия» [3, с. 53]. Другими словами, грех/зло — это антропологическая реальность; будучи небытием, не имея онтологического основания (корня), он всё-таки парадоксальным образом существует, но только в человеке: антропологическим «корнем греха [является — С.Л.] от нас зависящее, наша свобода» [1, с. 145], — пишет свт. Василий Великий. Поскольку же полностью во власти человека находятся только намерения действий, но не сами действия, постольку «суд Божий рассматривает не дела, но намерения, с которыми они совершаются» [6, с. 112].

При этом святые отцы постоянно подчёркивают, что грех не является чем-то изначально присущим человеку. В самом деле, в этом случае источником греха оказывался бы сотворивший человека Бог, что в рамках святоотеческой мысли является абсурдом: абсолютное Благо порождает лишь благое. Грех не от Бога, а от человека и поэтому есть нечто внешнее, привходящее в природу человека. Поэтому, «когда ты — грешник, — резюмирует свт. Иоанн Златоуст, — то это нечто неестественное» [4, с. 184]. Естественным для человека является только стремление к сверхсущественной Первопричине всего сущего — к Богу.

Преподобный не случайно начинает свое рассмотрение власти с указания на две возможные для человека стратегии жизни. Ведь только поняв, для какой стратегии и как может быть использована власть, можно сформировать обоснованное христианское понимание этого явления.

Прежде всего, необходимо установить, входит ли власть в перечень того, что является необходимым для полного блаженства и зависит ли её обретение от человека.

Переходя к рассмотрению власти в этой плоскости, Максим говорит, что власть не относится к тому, обретение чего и обладание чем зависит от человека, «власть вовсе не подчиняется нашим желаниям и далеко отстоит от нашего разума» [7, с. 78]. Её обретение или потеря полностью зависят от Бога. Следовательно, власть относится к «морально безразличным» явлениям, обладание или необладание которыми не оказывает существенного влияния на движение к Богу. Преподобный подчеркивает, что любить Бога и ближнего своего всем сердцем, всеми силами души — именно так кратко сформулировал цель и одно-

временно способ её достижения сам Бог — возможно «какими бы ни были наше положение, чин, образ жизни — начальствуем ли мы, под началом ли находимся, живём ли в богатстве или в бедности, здоровы мы, болеем или находимся ещё в каком телесном состоянии» [7, с. 77]. Были и есть праведники как обладавшие всем перечисленным, так и лишенные этого, что доказывает, что все перечисленное не играет решающей роли в достижении святости, не является необходимым для обожения. Точно так же были и есть грешники, как обладавшие всем перечисленным, так и не имевшие этого, что также доказывает необусловленность греха вышеназванными «морально безразличными» явлениями. Спасение достигается добродетельной жизнью по заповедям Христа, а «добродетель возникает не от богатства и здоровья, да и не от противоположной участи, иначе она обращалась бы в порок, изменяясь с обстоятельствами, а от благочестивого расположения души и от ревностного устремления к добру воли, неизменно привязанной к Богу и без нарушения хранящей самоотверженность в противоположностях» [7, с. 79].

Ещё одно причиной, по которой власть не является тем, к чему необходимо стремиться, заключается в её временности. «Когда, — пишет Максим, — придет для нас этот век деяния, ничто из существующего не останется в теперешнем виде ни по внешности, ни по положению... Ничто из того, что подчиняет себе людей, не сохранит свою неизменность: ни слава, ни богатство, ни власть, ни здоровье, ни бесславие, ни бедность, ни рабство, ни болезнь, ни красота, ни молодость, ни известность, ни безобразие, ни старость, ни низкое происхождение — всё проходит, всё исчезает, всё человеческое тает, как тень, и легче водяного пузыря пропадает величие всякого человеческого могущества» [7, с. 81]. В контексте христианской антропологии, согласно которой земная жизнь — это лишь подготовительный этап к жизни вечной, стремление к тому, что может существовать только в земной жизни бессмысленно и просто глупо. Максим подчеркивает, что Бог специально сделал всё земное непостоянным, чтобы человек скорее обращался к вещам непреходящим, единственно достойным стремления созданного по образу Бессмертного. Поэтому, призывает Мак-

сим, «сколько хватит сил, будем бежать преходящего, которое никоим образом не может быть подвластно [человеку — С.Л.] и по самой природе своей течёт и исчезает» [7, с. 82].

Стремление к преходящему не только бессмысленно, но и опасно. Всё преходящее «не допускает в нас иного расположения души, кроме несущего его клеймо, за которое нас ожидает осуждение и тяжкая мука» [7, с. 82]. Привязанность к преходящему есть первый, неправильный путь (о гибельности которого преподобный говорит в самом начале письма), несовместимый со стремлением к Богу. Она отнимает всё время, поглощает всё внимание, в результате чего человек совершенно перестаёт не только действовать по заповедям Божиим, но даже не думает об этом. Закономерным итогом такой жизни является *тьма внешняя*, в которой *будет плач и скрежет зубов* (Мф. 8, 12).

Власть не просто временное явление, но явление, обусловленное грехом. Об этом Максим говорит в десятом письме, адресованном кубикулярию Иоанну. Говоря о постигших человека после грехопадения несчастьях, преподобный подчеркивает, что они призваны лишний раз напомнить человеку о непрочности всего земного, в противоположность неизменному и непреходящему Божеству, исключительно к Которому и необходимо стремиться. Когда же и несчастья не отвратили человека от греха, «премудрый и благой Бог по Своему промыслу составил людям закон владычества, издревле сдерживая бешенство порока, которое по распущенности явилось бы в жизни, чтобы без начальствующего и останавливающего беззаконный натиск сильнейшего на слабейшего люди не стали, как рыбы морские, истреблять друг друга» [8, с. 123]. Таким образом, хотя сама власть учреждена Богом в благих целях, но существование её имеет смысл только до тех пор, пока существует грех. Но существование греха не бесконечно, оно прекратится после Страшного Суда. Всё, что обусловлено грехом, в том числе и власть, исчезнет вместе с исчезновением греха.

Итак, власть сама по себе не есть добро, а значит, не является тем, к чему необходимо стремиться. Вместе с тем, власть не является и злом, по причине чего преподобный считает, что не стоит «и безусловно отвергать власть, когда нам её дают, пото-

му что она может стать орудием добродетели для боголюбивых и со всем усердием подносящих Богу, кроме всего, зависящего от них, ещё и то, им неподвластное, что попускается им Промыслом» [7, с. 78]. В качестве примера, показывающего возможность благого использования власти, Максиму достаточно указать на адресата письма — преблагословенного наместника Африки Георгия. В одном из писем, адресованных кубикулярию Иоанну, преподобный характеризует Георгия как «человека боголюбивого, верного, благочестивого, добродетельного, благоразумного, скромного, воздержанного, терпеливого, кроткого, сострадательного, милосердного, питающего нищих, пекущегося о престарелых, защитника вдов, покровителя монахов, нестяжательного, любящего Церковь, короче говоря — друга всех живых и мёртвых, который живых окружает всяческой любовью, а мёртвых почитает красотой надгробных памятников» [9, с. 247].

Тем не менее, необходимо ещё раз подчеркнуть, что «не отвергать власть» вовсе не означает «искать власть». Тем более это не означает «искать власть как нечто главное и безусловно необходимое». Власть скорее бремя, искушение, которое, если дается Богом, необходимо со смирением принять и использовать на благо окружающих, чтобы о человеке могли сказать, что он «стал глазами слепых, ногами хромых и отцом немощных и сокрушил челюсти беззаконных и исхитил добычу из их зубов (Иов 29, 15–17)» [7, с. 80]. Если же Бог не дает человеку власть или отнимает власть, данную ранее, то необходимо радоваться и благодарить Бога за избавление от неё как от бремени и искушения, а не сокрушаться как о потере блага и славы. Отсутствие у человека власти, замечает преподобный, это «скорее, прибавление славы, поскольку душа становится свободной от волнения и печения о внешнем» [7, с. 76].

В самом деле, обладание властью связано со многими опасностями. Она делает гораздо более вероятным развитие в человеке самомнения, лицемерия, тщеславия и гордости. То же можно сказать и о чревоугодии, сластолюбии и сребролюбии. Можно без преувеличения сказать, что вероятность развития и всех остальных страстей у обладателя власти намного выше, чем у человека, лишённого власти.

Максим показывает возможную опасность власти на примере невинного и даже благого и желательного с точки зрения обывателя (=ветхого человека) явления — «благополучия плоти». Ветхому человеку естественно стремление избегать страдания и стяжать покой и благополучие тела. Обладание властью позволяет сравнительно быстро реализовать это стремление. Однако с христианской точки зрения это стремление является греховным, поскольку оно было привнесено в человеческую жизнь в результате нарушения прародителями заповеди Божьей. Поэтому истинный христианин должен «всегда держаться телесного страдания, как орудия Божественной благодати, не следуя перемене времён и обстоятельств, а благополучием плоти во все пренебрегать, как вещь презренной, неизбежно обреченной полному исчезновению» [7, с. 80]. Кроме того, страдания смиряют, тем самым искореняя главное зло — гордыню. Но обладатели власти, в силу сравнительной лёгкости достижения телесного благополучия, тяжелее, чем, например, рабу следовать указанным преподабным путём страдания, почему и можно сказать, что и в этом вопросе власть представляет для человека труднопреодолимую

опасность. Даже у тех, кто смог с честью пройти испытание властью, она отнимает много времени и сил, которые могли бы найти лучшее применение. Учитывая всё сказанное, Максим следующим образом выражает суть христианского отношения к власти: «Будем рады, когда нам дают власть, и примем её, как вспомогательное орудие добродетели, посылаемое нам Богом. А когда нас её лишают, не будем её домогаться, как бы слагая с себя страшное бремя, скрывающее от нас замысел Провидения, Которое человеколюбиво устраивают всё каждому на пользу» [7, с. 79].

Таким образом, с христианской точки зрения сама по себе власть не является ни добром, ни злом и может быть использована как в добрых, так и злых целях. По этой причине, в случае если человеку дается власть, он не должен от неё отказываться, но, приняв её, использовать как вспомогательное средство добродетели. Поскольку же обладание властью связано с серьёзными опасностями, не следует ни целенаправленно искать её, ни во что бы то ни стало пытаться её удержать. Напротив, утрату власти необходимо воспринимать как милость Божью, избавление от труднопроходимого испытания.

1. Василий Великий, свт. О том, что Бог не виновник зла // Творения в 5 тт.: Т. 4. — М.: Паломник, 1993.
2. Григорий Нисский, свт. Об устройении человека // Восточные отцы и учителя Церкви IV века. Антология в 3 тт.: Т. 2. — М.: Изд-во МФТИ, 1999.
3. Иоанн Дамаскин, преп. Против манихеев // Творения. Христологические и полемические трактаты. Слова на Богородичные праздники. — М.: Мартис, 1997.
4. Иоанн Златоуст, свт. Толкование на пророка Исайю // Полное собрание творений в 12 тт.: Т.6, кн.1. — М., 2005.
5. Ларше, Ж.-К. О письмах святого Максима // Максим Исповедник, преп. Письма. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
6. Максим Исповедник, преп. Главы о любви // Максим Исповедник, преп. Творения в 2 кн.: Кн. 1. — М.: Мартис, 1993.
7. Максим Исповедник, преп. Письмо I. Слово увещательное в виде письма. Рабу Божиему господину Георгию, преблагословенному наместнику Африки // Максим Исповедник, преп. Письма. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
8. Максим Исповедник, преп. Письмо X. Кубикулярию Иоанну // Максим Исповедник, преп. Письма. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
9. Максим Исповедник, преп. Письмо XLIV. Кубикулярию Иоанну // Максим Исповедник, преп. Письма. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
10. Сидоров А.И. Преподабный Максим Исповедник: эпоха, жизнь, творчество // Максим Исповедник, преп. Творения в 2 кн.: Кн. 1. — М.: Мартис, 1993.

ДИСКУРС ВЛАСТИ И ДЕНЕГ

УДК 32+316.4

К.С. РОМАНОВА

В условиях современного экономического и политического кризиса исследовательский интерес все больше вызывают вопросы власти и денег, их соотношения. Проблемы реализации властных отношений становятся предметом обсуждения как в широких социально-политических кругах, так и в научных. Вместе с тем, проблема взаимосвязи денег и власти, несмотря на свою широкую дискурсивность, представляется нам недостаточно изученной, что повышает ее актуальность.

Человек, власть и деньги — это ипостаси социальной реальности, которые неотрывны друг от друга, а интегральное понимание их взаимосвязи является основой для истоков жизненных смыслов и их перспектив. Важным моментом для понимания смысла жизни является либо сознательно принимаемая, либо подсознательно ощущаемая зависимость жизнедеятельности каждого человека в его социально-профессиональной среде от того, как организована в данное историческое время в конкретном государстве сфера политических властных отношений, которые откладывают свой отпечаток на все другие виды и формы власти.

Власть как феномен имеет свою историю, в которой она представлена в различных проявлениях, имеет культурологические, философские, психологические, политологические и иные аспекты. Однако общим для понятия «власть» является ее «феноменологическая» основа, заключающаяся в том, что власть есть сила (воля), которая(ые) имманентно определяют способ или механизм овладения кем-то или чем-то для установления над ним как единства обладания им, контроля за ним, подчинения его. В самом широком культурологическом понимании власти, как отмечает Л.А. Закс, это не только «нечто, обязательно имеющее субъекта, обладающего намерениями и желанием (воли) властвовать, но и власть бессубъектная, которую получают — над субъектами! — его объективные «структуры, материальные и ментальные, предметно-вещные, социально-организационные и информационные» [4, с. 57]. Здесь налицо ключевые признаки власти: основанное на при-

нудительной силе овладение и господство над субъектами, их сознанием, социальным поведением. Такова власть (принудительная управляющая сила) социальных (материальных) институтов, структур и «предметов»: собственности и денег, политических и сексуальных отношений, социальных ролей и техники, ритуалов и языков. Такова же власть ментально-информационных, включая духовные, феноменов: традиций и норм, знаний и ценностей, символов и художественных образов [4, с. 58].

Биосоциальная природа человека диалектически определяет, что он одновременно субъект власти разных ее видов и форм, со всеми вытекающими отсюда последствиями и ее объект. Отношение человека к власти амбивалентно, ибо спектр эмоций и чувств субъектов власти весьма разнообразен и противоположен: страх, ужас, удовольствие, наслаждение.

Как верно отмечает О.С. Дейнека: «Общество, в котором власть и уважение основаны на обладании деньгами, всячески способствует превращению потребности во власти в потребность в обогащении» [3, с. 235]. Вместе с тем, деньги, являясь уникальным товаром, эквивалентом стоимости — не просто экономическое явление. Обладая прямым психологическим и мировоззренческим воздействием на общество и человека, деньги влияют на формирование морали и образа жизни, творят культуру и создают политику. Деньги влияют на развитие личности, становятся мерилом человеческих отношений, фактором, влияющим на динамику семейных систем.

Переход денег в измерение внеэкономических потребностей и интересов сегодня стал особенно заметен. Окружающая реальность становится все более виртуальной, ее единственным мериллом становятся деньги, которыми все сегодняшнее человечество мерит себя. Классик французской философии М. Фуко утверждает, что для классического мышления деньги — это то, что позволяет представлять богатства. При этом деньги являются еще и самой надежной памятью, отсроченным обменом или «представлением, которое удваивается» [9, с. 187].

Образы денег еще и эмоционально насыщенные представления. Можно обратить внимание на амбивалентность высказываний — с одной стороны деньги и богатство ассоциируются с успешностью, свободой, властью, а с другой стороны — отсутствие денег или, как ни парадоксально, их наличие вызывают сильные чувства — собственную неполноценность, вину, стыд. В этой амбивалентности проявляются возможности и ограничения личности по отношению к собственным стратегиям обращения с деньгами [10, с. 231].

Вместе с тем, тема денег в обществе практически табуирована. Несмотря на то, что тема денег все время «звучит» — и в СМИ, и в быту, про деньги не особенно принято разговаривать. Вопросы про доходы считаются не очень приличными. Вместе с тем, тема сильно заряжена эмоционально, и если уж она начинает обсуждаться, то сопровождается сильным возбуждением. В этом смысле тема денег отчетливо пересекается с темой сексуальности, тоже табуированной в обществе, и вместе с тем активно обсуждаемой. Возможно, именно эта социальная табуированность данных аспектов и приводит к тому, что они мало исследованы.

Убеждения, касающиеся отношения к деньгам, к способам их получения, к богатству и бедности, как правило, формируются на протяжении нескольких поколений, передаются в качестве семейных посланий и сценариев и становятся неосознанным регулятором экономического поведения.

Обратимся к социокультурным аспектам психологии денег, относящимся к русскому народу. Социокультурные особенности отношения к деньгам в России определяются двумя моментами. Прежде всего, это географическое положение страны: большие территории, длительное отсутствие выхода к морям как к торговым путям, длинные суровые зимы — и как следствие — неустойчивое земледелие. Крестьянин, засеявший поле, не имел гарантий в получении урожая: то вымерзнет, то засохнет. Или случается урожайный год, и возникают проблемы с хранением и реализацией урожая. В результате у российского труженика не сформирована в сознании взаимосвязь между трудовыми усилиями и полученным результатом. К тому же землепользование в этих условиях

могло быть только общинным, так что идея «все у нас колхозное, все у нас мое» веками формировалась в сознании.

Если рассмотреть, как формировались доходы дворянства, то можно увидеть, что основным источником дохода становились средства, которые государь пожаловал. Пожаловал, например, три деревни в Воронежской области, кто ж туда поедет гектары считать. Практически «виртуальная» собственность. Отсюда и «мертвые души». Но государь сегодня дал, а завтра отобрал, и тебя самого в Сибирь выдворил, чему в истории есть известные примеры. Поэтому имеющиеся деньги прожить сразу надо, пока не отобрали. В дворянских семьях уже третьему поколению наследовать нечего было. Опять же — формируется обесценивающее отношение к деньгам как черта национального характера.

Второй важный момент, влияющий на отношение к деньгам, — религия. Н.А. Бердяев писал: «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая стихия и аскетически монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: склонность к насилию и доброта, человечность, индивидуализм и безличный коллективизм; эсхатологическая мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие, смирение и наглость, рабство и бунт» [1, с. 52]. Российская культура формируется на стыке язычества, которое в народном сознании сохраняется, и христианства. Формируется будничная культура и праздничная. Основным содержанием будней для простого народа был труд до седьмого пота, аскетизм, самоотречение. Трудовое действие было немислимо без магически-религиозных обрядов, что подчеркивало его сакральность. Праздничное поведение, пришедшее из язычества, как и будничное, имело строгую регламентацию. Это было древнеязыческое веселье, обогащенное православными праздниками. В праздники было принято пировать, и всех, кто мимо идет, поить и угощать. Кстати, кто пить отказывается, тот подозрителен. Отсюда опять двойственность — с одной стороны щедрость и нищелюбие, с другой — много любителей «халявы». «Безвременье» праздника содержало идею вечности (смерти). С питьем и подачью тоже все не случайно. Опьянение явля-

лось главным условием праздничного состояния. Поскольку при таком труде помереть можно было в любой момент да без покаяния, питье «вусмерть» — это как репетиция смерти, как десенсибилизация страха, а «подать» — это как откуп от этой смерти, вместо покаяния. Нищелюбие как отличительную черту русского стиля жизни отмечали многие историки, такие, как В.О. Ключевский, Е. Максимов и С.В. Сперанский.

В противовес этому, к примеру, в Европе нищенство не поощрялось уже с XVI века и даже считалось преступлением: казнен мог быть как попрошайка, так и тот, кто подает, а вот в России нищенство культивируется [2].

Следует обратить внимание на уникальное географическое расположение России, находящейся на границе Европы и Азии, солнечной культуры земледелия и лунной культуры скотоводства, а это пересечение ритмов, в том числе и биологических. Безусловно, влияние как европейской культуры, так и азиатской, их переплетение не могли не отразиться в формировании «загадочной» русской души и национального характера. А отсюда — и внутренняя амбивалентность, особое отношение к богатству и бедности, обесценивание денег и щедрость, которые причудливо переплетаются, нищелюбие и хитрость как черты национального характера.

Подобная амбивалентность складывалась столетиями и проявлялась как на интрапсихическом уровне через проживание внутриличностных конфликтов, так и на социальном — через противоречивость властных отношений как на институциональном, так и на межличностном уровнях.

Амбивалентность в любой форме трудно долго выдерживать, она либо отыгрывается, либо сублимируется. Сублимация по Фрейду — это один из механизмов психологической защиты, при котором происходит превращение одного импульса в другой, переадресовка энергии из одного канала в другой. Родоначальник психоанализа подразумевал переключение энергии с примитивных и низменных потребностей на высоко ценимые в обществе проявления деятельности и в этом аспекте рассматривал сублимацию как один из положительных механизмов адаптации индивида. Иными словами, человек перенаправляет свою энергию в социально приемлемое

русло. Например, агрессивные или сексуальные импульсы реализуются в стремлении сделать карьеру, достичь власти или богатства.

Ряд авторов подчеркивают связь энергии денег, власти, сексуальности и агрессии [6]. Сексуальность человека выступает как совокупность биологических, психофизиологических и эмоциональных свойств и реакций, переживаний и поступков человека, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения [7]. Она включает в себя пол, гендерные идентичности и роли, сексуальную ориентацию, эротизм, удовольствие, интимность и репродукцию. Сексуальность переживается и выражается в мыслях, фантазиях, желаниях, верованиях, установках, ценностях, действиях, ролях и отношениях. Все эти явления взаимосвязаны, но они не всегда переживаются и выражаются совместно и одновременно. Сексуальность зависит от взаимодействия биологических, психологических, социальных, экономических, политических, культурных, этических, правовых, исторических, религиозных и духовных факторов и является важным элементом не только личной, но и общественной жизни и культуры. Сексуальность, важным компонентом которой является агрессия, представляет собой движущую силу социальной активности человека, поскольку направлена на достижение не только сексуального удовлетворения, но и сублимирована в его стремлении к власти, деньгам, успеху. Во многом именно попытки совладать с сексуальными и агрессивными импульсами способствовали развитию культуры, искусства, религии, науки. Однако согласимся с известным социобиологом Ю. Новоженковым, что «сексуальная активность может быть средством компенсации и замены каких-то недостающих форм деятельности или способом эмоционального удовлетворения. Она может служить выходом накопившихся комплексов, стресса, агрессивности. <...> Нет сомнения, что компенсационная мотивация полового поведения наиболее эволюционно новая из всех. Возможно, она оказывает разрушительное воздействие на личность и общество, нежели созидательное. <...> Неконтролируемая эротика и гедонизм губительны для общества, так как снижают адаптивность и ведут к хаосу» [5, с. 37]. В этом смысле акцентирование привлекательности образов сексуальности,

богатства, силы и власти, происходящее в СМИ, носит отчетливо деструктивный характер.

В психологии под агрессией понимают тенденцию (стремление), проявляющуюся в реальном поведении или фантазировании, с целью подчинить себе других либо доминировать над ними. Агрессия может быть как позитивной, служащей жизненным интересам и выживанию, так и негативной, ориентированной на удовлетворение агрессивного влечения самого по себе. Целью агрессии может быть как собственно причинение страдания (вреда) жертве (враждебная агрессия), так и использование агрессии как способа достижения иной цели (инструментальная агрессия). Агрессия бывает направлена на внешние объекты (людей или предметы) или на себя (тело или личность). Особую опасность для общества представляет агрессия, направленная на других людей.

Таким образом, и сексуальность, и агрессию можно рассматривать как энергию активности, как жизненную силу, движущий потенциал личности. Оба эти аспекта, пересекаясь между собой, находят

свое отражение в обращении с деньгами, в коммуникации, опосредованной деньгами, в эмоциях и чувствах, проявляющихся в «денежном» поведении, несущих в себе властные потенции. Неслучайно, все чаще предметом обсуждения в широких общественных кругах становится личная и даже интимная жизнь людей, обремененных властью, их финансовая обеспеченность, коррумпированность институтов власти. Принимаемые властными органами законы рассматриваются через призму денег и денежных отношений.

Несомненно, наше общество переживает кризис и, прежде всего, кризис власти. Феномен власти в полной мере характеризуется многогранностью и неисчерпаемостью. В данной работе мы рассмотрели лишь некоторые проблемы дискурса власти, денег и сексуальности, проявляющих жизненную силу через агрессивность. Учет данных такого анализа в практике деятельности руководителей различного уровня может, с одной стороны, повышать эффективность этой деятельности, а с другой стороны, — способствовать гуманизации власти.

1. Бердяев, Н.А. Судьба России [Текст] / Н.А. Бердяев. — М., 1990. — 530 с.
2. Благотворительность в России. — СПб.: типо-лит. Ныркина, 1907. — Т. 1. — 959 с.
3. Дейнека, О.С. Психологический портрет молодого российского предпринимателя [Текст] / О.С. Дейнека // Актуальные проблемы психологической теории и практики / под ред. А.А. Крылова. — СПб., 1995. — С. 235.
4. Закс, Л.А. Повсеместность власти: от метафизики к культурологии [Текст] / Л.А. Закс // Власть и властные отношения в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. Гуманит. ун-та 30–31 марта 2006 г.: в 2 т. — Екатеринбург, 2006. — Т. 1. — С. 57–66.
5. Новоженев, Ю. Статус-секс и эволюция человека [Текст] / Ю. Новоженев. — Екатеринбург: Банк культур. информ., 2007. — 202 с.
6. Романова, И.Е. Социально-психологические и социокультурные аспекты отношения к деньгам. Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2010. № 3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.prip.su/arhiv_gl/2010_3/nomer/nom12.php (дата обращения: 15.05.2011 г.).
7. Сексуальность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 25.04.2011 г.).
8. Фенько, А.Б. Люди и деньги: Очерки психологии потребления [Текст] / А.Б. Фенько. — М.: Независимая фирма «Класс», 2005. — 416 с.
9. Фуко, М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т.2. [Текст] / пер. В. Каплуна. — СПб.: Акад. проект, 2004. — С.432.
10. Экономическая психология. Социокультурный подход [Текст] / под ред. И.В. Андреевой. — СПб.: Питер, 2000. — 511 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ И РОССИИ

УДК 323

Е.И. ХУБУЛУРИ

Значительную часть XX века европейскими государствами использовалась бюрократическая модель управления (т.н. «веберовская модель»), которая является сложившейся и устойчивой традицией и характеризуется профессионализмом, меритократией, политической нейтральностью. Она действует согласно следующим принципам: существование иерархии должностей и определенная траектория карьерного роста; формализация процесса принятия решений; стандартизация действий чиновника; коммуникация посредством письменных указаний и т.п.

Веберовский путь определял траекторию развития европейской бюрократии до 1980-х годов. Разница между частным сектором и государственно-административным была принципиальной. Работа чиновника отличалась предсказуемостью, четкими карьерными перспективами, была, как правило, пожизненной.

Примерно со второй половины 1960-х годов происходит снижение эффективности государственного управления, особенно в области социальной политики. Переломным моментом в системе управления стали 1970-е годы. Они характеризуются экономическим кризисом, дефицитом бюджета, инфляцией. Традиционные управленческие модели перестали соответствовать требованиям текущего момента. Появились точки зрения о кризисе государства, о возможностях замещения его функций структурами гражданского общества. Кризис государства практически во всех частях света выразился, к примеру, в серьезных претензиях к традиционной государственной системе социальной защиты в развитых странах.

Значительная часть европейских стран в последние десятилетия реформировали свою систему государственного управления согласно концепции нового государственного менеджмента – *New Public Management*. Суть этого реформирования заключалась в изменении стиля, метода и характера работы правительственных учреждений с целью повышения их эффективности и результативности. В результате «менеджерской революции», привнесшей

в практику госучреждений опыт управления частными организациями, было в значительной степени сглажено разделение на частное и общественное.

Новый государственный менеджмент во многом исходил из идей неовеберовского государства. За ним стоит соединение веберовской модели бюрократии и стиля методов и инструментария частного сектора с целью большей эффективности. Этой эволюции способствовали определенные изменения в Европе и мире: слишком большие затраты на управление и дефицит государственного бюджета, возросшие ожидания населения, экономическая глобализация и т.п. Поэтому трансформация веберовской модели стала неизбежной. Инновации в системе управления сводились к следующему:

- применение в общественном секторе конкуренции и использование принципа состязательности. Это способствует снижению издержек услуг и повышению их качества;

- ориентация на конкретные результаты деятельности и значимый социальный эффект, а не на затраты ресурсов;

- делегирование ответственности за принятие решений на уровень непосредственных исполнителей и предоставление им большей свободы;

- использование контрактных отношений как внутри государственных учреждений, так и при взаимодействии с частными организациями;

- пересмотр исполнения задач государственными органами в сторону «приватизации задач» и собственности, развитие аутсорсинга;

- переход от бюрократического стиля к более гибкому;

- клиентоориентированность, т.е. отношение к гражданам как клиентам [2, с. 31].

Все это приводит к значительному повышению эффективности модели управления, его большей гибкости и большей приспособленности к потребностям общества. Веберовская модель бюрократии под влиянием идей, идущих из частного сектора, стала неовеберовской, более клиентоориентированной.

В чем заключается принципиальное отличие этой новой модели неовелиберанского государства? Бюрократы сменяются профессиональными менеджерами, специализирующихся на сфере услуг и ориентированных на потребителей; граждане рассматриваются так же, как потребители, и участвуют в процессе разработок и корреляции социально значимых благ; как регулятор и инструмент решения государственных вопросов используется не только административное, но и частное право; делается упор на эффективность и результативность новой политики [2, с. 33]. В результате нового государственного менеджмента — *New Public Management* — была преодолена традиционная замкнутость бюрократии, были созданы новые форматы взаимодействия общества и государства, была создана новая государственная концепция управления, ориентированная на общество.

Концепция «государства всеобщего благосостояния» сменилась концепцией «координирующего государства» (*enabling state*), использующей принцип субсидиарности. Формируется новая система отношений между государством, обществом и рынком.

Новые элементы государственного управления, хоть и не заменили существующую систему государственного управления, но позволили ее существенно обновить. Наиболее успешно новый менеджмент был реализован в англосаксонских странах с присущим им либеральным уклоном. Традиционное недоверие государству и бюрократическим механизмам сформировали особую традицию, отличающуюся от европейской. Особенно ярко это проявляется в новых подходах к системе управления. Именно в США зарождаются *New Public Management* и концепция маркетинговой модели организации государственной политики. Согласно новым подходам результативность предполагается повысить за счет внедрения в государственное управление рыночных механизмов и процессов. К гражданам относятся как к соучастникам общественного диалога.

На основе идеологии неоменеджерализма и принципа сокращения государственных расходов на Западе с 1980-х годов усиливаются тенденции рационализации ресурсов и приемов управления в социальной политике. Неоменеджерализм сокращает привилегии профессиональной автономии, требует большей подотчетности и ответственности оказывающих социальные услуги, позволяет расширить возможности выбора граждан — пользователей услуг и повысить ценность профес-

сионализации и стандарты квалификации среди работников.

Начинается формирование новых институциональных механизмов в социальной политике, расширение участия в ней региональных и муниципальных органов власти. Децентрализация управления, особенно социального управления — эта общеευропейская тенденция в настоящий момент.

Особое место отводится региональной политике. Различия между регионами в уровне развития, разные социальные проблемы делают региональную политику особенно актуальной. Также важно отметить, что социальная политика наиболее эффективна именно на региональном уровне. В региональной политике раньше господствовала распределительная система, способствующая социальному паразитизму. С кризисом более актуальной стала неолиберальная американская модель стимулирования регионального развития.

Большое внимание в последнее время уделяется принципу субсидиарности. Концепция субсидиарности прошла долгий путь развития. Принцип субсидиарности был известен еще в древности, но его значение с течением времени существенно трансформировалось: от простой концепции автономности в социальных организациях до инструмента рационального распределения компетенций в рамках социальных организаций в целом и государств, в частности [1, с. 57]. Данный принцип предполагает передачу вышестоящим инстанциям (например, в системе: семья — община — регион — республика — федеральный центр) только те полномочия, которые не могут быть выполнены в нижестоящих инстанциях. Политические решения должны приниматься на максимально возможном низком уровне.

Принцип субсидиарности выражается в том, что прямое участие государства должно происходить в большей степени по «остаточному принципу», другими словами, должно быть ограничено обстоятельностью, не подпадающими под действие всех других средств социальной защиты (и, прежде всего, социального страхования). Кроме того, субсидиарность выражается в большей степени децентрализации и самостоятельности в управлении различных институтов социального обеспечения.

Одним из базовых принципов гражданского общества является множественность интересов и стремление к их максимальному учету при принятии решений, особенно в социальной сфере. А поскольку учет разнообразных, зачастую разнонаправленных, интересов представляется

делом чрезвычайно трудоемким, демократическое государство, создавая соответствующие условия, стимулирует самого индивида, а также различные объединения граждан самостоятельно решать возникающие в обществе проблемы. Это и является одной из основ принципа субсидиарности.

Мировой опыт развития демократии продемонстрировал действенность социального партнерства, базирующегося на конструктивном взаимодействии всех секторов общества (государственного, коммерческого, некоммерческого) в решении социально значимых проблем. В основе же социального партнерства лежит принцип субсидиарности, определяющий критерии для распределения зон ответственности общественных секторов за конкретные участки работы в этом направлении. Гражданское общество берет на себя решение отдельных социально значимых проблем, в то время как государство решает задачи, требующие централизованного управления сверху. Иначе говоря, субсидиарность предполагает возможность вмешательства государства лишь тогда, когда это неизбежно.

Некоторые аспекты реформирования системы управления социальной политики лучше рассмотреть на конкретных примерах западных стран.

Германия

Германия — классический пример социального государства, в котором с конца 1940-х годов реализовывалась концепция «третьего пути», называющегося социальным рыночным хозяйством. Экономическая конкуренция и социальная экономика гармонично дополнили друг друга. Германский опыт оказался вполне успешным, однако такая политика приводила к неоправданно большим расходам на социальную сферу и обострению экономических проблем.

Экономический кризис 1970-х резко ударил по социальному государству и вынудил сокращать расходы. В 1980-х годах происходит либерализация курса в экономике и политике. В экономической жизни Германии воцарилась эпоха неолиберализма с его ориентацией на сокращение вмешательства государства в область экономики. В настоящее время под разговоры о «социальном государстве XXI века» начал происходить демонтаж европейской социальной традиции. С конца XX века усиливаются неолиберальные тенденции с ориентацией на отдельного индивида.

В Германии инициатива по реформированию сферы управления стала инициативой местных органов власти. Большую

роль в реформе сыграл коммунальный совет по упрощению управления, позднее трансформировавшийся в коммунальный совет по менеджменту в государственном управлении. Актуальность реформ значительно выросла в связи с объединением Германии и возникновением острых проблем с бюджетом объединенного государства. Новый курс в системе управления охватил большую часть коммун Германии, и в формировании клиентоориентированной политики и создании центров по работе с населением были достигнуты значительные успехи. Однако не все аспекты реформы продвигаются одинаково хорошо. Возникли проблемы с формированием автономных административных единиц, ответственных за определенные услуги. Процесс децентрализации зачастую приводил к потере управляемости и росту издержек.

Важная задача на настоящем этапе — сокращение количества звеньев в управленческом аппарате, устранение дублирующихся структур, сокращение персонала. На федеральном уровне реформа проявилась в меньших масштабах. Были приняты меры по развитию электронного правительства и сокращению бюрократического аппарата.

Италия

С середины 1980-х годов итальянские министерства подвергаются реформированию. Цель реформ — модернизация и интенсификация работы министерств. Большое внимание уделяется децентрализации системы управления, а также субсидиарности и дерегуляции. Первое означает ограниченность компетенции министерства узкой группой проблем, в то время как остальные вопросы решаются областными и местными органами власти. Дерегуляция дает право формирования части норм местным органам власти. Также было запланировано уменьшение числа министерств.

С 1993 года в Италии проводится административная реформа, результатом которой является кардинальное изменение положения государственных служащих. Эту реформу назвали «приватизацией» госслужбы в Италии. Целью реформы является повышение эффективности госслужбы посредством внедрения модели организации труда, аналогичной модели в частном секторе. Меняется правовое положение госслужащих, они утрачивают свой особый статус, который до этого регулировался административным правом. Эта реформа ориентирована на переход к менеджерской модели государственного управления [3, с. 474].

В ходе этих реформ происходит деление на политическую и административную сферу. Если первая отвечает за стратегические решения: выделение целей, программы развития, распределение ресурсов, контроль, то вторая — за исполнение принятых решений. Теперь министры, мэры, руководители не могут вмешиваться в работу административного аппарата.

Госслужащие теряют статус постоянных работников и теперь должны регулярно оформляться на должность на конкурсной основе. Также открыта возможность использования специалистов, приглашаемых на основе срочного контракта. Ставка заработной платы при этом может быть определена как коллективным соглашением, так и индивидуальным контрактом. Определена квота для высших должностей, на которые должны приглашаться профессионалы со стороны. Кадровая политика в целом стала более гибкой. Раньше она регулировалась законодательством и инструкциями. Теперь же значительно увеличились полномочия руководителей подразделений госслужбы. В этом отношении они похожи на топ-менеджеров частных компаний.

Использование принципов, заимствованных в частном секторе, позволяет применить новые формы организации труда (стажировки, срочные контракты и т.п.). Все это ведет к размыванию особого статуса государственного служащего. Децентрализации управления способствует система коллективных договоров, которая функционирует на двух уровнях — общенациональном и локальном. Локальные контракты должны соответствовать стратегически общенациональным контрактам, но заключать их могут любые административные подразделения.

США

В США государственные органы, занимающиеся социальной защитой, в значительной степени децентрализованы. К основным правительственным органам, осуществляющим государственную политику, можно отнести Управление по социальному обеспечению, Министерство сельского хозяйства, Министерство здравоохранения и социальных служб и другие федеральные ведомства, в рамках которых осуществляется реализация той или иной социальной программы. Разработка социальной политики и отдельных социальных программ может осуществляться как «мозговыми центрами» (университетами, правительственными и неправительственными ассоциациями фондами), так и ведущими политическими партиями и другими

влиятельными организациями, в том числе в мире бизнеса. Их рекомендации в этой области берет за основу правящая администрация и претворяет в жизнь с помощью федеральных ведомств, а также через другие системы предоставления социальных услуг. Местные государственные организации имеют в разных странах различную структуру, но их роль одна — проводить социальную политику на местном уровне. Спонсорами государственных служб выступает федеральное правительство, штат, округ.

На эффективность американской политики, а особенно политики социальной напрямую влияет программа формирования «отзывчивой», «прозрачной» бюрократии, которая стартовала ещё при президенте Картере. Отношения между обществом и государством, в соответствии с этими тенденциями, должны измениться. Гражданин рассматривается, в соответствии с данной точкой зрения, не как пассивный получатель льгот и налогоплательщик, а как активный клиент, потребитель услуг государственной службы. Государственный сектор часто сравнивается с бизнесом и должен работать так же эффективно.

Подконтрольность и открытость госслужбы обществу — один из самых успешных аспектов американского государства. Работа чиновников строится по маркетинговой модели, в полном соответствии с законами бизнеса. «Маркетизация» взаимоотношений гражданина — клиента и потребителя государственных услуг — и госаппарата способствовала эффективности последнего, тем более что гражданин мог получить одни и те же услуги в разных учреждениях и общественных организациях. Это заставляет учреждения бороться за своих клиентов и доказывать свою пользу обществу [4, с. 86—87].

Анализ содержания маркетинговой модели организации государственной политики и управления социальной защиты населения предполагает обращение к понятию «социальный маркетинг», принципы которого и образуют рассматриваемую модель организации социальной защиты. Появление концепции социального маркетинга явилось закономерным следствием эволюции самой концепции маркетинга, произошедшей вследствие изменения социально-экономических отношений в современном обществе, способствующей преимущественной ориентации на человека и его проблемы. Научный термин «социальный маркетинг» был впервые использован в 1971 году для обозначения попытки применения принципов маркетинга и его техники в целях содействия решению социаль-

ных задач, реализации социальных идей, а также в процессе социальных действий. Именно тогда в сферу деятельности организаций все чаще стало влетать решение различных общественных проблем [5].

Общий вектор эволюции государственной службы проводится в духе «нового менеджериализма» (приближения форм и методов деятельности администрации к рыночным принципам и механизмам, к «дерегуляции») [4, с. 95–96] и внедрения маркетинговой модели.

Россия

Согласно статье 7 Конституции Российской Федерации Россия — это социальное государство. Декларативность этого лозунга осознается как властью, так и обществом, и Российским государством с начала 1990-х годов принимаются меры по его воплощению в жизнь. Но социальная политика отличается своей противоречивостью. С начала 1990-х годов наблюдались активные попытки формирования либеральной модели организации социальной защиты, связанной с идеей ухода государства из сфер жизни общества. С другой стороны, сохранились и даже в некоторой степени закрепились подходы, зародившиеся еще в советском государстве.

Важные изменения произошли в управлении социальной политикой в 2000-е годы. В 2000 году было объявлено о необходимости построения субсидиарного социального государства, был провозглашен переход от «политики выживания» к «политике развития». Программные документы национальной социальной политики теперь создаются в соответствии с проектной структурой, содержат стратегические цели, основные направления их реализации, тактические задачи и конкретные меры их выполнения, а главное — индикаторы достижения целей. Но до реализации поставленных целей пока еще далеко.

Современная административная система управления социальной политикой

России не соответствует тем задачам, которые в настоящий момент должно решать российское общество. Проблемы системы управления хорошо известны: непрофессионализм, раздутые штаты чиновников, коррупция и т.п. Принимаемые государственные решения в подавляющем своем большинстве не просчитаны и необоснованны, не носят системного характера.

Очевидная необходимость борьбы административной системы управления социальной политикой с этими проблемами заставила правительство перейти к административной реформе, которая началась в 2004 году, после начала второго президентства В.В. Путина. Эта реформа не позволила достичь поставленных целей в системе управления.

Критикуется попытка решить социальный вопрос посредством развития национальных проектов. Нацпроекты нацелены на получение краткосрочных результатов, в то время как социальная сфера нуждается в долгосрочных стратегиях. Нацпроекты ориентированы на решение проблем посредством финансовых вливаний, хотя, как многими осознается, необходимы шаги по проведению со структурными преобразованиями в сфере управления и социальной политике.

При определении стратегии социального управления российское правительство не может обойтись без западного опыта для построения своей эффективной политики. Для России интересен опыт как неовеберизма, так и New Public Management. Бюрократические традиции российского государства делают важным анализ опыта европейских государств, особенно при построении социального государства. Но в то же время нельзя не учитывать передовой опыт США и новые тенденции в политике управления, которые в полной мере отразились и в особенностях управления социальной политикой во всем развитом мире. Маркетинговый подход — новое перспективное направление эволюции системы управления социальной политикой.

1. Гомцяц, С.В. Динамика развития принципа субсидиарности в Европейском союзе [Текст] / С.В. Гомцяц // Вестник международных организаций. — 2007. — № 6 (14).

2. Капогузов, Е. Модернизация госуправления в Европе: на пути к неовеберизму? [Текст] / Е. Капогузов // Современная Европа. — 2009. — № 1.

3. Мухаев, Р.Т. Система государственного и муниципального управления [Текст] / Р.Т. Мухаев. — М., 2010.

4. Оболонский, А.В. Бюрократия для XXI в.? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия [Текст] / А.В. Оболонский. — М., 2002.

5. Kotler, P. Marketing-Management: Analyse, Planung und Kontrolle [Text] / P. Kotler. — Stuttgart, 1982.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 328.32

В.Г. ПОПОВ, А.З. АСТАХОВ

Функция политического представительства имманентно присуща демократии как форме правления, поскольку затрагивает в наибольшей степени интересы народа в целом и отдельных его групп на уровне принятия политических решений.

Цель настоящей статьи — с позиций основных теоретических подходов в политологии и политической социологии проанализировать содержание понятия «политическое представительство», выявить его сущность как элемента системы властных отношений. Такая постановка проблемы представляется актуальной, теоретически и практически значимой. Она содержит понимание необходимости рассмотрения приоритетных направлений модернизации политической структуры общества в процессе оптимизации системы демократического политического управления.

В работах А. Щюца, П. Бергера, Т. Лукмана и др., несмотря на различия методологических подходов, проблема политического представительства получает глубокое рассмотрение. Однако она в значительной степени психологизируется, переводится в плоскость трансцендентального, коллективного сознания, позволяющего упорядочить межличностные отношения с помощью смысловых единиц этого сознания как особых институциональных конструкций в системе властных отношений общества.

Н. Смелзер проблему политического представительства трансформирует в проблему иерархизированных форм взаимоотношений первичных (неформальных) и вторичных (организационных, функционально-целевых) групп, включенных в систему властных отношений. При этом акцентируется особое внимание на роль политических лидеров в этих группах.

Проблема политического представительства в системе власти в косвенной форме как результат взаимодействия бюрократии и населения находит отражение в классических работах З. Баумана, П. Бурдьё, М. Вебера, М. Крозье, Г. Саймона и др. Подчеркнем разработанный в них методологический подход для осмысления феномена политического представительства

(П. Бурдьё, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.). Специфика этого феномена увязывается с делегированием прав и полномочий властному субъекту, способному выразить и реализовать потребности и интересы населения.

В публикациях С. Андреева, Г. Атаманчука, М. Афанасьева, А. Вишневого, В. Граждана, М. Дмитриева, М. Капустина, И. Клямкина, В. Никонова, В. Смолькова, Л. Якобсона и др. проблема повышения эффективности политического представительства частично затрагивается в контексте развития и реформирования современной российской государственной и муниципальной службы.

В то же время в работах большинства политологов отсутствует интегративный, комплексный подход к анализу процесса политического представительства, особенно на регионально-территориальном уровне. Поэтому данный процесс рассмотрен в литературе недостаточно полно и всесторонне. Особенно нуждается в изучении политическое представительство в связи с необходимостью институционализации системы местного самоуправления, ее реформирования в современных условиях.

С этимологической и общетеоретической точки зрения объяснение сущности понятия «политическое представительство» связано в первую очередь с содержанием термина «презентация». Глагол *praesentare* (лат.) подчеркивает обращение субъекта к объекту презентации, систематически поддерживаемую между ними связь [4, с. 826]. При этом понятие «презентация» выражает целый ряд специфических модальностей субъект-объектных отношений. Это могут быть: знаково-символическое замещение объекта субъектом; отношения эквивалентности или сущностного соответствия между ними; выражение типического посредством единичного как его примера или образца; замещение действий или способов выражения, представляющих объект, специфическими действиями и способами выражения, присущими субъекту, но позволяющими сохранять фундаментальные черты и свойства объекта [10, р. 1733].

Политическая жизнедеятельность как весьма сложная, богатая оттенками отношений реальность, безусловно, сочетает в себе различные виды презентации, выражающей различные способы непосредственного или опосредованного эксплицитного выражения свойств объекта. В презентации отражается наличие или отсутствие определенного представления субъектом общественно, в данном случае политически значимых для объекта модальностей его жизнедеятельности. Отсюда политическое представительство – это способ взаимодействия субъекта и объекта политической власти, в результате которого первый осуществляет представление для второго воальностей (ресурсов) и ожиданий (экспектаций) реализации приоритетных потребностей, ценностей и интересов.

Политические представления претендуют на то, чтобы выражать социальную сущность индивидов и групп в разрезе тех диспозиций, которые задаются общей политической системой общества. Несомненно, что трактовка политических представлений как особой, относительно независимой от индивидов политической реальности восходит к теории «социальных фактов» Эмиля Дюркгейма – объективированных «коллективных представлений», которые образуют сферу политики, права, морали и культуры [3, с. 309–365].

Трансцендентный характер политических представлений обнаруживается в том, что, обладая в системе властных отношений собственным бытием, они не только отражают свойства своего объекта (индивиды или группы), но и влияют на него (что очень наглядно проявляется в различных формах политической самоидентификации индивидов и групп), становясь регулирующими политическую жизнь институциями [5, с. 121]. На базе этого методологического взгляда следует, что политическая презентация как наличная, присутствующая, непосредственно воспринимаемая, первичная реальность в большинстве актов человеческой практики оказывается недоступной для анализа и потому символически замещается различными репрезентациями, отражающими политические предпочтения субъекта.

Аналогичные взгляды относительно содержания презентаций высказываются в феноменологии Альфреда Шюца, который рассматривает проблему ориентации

человека в окружающей действительности сквозь призму опыта его повседневного «жизненного мира» как значимой презентации реальности [6]. Социологи Питер Бергер и Томас Лукман трактуют систему общества как особый мир, конструируемый человеком на основе смыслового упорядочения институциональной сферы и сведения ее к высшему, непротиворечивому, личностно-ориентированному единству («космический универсум») путем так называемых символических «легитимаций», или, иначе говоря, общественно значимых и психологически релевантных представлений о действительности [1]. С позиций теорий А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана смысл понятия «политическое представительство» можно раскрыть через содержание целостной и относительно непротиворечивой совокупности политических символических смысловых единиц, выражающих личностно-ориентированное представление о политической реальности.

Использование понятия «презентация» в качестве методологического принципа открыло в дальнейшем новые перспективы политологического изучения феноменов языка, знака, научного знания, повседневного «жизненного мира», практик социального конструирования в сфере политики, управления и властных отношений, интерсубъективности и т.п. [7, р. 553–556]. Очевидно, что, несмотря на свою специфичность, процесс формирования и статус политических представлений могут быть также подведены под более широкое понятие политического представительства (что отражено в исходном этимологическом тождестве понятий «представление» и «презентация» практически во всех европейских языках). По крайней мере, речь может идти о принципиальном сходстве механизмов и диспозиций, которые определяют формирование политических представлений и реализацию актов политического представительства, воплощаемую в различных реально фиксируемых формах организации системы власти и управления.

Вместе с тем, чтобы четче отграничить на терминологическом уровне формирование мира политических представлений и реальные, сознательно и целенаправленно осуществляемые индивидами акты политического представительства, последние в некоторых случаях подводятся под общее понятие «делегирование», которое имеет

два основных значения: (1) назначение или посылку какого-либо лица в качестве представителя; (2) передачу полномочий от одного лица другому с тем, чтобы последнее могло действовать от имени первого.

Латинская основа понятия — глагол *delegare* — очень точно фиксирует именно факт передачи полномочий от одной инстанции к другой, означая буквально отрицание (частица *de-*) необходимости посылки специальных посланников (легатов), призванных контролировать точность и правильность соблюдения законов [10, р. 550]. Так, в политологической концепции Пьера Бурдьё многообразные виды политического представительства определяются как делегирование — процесс, «с помощью которого одно лицо ... предоставляет свои полномочия другому лицу». Такая передача полномочий подразумевает, что лицо, предоставляющее полномочия, или доверитель, разрешает своему доверенному лицу «подписывать документы, говорить и действовать от своего имени, вручает ему свою доверенность, т.е. *plena potentia agendi* (лат. «полномочие действовать вместо себя»).

Иными словами, доверенное, или уполномоченное, лицо в результате акта делегирования приобретает поручение (мандат, доверенность) представлять своего доверителя в разнообразных политических ситуациях [2, с. 233]. Полисемичность глагола «представлять» или «презентировать» с неизбежностью ставит вопрос об объеме тех персональных или групповых прав и полномочий на действия, которые доверитель может делегировать своему доверенному лицу в тех или иных ситуациях. Бурдьё термин «представлять» трактуется в контексте полномочий доверенного лица «выражать и отстаивать интересы определенного лица или группы» [2, с. 233].

С учетом позиции П. Бурдьё американский политолог Дебора Стоун связывает смысл политической презентации именно с манифестацией интересов, подчеркивая, что презентация — это в первую очередь «процесс, посредством которого в политике определяются и активируются интересы» [9, р. 171].

Таким образом, интерес как осознанная потребность и мотивационная основа жизнедеятельности индивидов и групп служит одним из ключевых понятий, раскрывающих содержание политического пред-

ставительства и специфику связи между ее объектом и субъектом.

В этом контексте важно определить, почему именно категория интереса может служить связующим звеном между общественными сущностями разного порядка, в том числе политического. Это, как нам думается, обусловлено тем, что презентация не может рассматриваться как точный «слепок» исходной политической реальности и потому не может обеспечивать полный перенос одной политической субстанции на другую — как ни одна система знаний не может служить истинным отражением этой реальности.

Применительно к политической презентации можно говорить лишь об одном аспекте сосуществования и взаимодействия политических субстанций, а именно о таком, который способен обнаружить их адекватность друг другу. Основой оценки адекватности служит соответствие содержания политической презентации интересам индивида или группы как категории, выражающей субъективное осознание ими собственных потребностей. Поэтому интересы должны рассматриваться в своем исходном виде как основа презентации базисных интенций их объективного существования в мире. Только благодаря этому вообще может ставиться вопрос о возможности политического представительства как выражения (артикуляции и передачи) содержания властных интенций.

Таким образом, понятие «политическое представительство» практически смыкается с сущностью политических презентаций, основанных на взаимодействии между интересами как субъективными интенциями в сфере политических, властных отношений. Отсюда любой акт политического представительства отражает не столько субстантивные, сколько интенциональные и функциональные характеристики существования взаимодействующих индивидов и социальных групп.

Важно заметить, что на заре становления представительных институтов власти вопрос о сущности политического представительства являлся предметом острых дебатов. В первые годы независимости США, как отмечает А. Крамник, в широких массах американцев была популярна так называемая «теория зеркала», согласно которой лица, избираемые в представительные органы власти, должны были всеми

чертами своего социального облика и образом мыслей служить точным «миниатюрным отражением» той массы избирателей, которая их выдвигает.

Отстаивавший эти взгляды Меланхтон Смит говорил, что «когда мы говорим о представителях, ... это означает, что они должны быть подобны тем, кого они представляют». По мнению Смита, презентант должен не столько обладать какими-либо выдающимися политическими способностями и талантами, сколько воплощать в себе «тождество» (*sameness*) со своими избирателями — жить так же, как они, знать все обстоятельства их жизни и их потребности, переживать те же надежды и огорчения, что и они. Только в таком качестве презентант, как считалось, способен адекватно, подобно зеркалу, отражать в системе власти подлинные интересы своих избирателей.

В силу того, что строгое соблюдение этого принципа в реальной политике часто затруднено, необходимо, как считал Смит, во всех возможных случаях предпочитать непосредственную демократию масс деятельности представительных органов. Противостоявшая этой точке зрения позиция — так называемая «теория филтра» — напротив, исходила из того, что в процессе выборов должен осуществляться

отбор наиболее выдающихся и просвещенных представителей народа, которые возвышаются своими талантами и способностями над общей массой избирателей.

Респектабельность, умеренность, просвещенность, юридическая грамотность таких «лучших» представителей народа будет служить своеобразным «фильтром», который позволит при принятии политических решений отсеять свойственные массе предрассудки, ошибки и заблуждения от ее подлинных интересов, нуждающихся в грамотном оформлении, систематизации и продвижении [8, р. 41–43]. Делегируемые права и полномочия в этом контексте могут рассматриваться как специфические средства, или инструменты, которые — в силу их юридически строгой формы — призваны обеспечивать адекватную трансляцию интересов на все более высокие уровни политической иерархии. Такое понимание смысла политического представительства позволяет выявить в нем различие двух главных смысловых оттенков — представительства интересов и делегирования прав и полномочий. В этом отношении делегирование не полностью тождественно политическому представительству. Оно выступает, скорее, ее процессуальной характеристикой и механизмом.

1. Бергер, П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по политологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: «Academia-Центр», «Медиум», 1995.
2. Бурдьё, Пьер. Социология политики [Текст] / Пьер Бурдьё. — М.: Socio-Logos, 1993.
3. Дюркгейм, Э. Метод политологии [Текст] / Э. Дюркгейм // Западно-европейская политология XIX — начала XX веков / Под ред. В.И.Добренкова. — М.: Издание Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996.
4. Родионова, С.А. Репрезентация [Текст] / С.А. Родионова // Новейший философский словарь. — Мн.: Книжный Дом, 2003.
5. Ферреоль, Ж. Политология. Терминологический словарь [Текст] / Ж. Ферреоль. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2003.
6. Шюц, Альфред. Избранное: Мир, светящийся смыслом [Текст] / пер. с нем. и англ. — М.: РОССПЭН, 2004.
7. Egan, F. Representation in Language and Mind [Text] / F. Egan // Encyclopedia of Language & Linguistics. — Second Edition / Ed. by K. Brown. — Amsterdam; Boston; Heidelberg; L.; N.Y.; Oxford; P.; San Diego; San Francisco; Singapore; Sydney; Tokyo: Elsevier Ltd., 2006. — Vol. 10.
8. Madison, J. The Federalist Papers [Text] / J. Madison, A. Hamilton, J. Jay / Ed. by I. Kramnick. — L.; N.Y., 1988.
9. Stone, Deborah A. Policy Paradox and Political Reason [Text] / Stone A. Debora. — N.Y.: Harper Collins Publishers, 1988.
10. The World Book Dictionary [Text]. Volume one A–K / Ed. by Robert K. Barnhart. — Chicago; L.; Sydney; Toronto: World Book, Inc. A Scott Fetzer Company, 1996.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 323

В.К. КУЧКИН

Вопросы, связанные с правовым государством, всегда вызывают глубокий интерес. Идея правового государства возникла и была сформирована несколько столетий назад. В настоящее время в России конституционно заложены и развиваются основы формирования правового государства. Но при практической реализации продекларированной идеи возникает множество объективных и субъективных причин, тормозящих формирование правового государства в России. Объективные причины обусловлены, прежде всего, исторически сложившейся правовой культурой, чертами русского менталитета и национального характера. Субъективные причины определяются политическим безволием и коррумпированностью руководства страны всех уровней.

Правовое государство и гражданское общество формируются совместно и процесс их создания занимает длительное историческое время. Более того, их формирование невозможно без соответствующего политического механизма, обеспечивающего не только создание соответствующих по качественным характеристикам органов государственной власти, но и создание стимулов формирования общественного сознания, соответствующего критериям гражданского общества.

Понятие «политический механизм» сравнительно новое в отечественном обществознании и пока еще не имеет четкой устоявшейся формулы. Первыми предприняли попытку проанализировать механизмы рекрутирования политических элит, механизмы администрирования и идеологического обеспечения различных управленческих решений отечественные историки — современники Великих реформ середины XIX столетия [11; 19]. В фундаментальных исторических очерках российской государственной и общественной жизни С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова был сделан акцент на выявлении различных общественных и государственных потребностей, которые сделали необ-

ходимым развитие того или иного механизма управления. Динамика существования каждого конкретного механизма, таким образом, описывалась в духе популярной в то время гегелевской диалектической формулы преобразования количественных изменений в новое качество [2, с. 55].

Однако при всей его продуктивности такой теоретический подход вел к эклектичному восприятию всей совокупности механизмов политического управления. Каждый из механизмов выглядел в трудах этих классиков отечественной исторической мысли самодостаточным и, в принципе, вопрос о системности, взаимосвязанности и взаимообусловленности этих механизмов оставался открытым вплоть до того времени, когда ответ на него попыталась дать советская историческая наука.

Методология марксизма позволяла органично свести в одну систему порядок возникновения и функционирования отдельных механизмов политического управления [9; 10]. Она позволяла определенным образом ранжировать эти механизмы по политической значимости в соответствии с общими посылами марксизма относительно связи экономических, культурных, правовых и других факторов общественно-политического развития. В советское время наметилось существенное приращение научных знаний о свойственном России специфическом механизме рекрутирования властвующих элит [21, с. 65], о механизмах стимулирования политического процесса посредством экономических реформ [5, с. 43], о правовом и административном механизмах достижения баланса политических сил и интересов в федеративно организованном пространстве Киевской Руси, Московского государства и Российской империи [22, с. 44]. На рубеже XX—XXI вв. были выделены периоды в истории существования различных механизмов и их специфика соотнесена со спецификой функционирования аналогичных механизмов в европейских государствах Средневековья и Нового времени [14; 18].

Отказ современных отечественных исследователей от строгого следования логике марксистского анализа и большее их внимание к компаративным методам анализа в рамках цивилизационного подхода позволили добиться определенного равновесия в научных представлениях о внутренних и внешних факторах и условиях исторического формирования и развития различных управленческих механизмов. Во многом этому баланс способствовало появление в 90-е гг. XX в. большого числа междисциплинарных исследований, в которых гражданские историки привлекали политологические модели из арсенала европейской науки для объяснения логики политических процессов в прошлом России [8, с. 93–102]. Одновременно отечественные политологи проявили заметное стремление обозначить специфику своей национальной политологической школы широким обращением к методам и предметам исторической науки. Этот междисциплинарный синтез позволил на современном научном уровне представить макроисторическую динамику механизмов политического управления в России в контексте макроисторической динамики аналогичных механизмов в структуре европейской цивилизации.

Многие авторы, использующие в своих исследованиях термин «политический механизм», трактуют его весьма вольно, порой некорректно. В научных изданиях, а тем более в публицистике, допускается смешение понятий «методы», «механизмы», «технологии», что, естественно, не на пользу науке и научному осмыслению политической практики. Одну из первых попыток как-то содержательно соотнести понятия «технологии» и «механизмы» предпринял О.Н. Фомин [20, с. 47–61]. Конкретизация соотношений между всеми этими понятиями позволяет точнее и эффективнее использовать понятие «политический механизм» в исследовании проблем государственного управления.

Непосредственно термином «механизм» обозначается «система, устройство, определяющие порядок какого-либо вида деятельности» [13, с. 583]. Под системой принято понимать упорядоченное множество функционирующих элементов, находящихся во взаимосвязи и образующих определенную целостность.

В отличие от техники, откуда пришел термин «механизм», социальные механизмы — не столько физическое явление, которое может быть выявлено при помо-

щи органов чувств, сколько совокупность прав и обязанностей, определяемых ими, содержание и характер деятельности индивидов и групп. А специфика политического механизма в том, что он опирается на государственную власть (или ориентируется на ее нейтрализацию), которая предполагает отношения господства и подчинения между взаимодействующими акторами, и в основе которой лежат принуждение и право, освещающие легитимное насилие [6, с. 28].

Термин «политический» означает «относящийся к политике», т.е. к деятельности органов государственной власти и государственного управления по обеспечению классовых или иных общественных интересов посредством институтов власти. Соответственно, именно государство в лице своих национальных органов законодательной и исполнительной власти выступает основным субъектом политической деятельности.

Таким образом, политические механизмы означают совокупность определенных управленческих процедур, навыков, приемов, объединенных каким-либо политическим принципом. Среди таких принципов, по сути формирующих характер политических механизмов, определяющими являются легитимность, гласность, открытость, законность, ответственность, научность, преемственность или же другие, противоположные названным и формирующие иной характер политических механизмов.

В основе всякой политической деятельности лежат концептуальные идеи, отраженные в доктринальных, в том числе нормативных правовых актах, закрепляющих политические стратегии. Собственно политическая деятельность проявляется в принятии важнейших решений, направленных на выработку и применение конкретных средств и методов достижения поставленных внешнеполитических и внутривнутриполитических целей.

Однако достижение политических целей происходит не только в результате деятельности государственных органов, но и посредством деятельности общественных организаций, а также международных политических и правовых институтов и организаций, в том числе путем объединения усилий формальных и неформальных органов и организаций.

В процессе принятия политических решений участвуют или оказывают на него влияние группы интересов, политические партии, общественные организации и движения, органы местного самоуправления, религиозные объединения, бизнес-

структуры и т.д. В сфере публичной политики далеко не все является публичным, в ней возможно существование, а иногда и доминирование теневых центров власти, принятия решений. Наконец, в управленческой деятельности государства не все имеет политическое звучание: оно осуществляет многие функции управления, далекие от политики [6, с. 29].

Основываясь на изложенном, политические механизмы в широком смысле можно определить как средство достижения политических целей. В узком смысле политические механизмы можно определить как совокупность различных видов деятельности политических субъектов, формальных и неформальных правил и процедур, обеспеченных международным и национальным правом и включенных в динамику практически-политических отношений, которые реализуются в соответствии с выдвигаемыми политическими целями.

Представляется, что определяющим для формирования политических механизмов независимо от сферы их реализации являются конкретные политические цели.

Постановка целей в политике органов государственной власти имеет первостепенное значение. Причем цели государственного управления неразрывно связаны с целями политики. Цель политики, — как справедливо отмечает М.Н. Марченко, — состоит в том, чтобы утвердить рациональное (разумное) в отношениях между людьми или субъектами в рамках общества. Из вышеуказанной цели вытекают и функции политики: 1) поддержание и укрепление целостности общества как сложнодифференцированной системы, обеспечение общественного порядка и организованности; 2) уменьшение опасности ненужных столкновений между людьми в обществе; 3) разработка целей всего общества и составляющих его субъектов, организация и мобилизация ресурсов на их достижение; 4) обеспечение рационального отношения к добыче, сбережению материальных и духовных ценностей с тем, чтобы они способствовали утверждению столь же рациональных отношений между людьми (техническая, экологическая, культурная и др. политика); 5) обеспечение предвидения будущего и рациональных путей его обеспечения [15, с. 59].

Исторически для общественной мысли характерно стремление к более совершенным и справедливым формам государственной жизни. В этой связи одной из важнейших задач, стоящих перед политической наукой современной России,

является поиск новых ориентиров, путей, форм, способов модернизации Российского государства, позволяющих сохранить и развить потенциал народа, укрепить положение Российского государства в мировом сообществе, достойно ответить на вызовы истории. Реализация этой задачи требует мыслить и действовать гуманитарно, а не технократично, то есть реагировать не только на изменения в экономике и технике, но и на изменения в человеческом сознании, в духовно-нравственной сфере, в человеческих устремлениях и мотивациях. Как отмечал Н.Н. Моисеев, «человечество находится на пороге глубочайшей перестройки всех основ современной цивилизации, или, как говорят, смены цивилизационных парадигм. Эта перестройка коснется всех стран планеты и будет сопровождаться сменой ценностных шкал, привычных условий жизни и общественного устройства» [7, с. 78].

В системе основных политических целей развития России особая роль принадлежит реализации стратегии строительства демократического правового социального государства. Эта цель является основой для реализации осмысленной политики органов государственной власти и местного самоуправления по модернизации всех сфер государственной и общественной жизни. Сущность строительства демократического правового социального государства в России состоит в совершенствовании механизма функционирования и развития отечественной государственности и приведения ее в соответствие с задачами превращения Российской Федерации в одного из мировых лидеров. Но стать таким лидером Россия сможет лишь тогда, когда продемонстрирует миру образцово-показательное решение крупных социально-экономических и политико-правовых проблем на своей территории.

К сожалению, построение демократического правового социального государства не закреплено в качестве стратегической цели развития российского народа. Хотя есть специалисты, которые считают обратное. В частности, П.К. Гончаров указывает на то, что Россия только поставила перед собой цель стать социально-правовым государством [1, с. 28]. На взгляд Н.В. Кротовой, «как минимум с 1993 г., с момента принятия Конституции РФ, официально заявлена цель — построение правового демократического государства» [7, с. 76–85].

Современная трансформация России в правовое государство является политиче-

ски управляемым процессом. Само государственное управление — по преимуществу политический процесс, ибо государство как основной политической институт разрабатывает, утверждает и осуществляет все принципиальные политические стратегии развития общества. Оно представляет собой масштабную, разветвленную и влиятельную систему политического управления. Поэтому политические механизмы управления, прежде всего, используются в государственной сфере.

Проблема строительства правового государства связана со всей совокупностью общественных отношений и поступательного развития цивилизационного процесса в его упорядоченной и эволюционной форме. Строительство демократического правового социального государства представляет собой долгосрочный национальный курс, закрепленный в Конституции страны и обозначающий основные пути реализации важнейших интересов народа и государства. Основная роль стратегии строительства демократического правового социального государства заключается в том, чтобы координировать и направлять все правовые действия и законотворческие ресурсы органов государственной власти и народа Российской Федерации на достижение политических, правовых, экономических и социальных целей и ценностей, зафиксированных в Конституции России. Ведь Конституция — это генеральное соглашение между всеми социальными группами, включая власть, бизнес, общество в целом, о фундаментальных правилах, по которым живет страна [4, с. 14]. Конституция РФ — основополагающий национальный доктринальный нормативно-правовой акт, являющийся базовым для формирования политических механизмов становления в России правового государства. Содержащиеся в Конституции стратегические приоритеты, цели и принципы правового государства, определяющие модель устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу, непосредственно реализуются в деятельности специальных государственных органов и общественных организаций, которые в соответствии с интересами человека, общества и государства и на основе норм национального и международного права решают задачи построения правового государства. Конституционно-правовые аспекты стратегии строительства демократического правового социального государства содержат общие правовые ориентиры модернизации Российского государства в

соответствии с современными представлениями о путях его совершенствования.

Основные принципы правового государства — верховенство закона, легитимность публичной власти, взаимная ответственность государства и личности, разделение властей, новый, более высокий уровень законности, единство естественного и позитивного права и связанная с ним тенденция сближения права и морали — оказывают решающее влияние на его организацию и функционирование. Правовому государству присуща определенная организация власти: неподавление властью как индивида — отдельной личности, так и совокупного человека — народа, а участие их в организации власти в государстве.

Правовому государству присущи такие регулируемые законом взаимоотношения с гражданами, при которых государство, его органы, учреждения и должностные лица служат всему обществу, а не какой-либо его части, они ответственны перед человеком и гражданином, рассматривают человека, его жизнь и здоровье, личную неприкосновенность и безопасность, другие права и свободы, честь и достоинство в качестве высшей ценности, обеспечивают их защиту от любого произвола, считают признание, соблюдение и защиту прав и свобод, чести и достоинства человека и гражданина главной обязанностью государственной власти. Граждане в свою очередь несут ответственность перед государством и обеспечивают защиту его интересов [16, с. 21].

Конституционно-правовое содержание принципа правового государства не ограничивается установлением правовых пределов государственной власти, соблюдение которых контролируется судом во имя свободы и неотъемлемых прав личности. Из Конституции вытекает, что и само государство также создает такие нормы и правила, которые гарантируют политическое единство и формируют основы правопорядка. Тем самым динамика политических процессов не ставит под сомнение идентичность государства и его жизнеспособность. Речь идет о стабилизации государства путем создания соответствующих органов, осуществляющих функции государства и действующих независимо от периодической смены политических элит, приходящих к власти в результате свободных демократических выборов.

В процессе реализации стратегии строительства демократического правового социального государства, прежде всего, требуется создание необходимых

ему государственно-правовых институтов. К.Поппер справедливо утверждает, что «всякая широкомасштабная политика должна быть институциональной, а не личной» и «всякая демократическая долгосрочная политика должна разрабатываться в рамках безличных институтов» [15, с. 152–153]. Именно государственно-правовые институты в состоянии интегрировать интересы и потребности народа, придать его воле определенную направленность, обозначить целевые установки развития государства.

Правовой государственности свойственно организационное разделение государственного механизма на законодательную, исполнительную и судебную ветви и функциональное деление на правотворческую, правореализующую и правоохранительную сферы. В понимании правовой государственности России разделение властей занимает значительное место. В идее разделения властей, как и нормативном содержании соответствующего положения российской Конституции, имеется множество смысловых граней. С одной стороны, это единство государственной власти на

всей территории Российской Федерации, с другой — разграничение властных полномочий между органами законодательной, исполнительной, судебной власти, их самостоятельность в осуществлении возложенных полномочий, а также недопустимость их вторжения в компетенцию друг друга. В то же время самостоятельность ветвей власти никак не препятствует рационализации осуществления власти.

Таким образом, основная роль политических механизмов заключается в реализации государством в лице соответствующих органов, а также общественных организаций и в целом общества принципов правового государства в российской политической действительности. Политические механизмы формирования правового государства направлены, прежде всего, на обеспечение высокого уровня жизни человека, а не на создание красивой структуры государственных властей и декларативного обеспечения прав и свобод личности. Правовое государство становится таковым только тогда, когда все, что закреплено на бумаге, будет реализовано в жизни.

1. Гончаров, П.К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель [Текст] / П.К. Гончаров // Социально-гуманитарные знания. — 2000. — № 2.
2. Гуроров, В.А. Философия политики на рубеже тысячелетий: судьба классической традиции [Текст] / В.А. Гуроров // Полис. — 2001. — № 1.
3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. Даль. — В 4-х т. — М., 2000. — Т. 1.
4. Зорькин, В.Д. Об угрозах конституционному строю в XXI веке и необходимости проведения правовой реформы в России [Текст] / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. — 2004. — № 6.
5. Ильин, В.В. Реформы и контрреформы [Текст] / В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.С. Ахиезер. — М., 1996.
6. Козлова, А.В. Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере [Текст] / А.В. Козлова. — Автореф. дис. ... докт. полит. наук. — М., 2009.
7. Кроткова, Н.В. С.А. Котляревский как теоретик правового государства [Текст] / Н.В. Кроткова // Государство и право. — 2006. — № 11.
8. Ланцов, С.А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации [Текст] / С.А. Ланцов // Полис. — 2001. — № 3.
9. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма [Текст] // Полн. собр. соч. — М., 1969. Т. 27.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология [Текст] // Сочинения. 2-е изд. — М., 1955.
11. Милоков, П.Н. Очерки по истории русской культуры [Текст] / П.Н. Милоков. — В 3 т. — М., 1995.
12. Моисеев, Н.Н. Время определять национальные цели [Текст] / Н.Н. Моисеев. — М., 1997.
13. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / под ред. Н.Ю. Шведовой. — М., 1989.
14. Перегудов, С. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений [Текст] / С. Перегудов. — М., 2003.
15. Политология: Курс лекций [Текст] / под ред. М.Н. Марченко. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 1999.
16. Поппер, Карл. Открытое общество и его враги [Текст] / Карл Поппер. — М., 1992. — Т. 2.
17. Постатейный научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / под ред. О.Е. Кутафина. Предисловие Председателя Конституционного Суда РФ д.ю.н., проф. В.Д. Зорькина. — М.: ЗАО «Библиотечка «Российской газеты», 2003.
18. Резник, Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации [Текст] / Ю.М. Резник. — М., 1993.
19. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен [Текст] / С.М. Соловьев. — М., 1988.
20. Фомин, О.Н. Политические механизмы в зонах социальной конвергенции [Текст] / О.Н. Фомин. — Саратов, 2002.
21. Фроянов, И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы [Текст] / И.Я. Фроянов. — М.-СПб., 1995.
22. Эйдельман, Н.Я. Революция «сверху» в России [Текст] / Н.Я. Эйдельман. — М., 1989.

ПРОТЕСТНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ СТУДЕНТОВ САЛЕХАРДА И ЕКАТЕРИНБУРГА: МОДЕЛИРОВАНИЕ СИТУАЦИИ

УДК: 32.019.52:519.2 (311)

О.С. ПУСТОШИНСКАЯ

Обоснованность обращения к вопросу молодежного внесистемного выражения в современной России, переживающей период реформирования, не вызывает сомнений. Культивирование формирования оппозиционной модальности идей контрлегитимности и националистической апологетики привело к распространению в молодежной среде практик политической девиации, ставящих под вопрос стабильность общественных отношений, необходимую для осуществления курса на модернизацию страны.

В настоящей статье представлены результаты исследования, направленного на выявление интереса студентов Салехарда и Екатеринбурга к молодежной фронде и их оценки собственной политической активности.

Методом сбора информации стал анкетный опрос, проведенный в 2009–2010 гг. Объем выборки составил 1593 человека. Репрезентативность данных обеспечена доверительным интервалом 97%. Для обработки информации применялась техника статистического обеспечения: кросстабуляция, факторный анализ и многомерное шкалирование.

Ключевым моментом исследования стало обнаружение уровня политической компетенции изучаемой аудитории с точки зрения введения ее членов в плоскость молодежной политической консолидации, общих представлений об агентах, действующих в рамках системы гарантированных политических возможностей или преступающих границы правового поля, понимания программ и стилей их коллективного поведения.

Исследование показало, что структура знания респондентов Салехарда об обозначенной стороне российской действительности не отличается спектральной наполненностью. Основную нишу в ней занимают когниции-скрипты об известных молодежных объединениях, лояльных власти, а также левой, национал-патриотической и демократической направленности.

Монополия на эксклюзивную саморепрезентацию сделала «Молодую гвардию» (МГ) самой узнаваемой в обозначенной сту-

денческой среде. О ее деятельности известно 74,0% опрошенных. По поводу функционирования «Российского коммунистического союза молодежи» (РКСМ), «Союза коммунистической молодежи» (СКМ) и движения «Наши» рефлексировали 25,0%, 21,2%, 20,2% респондентов соответственно. Нисходящая популярность (9,1%–0,5%) регистрируется у таких сообществ, как «Национал-большевистская партия» (НБП), «Русское национальное единство» (РНЕ), «Левый фронт» (ЛФ), «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ), «Ассоциация движений анархистов» (АДА), «Авангард красной молодежи» (АКМ), «Славянский союз» (СС), «Русский национальный союз» (РНС), «Рубеж Севера» (РС), «Русский образ» (РО), «Объединенный гражданский фронт» (ОГФ), «Северное братство» (СБ).

Благодаря математическому обоснованию удалось разрешить вопрос о способности студентов к распознаванию отдельных составляющих молодежного движения, отличающихся идейно-целевой, атрибутикой и поведенческо-стилистической тональностью, качеством взаимодействий.

На базе выбора респондентов построена пятифакторная модель популярных молодежных объединений.

Первый фактор может быть идентифицирован в терминах лояльности / оппозиционности политическому режиму, ориентации на Центр / направленности на конструирование новых социальных пространств. Его положительный полюс определяется переменными «ОГФ», «ЛФ», «РНЕ», «НБП», «АКМ», отрицательный — объектами «МГ» и «Наши».

Второй фактор следует обозначить как ультра националистическое крыло оппозиции. Он положительно коррелирует с переменными «РНС», «РО», «РС», «СС».

Следующая структура, во-первых, соотносится с левоориентированным сегментом молодежной протестной интеграции, во-вторых, служит доказательством осведомленности студентов относительно политемичности левой идеологии, расхождений в системе взглядов на государство, власть и общество. Ее положительное поле образуют

объекты «СКМ», «РКСМ», «АКМ», «ЛФ», отрицательное — «АДА».

В четвертом и пятом факторах выделяются группы «НБП», «СБ», «СС» и «ДПНИ», «РНЕ», «СС». Учитывая эклектизм данных сообществ, связанный с идеологией, отношением к религии, организационными несовпадениями, отличиями в паттернах действий, истолковать смысл конфигурации возможно следующим образом. Ключевой детерминантой сложившегося альянса является провозглашение задачей расширения политической власти русской нации за счет иных этносов. Кроме того, деятельность обозначенных сообществ запрещена на территории России.

Для Екатеринбурга характерна более масштабная включенность молодежных организаций в состав студенческого сообщества, интенсивное их информационное воздействие на сознание индивидов. Опрошенными названы в качестве известных свыше тридцати молодежных образований, заявляющих о себе на политическом рынке. Среди них распознаются толерантные власти единицы, а также дистанцирующиеся или противостоящие ей объединения, образующие фронтальную, полулегальную оппозицию либо запрещенные политические сети.

Наиболее известные организации представлены МГ — 43,5%, «Екатеринбургским движением против насилия» (ДПН) — 30,7%, РКСМ — 27,9%, СКМ — 25,9%, движением «Наши» — 23,5%, НБП — 19,4%. Мезоуровень узнаваемости (7,0%–20,0%) репрезентирован «Молодежным Яблоком» (МЯ), «Обороной», «Food not Boombs» (FNB), АКМ, ОГФ, ДПНИ, РНС, АДА, СС, РНЕ, ЛФ. Минимум связан с единицами монархического, левого, экологического толка, этно-клубами и их молодежными отделениями, ШН-сообществами, союзами, нацеленными на защиту интересов студентов: «Русским имперским движением» (РИД), «Черной сотней» (ЧС), «Национал-большевистским фронтом» (НБФ), «Армией воли народа» (АВН), GR, «Лезгино-армянским братством» (ЛАБ), «Гилелем», «Фольксштурмом», ЗИГ-88, «Объединенной бригадой-88» (ОБ-88), «Blood & Honor» (В&Н), «Всеуниверситетским протестом» (ВУП), «Сетью независимых студентов Екатеринбурга».

В результате проведения факторного анализа вскрываются связанные признаки, определяющие характер взаиморасположения коллективных акторов в ментальном пространстве студенческих представлений.

Поскольку наиболее влиятельный из факторов объединяет объекты «ЛФ», «АКМ», «АДА», «СКМ», есть смысл говорить об обособлении в сознании респон-

дентов области леворадикальной солидарности.

Локализацию переменных «РНЕ», «НБП», «ДПНИ» в границах второго фактора необходимо рассматривать в ракурсе пересечения положений программных документов данных структур. Несмотря на стилевые различия в выборе технологий политической практики, их роднит также организационная выстроенность, дисциплинированность состава, дестабилизирующий характер деятельности.

По третьей компоненте обнаруживается противостояние объектов «ОГФ», «Оборона», с одной стороны, и «АВН», — с другой. Исходя из специфики провозглашаемых формированиями ценностей и механизмов их достижения, обозначившийся раскол представляется закономерным: первых следует относить к демократической оппозиции, вторых — к ультралевому сегменту с уклоном на методы борьбы в традициях сталинизма.

В качестве причины совместной изменчивости четвертой группы наблюдений выступает радикальная национал-социальная ориентация сообществ «ЗИГ-88» и «В&Н».

В пятой компоненте выделяются субъекты подконтрольного власти сектора: «МГ», РКСМ, «Наши». Вопреки революционной апологетике РКСМ в практических действиях все более вписывается в схемы официально определенного политического процесса.

Положительный полюс шестого фактора представлен переменными «СС», «ЧС», «РНС», отрицательный — «ДПН». Данную дихотомию можно обозначить как приверженность политике силового влияния / неприятие политического насилия.

Конфигурация седьмой структуры слугит отражением неоднозначности конструкта российского национал-патриотизма. Осмысление континуума дискурсивных практик позволяет говорить о том, что при разнонаправленности политических предпочтений ценностной опорой функционирования НБФ и РНС являются проимперские националистические идеи, альянсов ОБ-88 и «Фольксштурм» — идеология фашизма. Полоса отчуждения проходит также по линии отношения к верованиям. В то же время те и другие ориентированы на общественный порядок, сильную власть, протекционизм в экономической политике.

В восьмой фактор попали «FNB», «ДПН», «МЯ», «ВУП», «АВН». Отрицательное значение переменной «АВН» свидетельствует об эклектичности подходов данных образований к политике милитаризации. Если деятельность АВН направлена на усиление во-

енной мощи России, то другие структуры выступают за свертывание военных программ.

Оппозицию по девятому фактору формируют объекты «Наши», «Гилель», «ЛАБ» и «ОБ-88». В данном случае прочитывается противостояние антифа- и фасцен, русофобных и ксенофобных настроений.

В рамках последней компоненты внимание фокусируется на объектах «РИД» и «МЯ». Очевидно, что в основе их дифференциации – выбор противоположных траекторий развития российского общества.

Проведенный анализ показывает, что в целом студенты удовлетворительно ориентируются в поле политической игры, участниками которой выступают молодежные сообщества. Ими продемонстрировано знание занимаемой организациями позиции относительно политического режима и специфики их взаимодействий. С точки зрения региональных различий низкие показатели студенческой компетентности регистрируются в Салехарде, более высокие в Екатеринбурге.

Что касается оценки респондентами своей политической субъектности, то определить ее позволила апелляция к методу многомерного шкалирования. Результатом стали математически имитированные пространства, в которых расположились точки, аппроксимирующие студенческие суждения.

Так, в салехардском случае на отрицательном полюсе первой шкалы фиксируется объект «российская молодежь – самый активный субъект отечественного политического процесса» (–1,99; 0,12) (рис. 1). По мере возрастания значений выделяются

точки: «российская молодежь предпочитает реальной политике политическую активность в интернет-пространстве» (0,28; 1,13), «российская молодежь участвует в политике в пределах, определенных стоящими за ней политическими силами» (0,29; –1,38) и «российская молодежь не интересуется политикой, для нее важнее проблемы экономического благополучия» (1,61; –0,08).

Очевидно, что шкала отражает представления студентов о последовательности распространения в молодежной среде приверженности к поведенческой линии в рамках политического участия. Низкие значения указывают на суженность круга пассионариев, высокие удовлетворяют условию масштабности распространения практики, связанной с отчуждением от политики. Респонденты также выражают сомнение по поводу активизма в Интернете и не заблуждаются на счет политической самодостаточности.

Вторая шкала имитирует возрастающую в их глазах стоимость поведенческой стратегии. На ее отрицательном полюсе определяется точка «российская молодежь участвует в политике в пределах, определенных стоящими за ней политическими силами», имеющая минимальное у-значение (–1,38), затем следует позиция «российская молодежь не интересуется политикой, для нее важнее проблемы экономического благополучия». На положительном полюсе шкалы регистрируется точка «российская молодежь – самый активный субъект отечественного политического процесса». Максимум достигается в точке «российская молодежь предпочитает

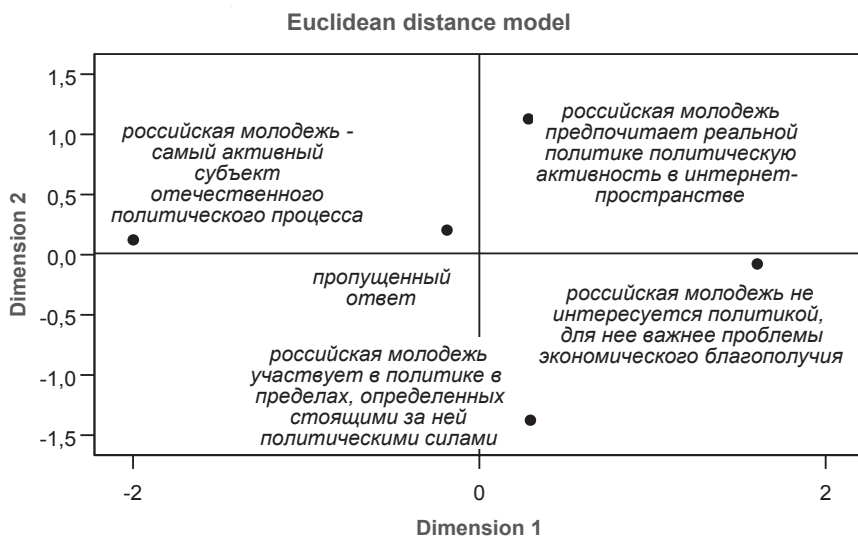

Рис. 1. Конфигурация позиций студентов Салехарда относительно собственной политической субъектности

реальной политике политическую активность в интернет-пространстве».

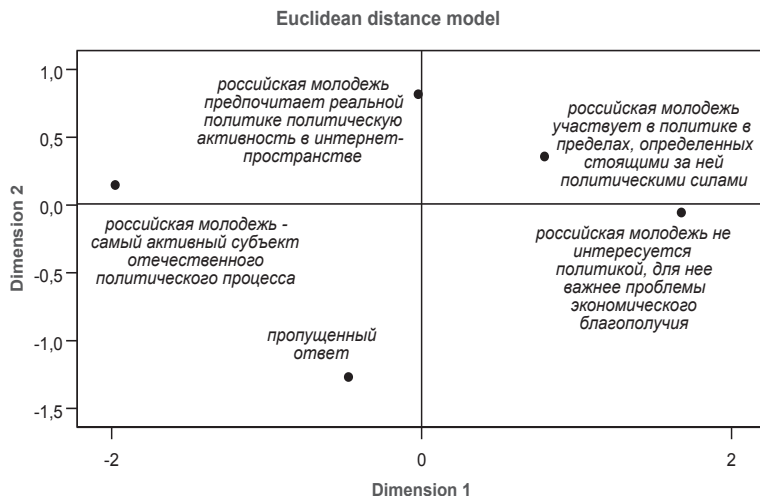
Таким образом, представители целевой аудитории Салехарда воспринимают политическую деятельность в Сети как наиболее эффективную и менее рискованную. Положительная рефлексия регистрируется и в отношении сознательной и интенсивной включенности своих ровесников в политический процесс. В то же время самими опрошенными продемонстрировано устранение из политической сферы и поведенческая инерция. Налицо явное расхождение между высокой ценностной составляющей и ее практическим воплощением.

Структура взаимного расположения исследуемого множества представлений студентов Екатеринбурга в отношении политической активности российской молодежи имеет свои особенности.

Несмотря на то, что в целом изолированное положение объекта «российская молодежь – самый активный субъект отечественного политического процесса» (-1,98; 0,15) повторяет прежнее решение, порядок позиций иных точек заметно различается. Для Екатеринбурга характерна их локализация на положительном полюсе первой шкалы (рис. 2).

Анализ последней дистантной модели позволяет говорить о том, что студенты Екатеринбурга более склонны определять гражданскую позицию российской молодежи в терминах инсайдерства, чем исключенности из сети политических отношений, пассионарности, чем пассивности. Выделяются лица, в ответах которых прослеживается притязание на гражданскую самодостаточность. В то же время часть тех, кто отдает приоритет модели потребления и кто исходит из презумпции молодежного политического активизма, оценивает собственный потенциал вне связей с агентами взрослого мира как недостаточный для достижения политических целей.

Итак, проведенное исследование позволяет обнаружить зависимость между уровнем протестной политической компетенции студенчества Салехарда и Екатеринбурга и осознанием его представителями собственной политической субъектности, предопределяющей оппозиционную активность. Значительная осведомленность екатеринбургских студентов о функционировании в режимах off- и online протестной сети как средства мобилизации с целью лоббирования молодежных интересов выступает фактором оценивания себя в качестве группы давления, с мнением которой истеблишмент

Рис. 2. Конфигурация позиций студентов Екатеринбурга относительно собственной политической субъектности

Отрицательный полюс второй шкалы оказался представленным переменной «российская молодежь не интересуется политикой, для нее важнее проблемы экономического благополучия». В оформлении положительного полюса приняли участие остальные объекты, указывающие на молодежную политическую мобильность.

вынужден считаться. В отношении большинства салехардских студентов корректен тезис о политическом безразличии и апассионарности. Следовательно, зоной риска с высокими показателями протестного студенческого потенциала в данном кроссрегиональном сравнении на сегодняшний день выступает столица Уральского федерального округа.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЯМ ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ

УДК 303.01

К.О. КВЯТКОВСКИЙ, О.Ф. РУСАКОВА

Политическая блогосфера в последние годы привлекает к себе все больше внимания со стороны исследователей и практикующих политиков. И если последние используют блоги, преимущественно интуитивно угадывая социально-политические последствия такого вида активности, то от ученых требуется взвешенный и объективный взгляд на этот феномен. Одна из ключевых проблем, которую должен решить исследователь в первую очередь, касается выбора методологического подхода к изучению своего предмета.

Метатеорией исследования дискурса политической блогосферы выступает мультидисциплинарная теория медиадискурса, получившая свое развитие в работах Нормана Фэркло, Тьон Ван Дейка, Лили Чоулиораки [14, 13, 12]. Под медиадискурсом обычно подразумевается медийно сформатированная репрезентация текстов, коммуникативных событий или образов, которые транслируют ту или иную смысловую интерпретацию представляемых журналистами феноменов реальности. В том случае, когда речь идет о политическом медиадискурсе, имеется в виду не просто медийное освещение того или иного политического дискурса (официального, оппозиционного, протестного, гражданского, партийного и т.д.), а медийные способы его интерпретации и репрезентации, включая методы имиджирования [3] и манипулятивные медиатехнологии (установка повестки дня, прайминг, фрейминг и др.). В связи с пониманием важной роли СМИ в медийном конструировании политических событий внимание исследователей все активнее начинает сосредоточиваться на таких вопросах, как медиалегитимация власти и изучение дискурсивных стратегий медиаполитики [5]. Объектами специальных исследований все чаще оказываются процессы медиатизации политики и властные функции медиадискурса [6].

В числе основных функций политического медиадискурса можно выделить следующие:

– оценочная фильтрация и отбор фактов политической жизни с позиции определенной модели информационно-политических предпочтений;

– иерархическое структурирование отодранной информации по шкалам актуальности, социальной значимости и психологического эффекта;

– дизайн политической медиареальности, расставление смысловых акцентов, подключение визуальных и звуковых эффектов в целях создания убедительной виртуальной картинки;

– медийное культивирование политической мифологии;

– осуществление интерактивного обсуждения политических событий в информационном пространстве;

– продвижение медиапродуктов в информационном поле в борьбе с альтернативными медиадискурсами.

Основной же задачей политического медиадискурса является достижение и утверждение своей доминантной позиции в высококонкурентном политико-информационном пространстве.

В последнее время заметно усилилось внимание исследователей к так называемым «новым СМИ» и «новым медиа», в которых применяются сетевые и цифровые технологии. Дискурс-интернет как новый медиадискурс все чаще оказывается в поле зрения теоретических и эмпирических исследований [4]. В дискурсе-интернете, как правило, выделяются такие его особые черты, как мультимедийность, жанровый микс, высокая интерактивность, гиперконтекстуальность. Отмечается также, что Интернет обладает более высоким уровнем актуализации и информативности, чем ТВ и печатные СМИ.

В современных филологических и лингвистических исследованиях наибольшее внимание уделяется новостному интернет-дискурсу, источником которого выступают сайты специализированных информационных агентств и электронных СМИ. Блогосфера как особый источник политической

информации, альтернативный СМИ только в последнее время становится предметом дискурсивного анализа.

Исследования дискурса политической блогосферы на сегодняшний день выполняются в рамках нескольких методологических подходов. Во-первых, это критический дискурс-анализ, который обращает внимание на язык политических блогов и символическую борьбу. Во-вторых, структурно-функциональный подход, который рассматривает дискурс политических блогов в качестве одного из структурных элементов политической коммуникации в целом, выполняющего специфические функции. В-третьих, компаративный подход, в котором объектом сравнения выступают дискурсы блогов политических сил и деятелей. В дополнение к сравнительным исследованиям и в развитие структурно-функционального подхода могут использоваться конструктивистская методология и теоретическое моделирование. Цель данной статьи — обозначить основные методологические подходы к изучению политической блогосферы и рассмотреть ту эвристическую ценность, которую они представляют для исследователя.

Критический дискурс-анализ. Популяризация сетевых дневников в конце 1990-х на Западе и в начале 2000-х в России способствовала формированию нового поля политического дискурса. Существенное число социально активных индивидов посредством цифровых технологий получило возможность заявить о себе, продемонстрировать свой частный «информационный продукт» широкой аудитории. Возникли новые формы дискурса и способы выражения публично ориентированного мнения, но производство общественно значимых смыслов осталось уделом узкой группы профессионалов.

В политической науке существуют различные подходы к пониманию дискурса. Применительно к анализу политической блогосферы наиболее продуктивной представляется интерпретация дискурсов с позиции коммуникативно-семиотической парадигмы, которая рассматривает их «как способы означивания феноменов реальности, благодаря которым формируются позиции и мнения в общественном коммуникативном пространстве, на основе которых осуществляется конкурентная борьба между различными точками зрения и подходами к пониманию действительности» [7, с. 5].

Значимым параметром дискурса является интертекстуальность — связь действия, которое происходит в настоящий момент (монолога, диалога, спора) с прошлым, внешней средой дискурса, окружением говорящего. Исследование интертекстуальности дискурса политической блогосферы является важным элементом критического дискурс-анализа.

Главная задача критического дискурс-анализа — выявление связи между политическим и лингвистическим поведением говорящего. Дискурс-анализ нацелен на анализ стратегий поведения субъектов в процессе борьбы за власть, а применительно к анализу политической блогосферы — за символическую власть. Как отмечают О.Ф. Русакова, Д.А. Максимов, «лингвистические и визуальные ресурсы текста следует рассматривать как взаимосвязанные индикаторы борьбы дискурсов за установление режима правды» [8, с. 31]. Примером такого жесткого вытеснения одних смыслов и навязывания других, которые претендуют на статус истинных, может служить знаменитый пост А. Навального о коррупции в нефтяной отрасли [2].

Почему именно символическая власть является объектом борьбы в медийном пространстве? Вероятно, причиной является то, что политическая блогосфера рассматривается большинством субъектов политики именно как среда передачи информации, как репрезентативное поле, в котором субъекты политики пытаются сконструировать идеальный имидж, который должен помочь им в борьбе за власть и влияние в «офлайне». Каждый участник дискуссии стремится получить общественное одобрение и соответствовать принятой в данной среде системе ценностей. Однако при этом блогосфера не становится главной политической ареной, не подменяет действующие политические структуры в том, что касается распределения несимволической власти.

Примерами отечественных работ в рамках дискурс-анализа могут послужить исследования Н.Э. Гронской [1], затрагивающие проблематику противоречивости сосуществования языков в интернет-пространстве. С одной стороны, утверждает автор, противоречивость языков в Интернете порождает конфликтные ситуации, вызванные постоянным перераспределением сфер коммуникативных практик. С другой стороны, наличие множества языков в виртуальном пространстве способствует установлению между ними отно-

шений «взаимной дистрибуции» (дополнительности). Язык, будучи зафиксирован в Интернете, превращается в устойчивую и готовую к действию коммуникативную систему.

Дискурсивно-аналитический подход несет в себе огромный эвристический потенциал в том случае, если исследователь сумеет преодолеть некоторые недостатки данной методологии. Необходимо учитывать, что ученый невольно оказывается включенным в изучаемый дискурс, и его собственная система смыслов может оказать значительное влияние на интерпретативный процесс. В итоге в поисках явных и неявных значений, которые создает тот или иной участник блогосферы, неопытный исследователь может «найти» вместо истины самого себя.

Структурно-функциональный подход рассматривает дискурс блогов как элемент политической коммуникации со специфическими функциями. Хотя дискурс политической блогосферы может анализироваться как относительно автономный, тем не менее, он органически связан с другими политическими дискурсами. Черпая некоторые сюжеты и смыслы из текстов (в широком значении) СМИ, официальных властей, оппозиции и др., перерабатывая их и производя новые, политическая блогосфера сама становится источником смыслов для других элементов коммуникации. Специфичной политической блогосферы как дискурсивной среды, с одной стороны, является более молодой возраст участников и более высокий образовательный уровень (по сравнению с аудиторией СМИ) и, с другой стороны, отсутствие формальных барьеров для участия в производстве и потреблении смыслов данного пространства (открытость блогосферы).

Заслуживающей внимания в рамках структурно-функционального подхода является концепция медиаинститутов, обладающих новым типом власти — власти образов. В этой связи можно говорить о появлении новой политической культуры, рассматриваемой в качестве объекта исследования [10]. В качестве элемента системы медиаинститутов могут рассматриваться политические блоги.

Сравнительные исследования имеют своей целью обнаружение сходств и различий между явлениями или их классами для проверки гипотез о случайности или закономерности отношений между ними. Данный подход достаточно часто исполь-

зуется при анализе дискурсов, возникающих в политическом пространстве блогосферы. Приведем два примера подобных работ.

Бауэрс (Bowers) и Столер (Stoler) в своей работе «The emergence of the progressive blogosphere» [11] анализируют стратегии поведения в блогосфере двух политических сил: консерваторов и прогрессистов. Принципиальное отличие между двумя стратегиями заключается в том, что консерваторы пытаются воспроизвести в виртуальном пространстве тот дискурс, который они выработали в пространстве реальном. В отличие от консерваторов прогрессивные активисты не опираются на те системы смыслов и отношений, которые сформированы «офлайн». Они, напротив, участвуют в формировании новых социальных институтов, групп, в воспитании лидеров и таким образом формируют новую систему социальных связей. Такая стратегия позволяет активно участвовать в процессе коммуникации всем заинтересованным политическим силам и формирует среду открытого диалога между сетевыми сообществами.

В статье «Cross-ideological discussions among conservative and liberal bloggers» [15] Харгитай (Hargittai), Гало (Gallo) и Кейн (Kane) представили результаты своего исследования особенностей политической «он-лайн»-коммуникации между либеральными и консервативными блогерами. Они попытались эмпирически проверить гипотезу, заключающуюся в том, что с развитием информационных технологий и их потенциала для фильтрации контента люди откажутся воспринимать точки зрения, расходящиеся с их идеологической позицией. Авторы количественно и качественно проанализировали ссылки в записях ведущих консервативных и либеральных блогеров и пришли к выводу, что в целом эта гипотеза верна. Блогеры склонны коммуницировать с теми, кто придерживается сходных идеологических позиций, однако этот процесс не ускоряется со временем. Данный феномен, получивший название «кибербалканизация», воспроизводит политическую традицию западных демократий в виртуальном политическом поле: тесные контакты, диспуты внутри сообщества, но крайнее неприятие и неготовность идти на сближение с идеологическим оппонентом.

Компаративный подход может использоваться для сравнения не только коммуникативных стратегий политических пар-

тий, но и политических лидеров, экспертов, аналитиков, политических журналистов и иных субъектов политического процесса. Перспективны и хронополитические, а также кросс-национальные компаративные исследования. Для их осуществления можно дополнять сравнительный подход теоретическим моделированием.

Теоретическое моделирование дискурса политической блогосферы представляет собой построение на основе эмпирически полученных данных теоретических моделей, выступающих аналитическими инструментами для исследования процессов, происходящих внутри коммуникативного пространства. На сегодняшний день дискурс политической блогосферы практически не рассматривается политологами как объект теоретического моделирования, хотя данный подход представляется перспективным.

Одно из возможных направлений — это выделение национальных моделей дискурса политической блогосферы. Каждое государство имеет свою специфику производства и трансляции политических дискурсов, функционирования языка, свой набор общественно значимых смыслов. Кроме того, в мире не преодолено «цифровое неравенство» между странами, и в «информационно бедных» государствах доступ к Интернету остается привилегией высших слоев населения, что закономерно отражается на особенностях политической блогосферы таких обществ. Национальные модели дискурса политической блогосферы также должны отражать коммуникативную активность партий, лидеров, экспертов, обычных граждан в виртуальном пространстве и ряд других параметров. При всей уникальности государств представляется вероятным построение типичных моделей, которые позволяли бы выделять группы похожих стран и исследовать динамику развития их политических дискурсивных пространств.

Другой потенциальный способ построения теоретических моделей основывается, в частности, на результатах эмпирических сравнительных исследований, представленных выше. Как показали данные исследования Харгитая, Гало и Кейна, в британском виртуальном пространстве существует феномен «кибербалканизации» — сегментирование дискурса политической блогосферы, где в рамках отдельных сегментов ведется активная коммуникация, а сами они дистанцированы друг от друга. Таким образом, дискурс блогосферы, хотя и

может рассматриваться как относительно единый (так как порожден политическим процессом одной страны), является фрагментированным. Обратную модель дискурса политической блогосферы можно условно назвать интегративной. Она отражает ситуацию активной коммуникации и обмена смыслами между всеми идеологическими секторами общества, создающую действительно единый дискурс политической блогосферы. Возможно выделение и других теоретических моделей на основании анализа коммуникации различных политических сил в блогосфере. Данные модели представляются полезными аналитическими инструментами для исследования динамики общественных настроений, стратегии партийного поведения и движения к социальному консенсусу внутри государства.

Конструктивистский подход. Актуальной методологической парадигмой для исследования дискурса политической блогосферы является конструктивизм, возникший в результате развития и углубления структурно-функционального подхода. Одной из предпосылок, лежащих в основе конструктивизма, является утверждение о том, что «в процессе коммуникации люди обмениваются идеями и формируют совместное знание, лежащее в основании консенсуса о ценностях» [9, с. 119]. Эти ценностные блоки и являются конститутивными для окружающей реальности, то есть непосредственно определяют модели поведения индивидов.

Конструктивизм отталкивается от мысли о том, что политические и общественные отношения являются конструктами (идеями, смыслами), которые формируются в процессе коммуникации. В этой связи дискурс политической блогосферы можно рассматривать как поле, где некоторые идеи, поддерживаемые большинством, влияют на общественное сознание за пределами сети Интернет. Например, российская политическая блогосфера демонстрирует все более нетерпимое отношение к коррупции, при этом мы можем наблюдать случаи, когда активность блогеров имеет реальные последствия для коррупционеров. Такие факты подтверждают действительное влияние дискурса блогосферы на систему ценностей российского общества.

С другой стороны, политическая блогосфера сама может считаться конструктом, результатом постмодернистской игры, когда воображаемые, виртуальные

коммуникативные площадки сосуществуют наряду с традиционными. Скептические оценки коммуникативного потенциала политической блогосферы, ее возможностей способствовать политическим изменениям и продуцированию новых идей также распространены в отечественной и зарубежной политической науке.

Таким образом, дискурс политической блогосферы представляет собой интересный объект для научного исследования, к которому применимы разнообразные

методологические подходы. Значимые результаты способны дать исследования, выполненные в рамках одного подхода (это подтверждают приведенные в статье примеры), так и их сочетание. Взаимодополняющими могут стать компаративный подход и теоретическое моделирование, структурно-функциональный и конструктивистский, возможны иные сочетания. Выбор методологического подхода в любом случае определяется теми целями, которые ставит перед собой исследователь.

1. Гронская, Н.Э. Виртуальное пространство языковой политики: конфликтность лингвистического существования [Текст] / Н.Э. Гронская // Политические исследования. — 2004. — № 6. — С. 62–69.
2. Как пилят в «Транснефти» // Финальная битва между добром и нейтралитетом [Блог А. Навального]. — Режим доступа: <http://navalny.livejournal.com/526563.html> (дата обращения: 25.06.2011 г.).
3. Киуру, К.В. Имиджевый политический медиатекст: система жанров и дискурсивный анализ [Текст] / К.В. Киуру. — СПб.: Роза мира, 2007. — 260 с.
4. Ковальчукова, М.А. Новостной анонс в сети Интернет как речевой жанр дискурса СМИ [Текст] / М.А. Ковальчукова. — Автореф. дис... канд.филол. наук. — Ижевск, 2009. — 26 с.
5. Пономарев, Н.Ф. Стратегии и технологии медиалегитимации власти [Текст] Н.Ф. Пономарев. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. — 191 с.
6. Русакова, О.Ф. Политическая власть медиадискурса [Текст] / О.Ф. Русакова // Современные информационно-психологические войны в политическом пространстве России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции и «круглого стола» (с международным участием). Екатеринбург, 13–16 сентября 2010. Урал. гос. пед. ун-т; гл. ред. Игошев Б.М. — Екатеринбург, 2010. — С. 145 – 153.
7. Русакова, О.Ф. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ [Текст] / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. — Екатеринбург: УрО РАН, Институт международных связей, 2008. — 340 с.
8. Русакова, О.Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса [Текст] / О.Ф. Русакова, Д.А. Максимов // Политические исследования. — 2006. — №4. — С. 26–44.
9. Сморгунов, Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значит ли что-либо идеи для объяснения политики? [Текст] / Л.В. Сморгунов // Политические исследования. — 2009. — № 1. — С. 118–130.
10. Соловьев, А.И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики [Текст] / А.И. Соловьев // Политические исследования. — 2002. — № 6. — С. 6–17.
11. Bowers, Ch. Emergence of the progressive blogosphere: a new force in American politics [Электронный ресурс] / Ch. Bowers, M. Stoler. — Режим доступа: http://www.newpolitics.net/node/87?full_report=1 (дата обращения: 25.06.2011 г.).
12. Chouliaraki, L. Media Discourse and Public Sphere [Text] / L. Chouliaraki // Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance. — Palgrave Macmillan Ltd, 2005.
13. Dijk, T.A. Handbook of Discourse Analysis [Text] / T.A. Dijk. — Vol. 1. Disciplines of Discourse. Academic Press, 1985.
14. Fairclough, Norman. Media Discourse [Text] / Norman Fairclough. — London: Edward Arnold, 1995. 224 p.
15. Hargittai, E. Cross-ideological discussions among conservative and liberal bloggers [Text] / E. Hargittai, J. Gallo, M. Kane // Public Choice. — 2008. — P. 67–86.

ПАНТЮРКИЗМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 327.39

С.А. ВАСИЛЬЕВА

В последнее время тема пантюркизма все реже упоминается как в научной сфере, так и в публицистике. Действительно, по сравнению с активной пантюркистской деятельностью Турции в 1990-е гг. сейчас мы наблюдаем период снижения интереса к этому вопросу. Некоторые авторы объясняют это поведением новых тюркских государств, которые, принимая материальную помощь от Анкары, не желают какой-либо политической интеграции с ней. Другие считают, что внешнеполитическая ориентация Турции изменилась в связи с приходом к власти умеренно-исламистской Партии справедливости и развития.

Однако, если обратиться к событиям, столь мало освещаемым СМИ нашей страны, то станет очевидно, что сторонники пантюркизма активно продолжают свою деятельность. С 1991 г. свои функции активно осуществляет Всемирная ассамблея тюркских народов, на последнем форуме которой в 2007 г. было принято решение о создании общетюркского языка и рассматривались проекты экономической и политической интеграции тюркских стран. Также эти вопросы обсуждаются и на высшем государственном уровне в рамках международных тюркских курултаев и Содружества тюркских государств, которое в 2009 г. создало свой орган — Тюркский совет. Значительным шагом вперед в этом вопросе стало подписание в 2008 г. соглашения о создании Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран. В деятельности всех перечисленных организаций принимают активное участие представители тюркских народов России, Украины, Китая. Более того, даже правительства независимых тюркских государств видят в пантюркизме угрозу своему суверенитету. Так, например, в Узбекистане в феврале 2010 г. была арестована группа последователей религиозного движения «Нур», занимающегося распространением панисламистских и пантюркистских идей. Все задержанные ранее обучались в узбекско-турецких лицеях, большинство из которых сейчас закрыты [8]. Все это ярко демонстрирует, что проблема отнюдь не исчезла, а угроза для независимости и тер-

риториальной целостности стран региона остаётся.

Турецкие амбиции сегодня распространяются на важнейшие регионы Евразии: Балканы, район Черного и Эгейского морей, Восточное Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, Кавказ, Крым, Поволжье, часть Урала, юг Сибири, Центральную Азию и Восточный Туркестан (Синьцзян). В книге «Турция и пантюркизм» отмечается: «Скрытая цель пантюркистов — создать единое государство, в которое вошли бы разрозненные ныне тюркские народности. Под чьей же рукой должно объединиться это новое огромное государство? Конечно... Турции» [4].

Однако, чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо прежде всего обратиться к понятию «пантюркизм» и точно обозначить основные позиции этой идеологии. Пантюркизм — это идейно-политическое течение, в основу которого положена мысль об объединении тюркских народов и создании государства Великий Туран. Здесь, однако, необходимо отметить, что один из основоположников доктрины крымско-татарский просветитель Исмаил Гаспринский (Гаспралы), понимал пантюркизм как культурное движение, нацеленное на достижение большей степени единства между тюркскими народами во всем мире. Для этого он разработал единый тюркский язык (на основе упрощённого турецкого языка с элементами татарского языка) и призывал тюркскую интеллигенцию приложить все силы для сохранения культурной самобытности тюркских народов. Однако в скором времени идеи Гаспринского были перенесены в политическую сферу и стали применяться для объяснения действий сначала Османской империи, а затем и Турецкой Республики на Кавказе и в Центральной Азии.

Одной из важнейших фигур в истории развития пантюркистского движения стал Зия Гёкальп, который в своих произведениях заложил основы идеологии и выделил основные этапы создания Великого Турана. Первый этап — тюркизм в самой Турции — что означает ассимиляцию или, в случае от-

каза от нее, удаление нетурецких элементов; параллельно с этим — очищение турецкого языка от арабских примесей и приближение его к туранским корням, а также создание турецкой национальной культуры.

Вторым этапом является так называемый огузианизм, т.е. объединение стран, населенных потомками Огуза — Турции и двух Азербайджанов (вторым Азербайджаном пантюркисты называют территорию, расположенную к югу от Аракса, в Иране).

Наконец, что касается других тюркских народностей (татар, киргизов, башкир, якутов, алтайцев и др.), то Гёкальпом допускает, что они стремятся к созданию собственных культур. Но все же и они, в конце концов, должны войти в общую «туранскую федерацию» [10].

Эта теория, сформулированная Гёкальпом в книге «Основные принципы тюркизма» в 1923 году, во многом объясняет позицию Мустафы Кемалю Ататюрка, первого президента Турецкой Республики, провозгласившего базовым положением внешней политики своего государства «Мир в стране, мир во всём мире», подразумевающая под этим невмешательство в дела других государств. Все силы Ататюрк направил на создание турецкой нации и усиление мощи национального турецкого государства, что полностью соответствует первому этапу написанного Гёкальпом плана создания Великого Турана.

Но первый этап, о котором идёт речь, по мнению современных пантюркистов, завершился, и настала пора переходить к более активным действиям по объединению тюркских народов. Распад Советского Союза и создание новых независимых тюркских государств стали стимулом для активизации деятельности пантюркистов не только на Кавказе и в Центральной Азии, но и территориях с преимущественно тюркским населением, входящих в состав других государств (России, Китая, Ирана и др.). Следует отметить несколько особенностей деятельности пантюркистов в этот период. Во-первых, пантюркистские идеи были, наконец, институционально и законодательно закреплены в результате создания Агентства по тюркскому сотрудничеству и развитию (ТИКА) при Министерстве иностранных дел Турции.

При этом официальная власть Турции отрицает всякую свою причастность к реализации пантюркистских планов в своей внешней политике. Единственная политическая структура в стране, официально подтверждающая свои пантюркистские взгляды, — Партия националистического

действия, неизменно имеющая большое число сторонников. Так, на парламентских выборах 1999 г. ПНД получила почти 18% голосов избирателей, в 2002 г. — около 8,5% (худший показатель за последние 10 лет), в 2007 г. снова вошла в парламент, набрав свыше 14% голосов, а в 2011 г. — 13% (что в абсолютных числах превышает 5,5 млн чел.).

Следующая особенность указанного периода — формирование общественного мнения собственного населения Турции и тюркских народов стран СНГ в националистическом ключе, создание протурецкого лобби за рубежом, поддержание различных периодических и академических изданий, трактующих историю мира и России в пантюркистском духе. Одним из самых известных произведений стала книга Мурада Аджи «Европа, тюрки, Великая Степь», в которой автор утверждает, что древних славян как оригинальной этнической группы в истории не было, а славяне — это часть тюрков, обособившаяся от них и наименее развитая. Это же касается и немцев, венгров, англичан и некоторых других народов [1, с. 103].

Инструментом реализации турецкой внешней политики стали средства массовой информации. В регионах транслируется турецкое телевидение, распространяются книги, журналы, другого рода издания националистического содержания.

Однако деятельность пантюркистов не ограничивается лишь независимыми тюркскими государствами. Значительные средства Турция направляет на налаживание отношений с тюркскими народами в составе Российской Федерации.

При этом современный пантюркизм, в отличие от акций начала XX века, продолжает использовать исключительно мирные методы, в первую очередь экономическую и культурную экспансию, что, однако, не означает отсутствия политической подоплеки. Показательными в этом плане являются слова Сабирджана Бадретдина, опубликованные в «Татарской газете»: «Важно сменить имидж пантюркизма в мир, ... избавиться от представления пантюркизма как инструмента политических амбиций Анкары. По крайней мере в ближайшее время движение должно сконцентрироваться на языке, культуре и правах человека» [3, с. 2].

Видимо, на территории России пантюркизм внедряется именно по этой программе. Полную непричастность к политике, невмешательство во внутренние дела России и самые благородные цели декларируют дей-

ствующие на территории тюркских республик Российской Федерации турецкие общественные организации: фонд «Толеранс», организация «Серхат», образовательный фонд «Уфук» и многие другие, контролируемые и спонсируемые религиозным объединением «Нурджулар». Их представители рассуждают о необходимости освободиться от «последствий колониализма» [5, с. 12] в Татарстане, Башкирии, Чувашии, пропагандируют переход на латинский алфавит для языков российских тюрков, за отказ от русского языка в образовательном процессе в этих республиках. При этом А.Сваранц утверждает, что все эти организации действуют под строгим контролем и руководством турецких спецслужб [7, с. 32].

Отдельную роль в распространении пантюркистских идей играют турецкие учебные заведения, лица на территории всех тюркских республик. Сейчас на территории России функционирует более 30 лицеев, колледжей, школ, финансируемых экстремистской турецкой сектой «Нурджулар». В странах СНГ развернуто порядка 200 учебных заведений, которые контролируются сектой.

Обучение во всех этих турецких школах проводится в ярко выраженном пантюркистском духе. В доказательство достаточно привести несколько строк из учебника истории, по которому обучаются дети в этих школах: «...Жить в бесконечной борьбе не на жизнь, а на смерть — качества, присущие далеко не всем нациям, а вот у тюрков они видны невооруженным глазом. Поэтому и была поставлена цель взять весь мир под спокойную и надежную гегемонию тюркского племени... Согласно современным историкам тюрки, научившись управлять стадами скота, навыки эти перенесли на людей, заложив основу современной цивилизации» [6, с. 3]. Также в качестве учебного пособия используется изданная на многих языках воображаемая карта будущего великого «тюркского мира».

Подобные учебные заведения на территории России неоднократно закрывались, но вскоре вновь возникали в другом городе или области. Преподавателям и руководителям школ периодически запрещается въезд на территорию России на основании того, что они занимаются «деятельностью, выходящей за рамки функциональных обязанностей преподавателей лицей» [2, с. 15], т.е. шпионажем.

Турция играет немалую роль и в работе Ассамблеи тюркских народов (АТН), учрежденной в 1991 году в Казани и бази-

рующейся в настоящее время в Казахстане. АТН регулярно проводит встречи в столицах тюркских государств и состав ее членом представляет большинство тюркских наций и этнических групп в мире. Кроме того, турецкий след явно просматривался в отдельных акциях, проводимых боевиками во время первой и второй чеченских войн.

Однако на сегодняшний день мы всё же можем с уверенностью констатировать, что пантюркистская политика Турции на Кавказе и в Центральной Азии потерпела поражение, одной из основных причин которого стало нежелание новых независимых государств отказываться от только что приобретенного суверенитета и переходить из-под опеки одного «старшего брата» (России) к другому (Турции).

Поэтому турецкие пантюркисты обращают своё внимание на ещё одну «проблемную» тюркскую территорию — Синьцзян-Уйгурский автономный район, не отказываясь, впрочем, от ранее поставленных целей на территории бывшего СССР.

Особенность ситуации, сложившейся в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, заключается в том, что, с одной стороны, этот регион входит в состав одного из самых мощных государств современности, а с другой стороны, является тем самым фактором, который может разрушить хорошо налаженную государственную машину Китая. Так, на фоне свыше миллиарда ханьцев, проживающих в Китае, 8 миллионов уйгуров выглядят совершенно незначительно, но при этом за более чем двухтысячелетнюю историю соседствования ханьцы так и не сумели ассимилировать их или хотя бы снизить уровень сепаратистских настроений среди уйгуров. Не смогла этому помочь и коммунистическая идеология, внедрённая в Китае с 1949 года. На протяжении всего XX века в Восточном Туркестане (как его именуют пантюркисты) периодически возникали народные волнения, которые превращались в столкновения с китайским правительством.

Особенное внимание Пекин стал уделять уйгурам после распада СССР и возникновения независимых центральноазиатских республик, когда в регионе заметно активизировали свою деятельность пантюркисты. Осознавая угрозу усиления пантюркистских настроений, пекинское правительство начинает проводить политику постепенной ассимиляции уйгурского населения, главным элементом которой стало переселение ханьцев в Синьцзян-Уйгурский автономный район, расселение уйгуров по другим про-

винциям Китая и поощрение смешанных браков.

Однако и уйгурская оппозиция с этого времени стала действовать более грамотно и организованно (во многом благодаря помощи Турции и других государств). Так, в 1992 году в Стамбуле была создана первая уйгурская организация, получившая название Национальный конгресс Восточного Туркестана. Спустя шесть лет в декабре 1998 года, также в Стамбуле, эта организация была переименована в Восточно-Туркестанский Национальный Центр (ВТНЦ). Изначально штаб-квартира ВТНЦ была в Турции, но под давлением Китая центр перебазировался в Мюнхен. 16 апреля 2004 года ВТНЦ был преобразован во Всемирный Уйгурский Конгресс, объединив все группы изгнанных уйгуров.

Идеологической базой Всемирного Уйгурского Конгресса является уйгурский национализм и пантюркизм, однако Конгресс выступает не за получение независимости района, а ставит целью достижение подлинной автономии СУАР в рамках КНР. Лидеры Конгресса заявляют, что принципиально придерживаются ненасильственных методов борьбы, с чем, однако, категорически не согласно китайское руководство, обвинившее Всемирный Уйгурский Конгресс в развязывании конфликта между уйгурами и ханьцами в июле 2009 года.

В 2008–2009 годах ситуация в Синьцзяне резко обострилась: летом 2008 года происходили столкновения митингующих уйгуров с полицией, взрывы в общественном транспорте и избития ханьцев, а в

2009 году волнения в г. Урумчи привели к огромным жертвам (около 200 погибших, свыше 1500 раненых и 30 приговорённых к смертной казни). Пекин смог «успокоить» уйгуров только путём ввода в город свыше тысячи военных и полной изоляции района от внешнего мира (отключения сотовой связи и Интернета).

Возникшая угроза политической стабильности Китая позволила чётко увидеть расстановку политических сил в регионе. Пекин обвинил в эскалации конфликта «внешние силы», подразумевая под этим как организации, так и отдельные страны. В свою очередь премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган назвал происходящее в Восточном Туркестане «геноцидом» [9]. Позицию Китая поддержали союзники по ШОС и, в первую очередь, Россия, также обеспокоенная усилением тюркского сепаратизма в регионе.

Таким образом, пантюркизм сегодня продолжает оставаться значимым явлением для политической жизни огромного региона. Несмотря на преграды, с которыми столкнулись пантюркисты при налаживании отношений с новыми независимыми тюркскими странами, активная деятельность в этом направлении продолжается. Причем субъектами этой деятельности выступают не только отдельные тюркские организации, но и руководство Турции (хотя и не заявляет об этом открыто). Поэтому для России, Китая и Украины пантюркизм продолжает оставаться угрозой целостности государства, а для тюркских государств Кавказа и Центральной Азии – угрозой суверенитету.

1. Аджи, М. Европа. Тюрки. Великая Степь [Текст] / М. Аджи. — М., 1998.
2. Амелина, Я. «Пятая колонна» Турции [Текст] / Я. Амелина // Русский дом. — 2004. — №7.
3. Сабирджан, Б. Пантюркизм: прошлое, настоящее и будущее [Текст] / Б. Сабирджан // Татарская газета. — 2000. — №№ 3–4.
4. Зареванд. Турция и пантюркизм [Электронный ресурс] / Зареванд // Третья эра. — 2001. — №5. — Режим доступа: <http://www.kitabxana.org/site/?name=view&page=1&id=382> (дата обращения 25.03.2008).
5. Котошихин, Г. Призрак Великого Турана (Есть ли в Приволжье пантюркизм?) [Текст] / Г. Котошихин // Век. — 2002. — №№ 1–2.
6. Метелева, С. Аллах с нами [Текст] / С. Метелева // Московский комсомолец. — 2002. — № 275.
7. Сваранц, А. Пантюркизм во внешнеполитической стратегии Турции в 90-х годах [Текст] / А. Сваранц // Армянский вестник. — 2000. — №№ 1–2.
8. Строители тюркского государства «от Сибири до Балкан» получили сроки. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2009/02/17/uz/> (дата обращения 06.03.2010).
9. Шакур, А. Восточный Туркестан: независимость не исключена? Россию пугает «призрак пантюркизма» [Электронный ресурс] / А. Шакур. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1247689800> (дата обращения 06.03.2010).
10. Gökalp, Ziya. Türkçülüğün Esasları [Электронный ресурс] / Z. Gökalp. — URL: <http://www.iskenderiyekutuphanesi.com/2009/10/ziya-gokalp-turkculugun-esaslari/#comments> (дата обращения 23.03.2008).

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРОЦЕДУРЫ НЕГЛАСНОГО НАДЗОРА И НАБЛЮДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПОЛИЦЕЙСКОМ ПРАВЕ 80-х — 90-х гг. XIX в.

УДК 340.15

Н.И. БИЮШКИНА

К числу подзаконных нормативно-правовых актов, изданных МВД с целью уточнения, конкретизации Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. [6, ст. 350], относится Положение «О негласном надзоре» от 1 марта 1882 г. [9, л. 19].

Практически одновременно с Положением «О полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 марта 1882 г. [4, ст. 730] вводится и единое нормативное регулирование негласного полицейского надзора, который, как и гласный, регламентировался до этого такими подзаконными нормативно-правовыми актами, как разновременные ведомственные инструкции и циркуляры МВД [11, л. 12; 12, л. 3, 3 (об.), 4, 4 (об.)]. Однако, в отличие от гласного, этот вид полицейского надзора не вышел за рамки ведомственного правотворчества — Положение о негласном надзоре было разработано Департаментом государственной полиции и утверждено министром внутренних дел 1 марта 1882 г. [9, л. 19], введено в действие циркуляром МВД № 1365 от 9 апреля 1882 г. [9, л. 18].

Исследователи полицейского права подробно не останавливались на теоретико-правовом анализе негласного полицейского надзора, ограничиваясь лишь некоторыми упоминаниями о его существовании на тот момент. Так, Н.Н. Белявский писал, что негласный надзор «не нормируется никаким законом и зависит от дискреционной власти администрации» [1, с. 96]. В.М. Гессен определял негласный надзор как самую неопределенную особую форму полицейского надзора [3, с. 44]. И.Т. Тарасов обращал внимание, что, кроме указания в ст. 539 тома II части 1 Свода законов [4, ст. 314] (губернатор, поручая

полиции негласный надзор, должен объяснить и пределы этого надзора, дабы он не превратился в стеснительные для обывателей и бесполезные для порядка меры), «никаких других ближайших пояснений, в чем должен заключаться этот надзор, в каких случаях он устанавливается и каким именно органам полиции он поручается, нет в законодательстве» [7, с. 300]. Объясняется данное обстоятельство специальным секретным характером процедуры негласного наблюдения за политически неблагонадежными лицами, цель которой могла быть достигнута именно при соблюдении тайны надзора. Поэтому Положение не было опубликовано в каких-либо официальных законодательных сводах. Текст его был распространен в рамках системы МВД — министр внутренних дел направлял соответствующие циркуляры губернаторам (генерал-губернаторам). Помимо общей секретности, другой любопытной особенностью его введения в действие был тот факт, что оно распространялось не одновременно по всей империи, а по мере получения циркуляра № 1365 соответствующим подразделением МВД каждой местности с определенными в нем указаниями. Отсюда видно, что изучаемый документ, имея все признаки общероссийского подзаконного нормативного правового акта, в то же время отличался локальностью правоприменения. Впоследствии серьезные дополнения в Положение «О негласном надзоре» были внесены циркуляром Департамента полиции МВД № 4113 от 1 декабря 1889 г. [12, л. 3, 3 (об.), 4, 4 (об.)].

В циркуляре МВД «О введении в действие Положения «О негласном надзоре» от 9 апреля 1882 г. отмечалась необходимость более широкого применения такой меры полицейского предупреждения опасных преступлений против государственного

и общественного строя, как негласный полицейский надзор.

Невысокие показатели его результативности на момент разработки рассматриваемого Положения объяснялись, на наш взгляд, отсутствием подробной регламентации процедуры контроля за подозреваемыми лицами. Он ограничивался лишь внесением поднадзорного в соответствующие списки, не предполагая каких-либо конкретных мер наблюдения.

Помимо этого, существовала также неопределенность в разграничении компетенции различных уполномоченных на то органов власти: полиция и жандармерия зачастую дублировали функции негласного надзора, что снижало эффективность их деятельности. В целях устранения указанных недостатков существовавшей системы ведения негласного надзора, а также обеспечения возможности «более удобного собирания сведений о поднадзорном», соблюдения принципов его действительности и непрерывности, было произведено упорядочение, систематизация и, в определенной части, пересмотр норм Положения «О негласном надзоре» от 1 марта 1882 г.

Негласный (или секретный, как он еще именовался в Положении) полицейский надзор определялся, как мера предупреждения государственных преступлений посредством наблюдения за лицами сомнительной политической благонадежности, осуществляемая способами, исключающими возможность поднадзорному знать о существовании установленного за ним наблюдения (т.е. лицо не могло подвергаться каким-либо ограничениям в свободе передвижения, образе жизни, выборе занятий и т.п.) [12, л. 3, 3 (об.), 4, 4 (об.)]. Поэтому нельзя не согласиться с профессором В.М. Гессеном, который называл негласный полицейский надзор «нормальной формой полицейского наблюдения, не имеющей отнюдь принудительного характера» [3, с. 5]. Таким образом, основное отличие от гласного полицейского надзора, исходя из представленной дефиниции, заключается в тайне осуществления негласного надзора. Отсюда следуют и все особенности процедуры его введения, реализации и прекращения.

Необходимо отметить, что МВД различало понятия «негласный надзор» и «негласное наблюдение». Под последним по-

нималась исключительно розыскная мера, учреждаемая Департаментом полиции или местными властями временно с целью проверки полученных сведений о вредной деятельности определенного лица, его связей, а также обнаружения разыскиваемых лиц, которые по имеющимся указаниям могли войти с ним в контакт. По мере поступления сведений о результатах наблюдения соответствующие жандармские управления доносили Департаменту полиции. К лицам, состоявшим под наблюдением, не применялся порядок регламентации негласного надзора, указанный в Положении от 1 марта 1882 г. [9, л. 3, 3 (об.), 4, 4 (об.)]. В качестве примера практического разграничения указанных терминов можно привести следующий случай. В письме от 20 октября 1881 г. № 948 нижегородский губернатор доводил до сведения полицмейстера, что 19 октября им было разрешено открытие фотографического заведения в Нижнем Новгороде на Покровской улице почетному гражданину Льву Галину и коломенскому мещанину Максиму Дмитриеву. Между тем, имелись сведения, что Лев Галин знаком с лицами, привлекавшимися к делам политического характера, как например: мещанином Лазаревым, сыном свободного художника Карелиным и др. Обращая на эти сведения особое внимание, губернатор предлагал установить за Галиным бдительное, но негласное наблюдение, и обо всем доносить ему лично. При этом указывалось, что потомственный почетный гражданин Лев Галин не состоял в числе поднадзорных лиц. Соответственно названное поручение не давало оснований зачислять Галина в разряд поднадзорных. В противном случае было бы издано особое распоряжение губернатора в порядке, указанном в высочайше утвержденном 1 марта 1882 г. Положении «О негласном полицейском надзоре» [10, л. 1, 1 (об.), 2].

Негласное наблюдение практиковалось, как правило, в качестве первоначальной меры выяснения политической благонадежности подозрительного лица, в случае подтверждения вызванных подозрений за ним устанавливался уже негласный надзор. Например, в письменных указаниях нижегородского губернатора нижегородскому полицмейстеру от 7 сентября 1884 г. предписывалось «по встретившейся надобности...доставить...сведения о нрав-

ственных качествах и политической благонадежности кончившего курсы в Нижегородской Духовной Семинарии священнического сына Ивана Голубева» [10, л. 239, 239 (об.)]. Исполнение данного поручения путем производства негласных расспросов, а также дознания об определенных качествах интересующего лица, было поручено помощнику пристава, заведовавшему частью, в которой проживал И. Голубев. По результатам проведенной проверки он отрапортовал: «И. Голубев окончил курс в Нижегородской Семинарии в 1873 г., в настоящее время находится учителем в г. Ардатове Нижегородской губернии и живет там, во время каникул... пребывает у отца своего священника в селе Константинове Нижегородского уезда, во время проживания в Н.Новгороде в дурных нравственных качествах и политической неблагонадежности замечен не был» [10, л. 241]. В архивном деле «о политической благонадежности П.С. Селезнева» представлена переписка нижегородского губернатора по поводу проверки нравственных качеств и политической благонадежности кандидата Санкт-Петербургского университета П.С. Селезнева, проживавшего в городе Н.Новгород, на Варварке в д. № 27. Ответственный за ту часть города, в которой проживал П.С. Селезнев, пристав доложил, что за время проживания по вверенной ему части П.С. Селезнева «...под судом и следствием не состоял и не состоит, поведения хорошего, ни в чем предосудительного и в политической неблагонадежности замечен не был» [10, л. 2, 2 (об.), 3, 3 (об.)].

В целом негласное наблюдение применялось более широко, нежели негласный надзор, как правило, предвзяло его и представляло собой мобильную, оперативную и менее бюрократичную форму установления контроля и надзора полиции над лицами, вызывавшими сомнения в политической благонадежности.

По общему правилу негласный надзор учреждался Департаментом государственной полиции с разрешения министра внутренних дел по ходатайству местного административного начальства или по собственной инициативе Департамента. Однако в отношении ряда категорий субъектов, особо подозрительных в плане политической неблагонадежности, вводился исключительный, упрощенный порядок

установления над ними негласного надзора.

В качестве первого такого исключения из указанного общего порядка установления негласного надзора циркуляр «О введении в действие Положения «О негласном надзоре» № 1365 от 9 апреля 1882 г. выделял случаи введения надзора за бывшими студентами, до окончания курса исключенными администрацией за неоплату обучения или за неодобрительное поведение. В отношении данных категорий надзор мог устанавливаться без получения разрешения министра внутренних дел по усмотрению местной полицейской власти.

Следует отметить, что учащаяся молодежь занимала особое место среди всех категорий лиц, в отношении которых учреждался негласный надзор, поскольку являлась объектом пристального внимания революционных агитаторов. В одном из программных документов «Народной воли» указывалось: «Относительно молодежи — важно поддерживать в ее рядах революционные тенденции, воспитывая молодое поколение в революционном духе...» [2, с. 165].

Циркуляр «О введении в действие Положения «О негласном надзоре» № 1365 от 9 апреля 1882 г. отсылал к ранее изданному циркуляру Департамента государственной полиции МВД № 228 от 18 февраля 1882 г. [9, л. 12]. В этом документе генерал-губернаторам, губернаторам и обер-полицмейстерам предписывалось устанавливать негласное наблюдение за воспитанниками высших учебных заведений, исключенными в течение года за ненадлежащее поведение или невнесение учебной платы с единственной оговоркой, что по циркуляру от 9 апреля 1882 г. эти субъекты подлежали уже не наблюдению, а негласному надзору. Выбор именно этих категорий учащихся объяснялся тем, что «первые из них безусловно не могут считаться благонадежными, а последние, будучи поставлены преждевременным, до окончания образования, исключением в затруднительное положение, впредь до приискания себе определенных занятий и находясь под свежим впечатлением естественного чувства недовольства за принятую в отношении них меру, — легко могут быть увлекаемы политическими агитаторами на путь противуправительственной

деятельности» [9, л. 12]. Подтверждением этого тезиса служит правоприменительная практика МВД, в ходе которой устанавливается негласное наблюдение на основании циркуляра Департамента государственной полиции № 228 от 18 февраля 1882 г. за группой студентов, исключенных из вузов. Из них: 7 человек — не окончивших Варшавский университет, 2 — Харьковский, 1 — институт сельского хозяйства и лесоводства [8, л. 33 (об.)]. А также в циркуляре Департамента полиции № 228 от 18 февраля 1882 г. приводится список воспитанников, исключенных из высших учебных заведений, подлежащих негласному надзору, в количестве 10 человек, 7 из которых исключены за неуплату, 2 — за беспорядки, 1 — за дурное поведение.

Действительно, исторические примеры ухода бывших студентов в антиправительственную оппозицию, представленные в архивах, подтверждают вышеуказанные опасения МВД. Контрольно-надзорными мерами подобного рода власть вынуждена ограждать, защищать законопослушную часть общества, а также сложившиеся политико-правовые основы Российской империи от деструктивных революционно настроенных сил.

Таким образом, проведенный анализ нормативно-правовых актов, регламентировавших контрольно-надзорную деятельность администрации и полиции в Российском государстве в период с марта 1881 г. по 1894 г., убедительно показывает, что своевременно предпринятый правительством комплекс административно-правовых мероприятий по установлению тайного (негласного) надзора за лицами, признанными неблагонадежными (т.е. своими действиями устного или иного характера представляли собой как потенциальную, так и фактическую опасность существующим политико-правовым и социально-экономическим отношениям, сложившимся в Российской империи в пореформенный период), представляется адекватным, оправданным и необходимым ответным действием организационно-правового характера со стороны государства по защите, охране режима законности, правопорядка и общественного порядка. Следует отметить также, что изучаемые меры контрольно-надзорного характера востребованы в любом государстве, их особенности в меньшей степени зависят от той или иной формы правления и даже политического режима.

1. Белявский, Н.Н. Полицейское право (Административное право). Конспект лекций [Текст] / Н.Н. Белявский. — Юрьев, 1910. — 372 с.
2. Богучарский, В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. [Текст] / В.Я. Богучарский. — М.: Русская мысль, 1912. — 483 с.
3. Гессен, В.М. Исключительное положение [Текст] / В.М. Гессен. — СПб.: изд. Юридического книжного склада «Право», 1908. — 410 с.
4. Общее учреждение губернское изд. 1892 г. [Текст] // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. — СПб.: Тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. канц. Ст. 314.
5. Положение «О полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей» от 12 марта 1882 г. // ПСЗРИ. Изд. 3-е. — СПб.: Тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1886. Т. 2. Ст. 730.
6. Положение Комитета Министров «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // ПСЗРИ. Изд. 3-е. — СПб.: Тип. Втор. Отд. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1885. Т. 1. Ст. 350.
7. Тарасов, И.Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Часть 2 [Текст] / И.Т. Тарасов. — Ярославль: тип. Г.В. Фальк, 1886. — 405 с.
8. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 339, оп. 1 д. 27.
9. ЦАНО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 8. Л. 19.
10. ЦАНО. Ф. 342, оп. 1 д. 449.; оп 1 д. 425.; оп. 1 д. 673; оп. 2 д. 14.
11. Циркуляр Департамента государственной полиции МВД №228 от 18 февраля 1882 г. // ЦАНО. Ф. 340. Оп. 2 д.8. Л. 12.
12. Циркуляр Департамента полиции МВД от 1 декабря 1889 г. №4113 // ЦАНО. Ф. 364 оп. 1 д. 122. Л. 3, 3 (об.), 4, 4 (об.).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОРПОРАТИВНОЙ СФЕРЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ

УДК 343.74/98.067

Н.В. БЛАЖЕВИЧ, К.А. СЕРГЕЕВ

Успех противодействия криминально-моу рейдерству уголовно-процессуальными средствами предопределён методологической культурой субъекта, который ведёт раскрытие и расследование таких преступлений. Субъект доказывания познаёт отдельное явление, противоправное с точки зрения общества, но абсолютно единое со всеми остальными процессами социального бытия и развивающееся по диалектическим законам. Как справедливо замечает В.Ю. Яковлев, устанавливая и теоретически объясняя факты, субъект интерпретирует, сообщает дополнительную информацию о социальном контексте производства знания. Но она всегда неизбежно является постулированием фрагментарного, неполного знания. Поэтому субъект познания вынужден «трансцендировать», чтобы снять это противоречие [9, с. 10–11].

Противоправные действия являются частью социальной материи, которая обладает специфическими свойствами. В.Г. Коломацкий подчеркивает, что в фундаменте теории криминалистики лежит естественно-материалистская концепция, в соответствии с которой преступление — это противоправное действие, совершенное субъектом в материальной среде, вызвавшее изменение состояния среды, которое в силу закона всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости явлений в природе и обществе закономерно отражается в результатах этого взаимодействия — в следах [6, с. 74]. Взаимодействие материальных объектов неминуемо отражается в каждом из них. В.Е. Корноухов отмечает, что «процесс отражения — это процесс взаимодействия различных объектов, вовлеченных в совершение преступления, приводящих к передаче энергии, вещества, информации от одного объекта другому или взаимотражению; следы с той или иной степенью адекватности отражают в преобразованном виде механизм совершения преступления; они асимметричны во времени с механиз-

мом совершения преступления; следы содержат разный объем информации о механизме совершения преступления; они в обстановке совершения преступления распределяются случайным образом» [7, с. 84].

В криминалистике следом называют генерированное преступлением закономерное отражение процесса и результата воздействия субъекта на предмет преступного посягательства и среду. При этом следы преступления образуют систему, адекватную системе действий субъекта преступления [6, с. 14, 74]. Устанавливаемые обстоятельства совершенного преступления объективны. Они не являются некоей разрозненной совокупностью обстоятельств, в связи с чем можно предположить, что логика субъекта доказывания уже в определенной мере предопределена объективной логикой структурных взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики преступления [5, с. 18].

В процессе познания обстоятельств совершения преступления субъект доказывания использует различные методы. К ним, прежде всего, относятся моделирование, сравнительный анализ и метод криминалистической диагностики. Моделирование как метод познания заключается в замене объекта-оригинала моделью, которая исследуется, а затем результаты экстраполируются на оригинал. В следственной практике используют многие виды моделирования: мысленное (например, при разработке следственных версий и планировании расследования), физическое (создание материальных макетов, муляжей, предметов-аналогов), математическое (моделирование условий протекания процессов с помощью соответствующих математических расчетов). Следует отметить, что к моделированию следователь обращается тогда, когда прямое исследование объекта невозможно или нецелесообразно.

Итак, при моделировании объект познания заменяет модель, под которой по-

нимается мысленно представляемая или материально реализованная система, воспроизводящая объект исследования и способная заменить его так, что ее изучение дает новую информацию об этом объекте. Как видно из определения, модели делят на два вида: материальные и мысленные. В качестве материальной модели может выступить естественный вещественный аналог или сконструированная вещь. Мысленные модели представляют различного рода знаки: схемы, рисунки, символы и т.д. Вообще мысленные модели можно разделить на два вида: иконические (рисунки, фотографии, схемы, чертежи и т.п.) и символические (обычные вербальные или специальные символы – математические, физические, химические и т.п.).

Особым случаем моделирования в следственной практике следует назвать реконструкцию – восстановление, воссоздание объектов, ситуации по сохранившимся остаткам, описаниям, фотоснимкам или другим данным. Реконструкция может быть материальной или мысленной. Так, А.М. Каминский среди различных видов моделирования, которые используются в криминалистической и следственной деятельности, выделяет мысленное моделирование, указывая при этом, что «природа этих моделей и особенно закономерностей, на которых строятся процессы мысленного моделирования, в современной науке исследована в значительно меньшей степени, чем моделей предметного и логико-математического вида» [4, с. 18].

Применение метода моделирования имеет определенные закономерности и его универсальный алгоритм складывается из следующих шагов:

а) осознания предпосылок применения метода моделирования (объективные предпосылки – недоступность, удаленность, сложность объекта исследования и т.д.; субъективные – способности и предпочтения исследователя и т.д.);

б) формулировки цели, задач и программы применения метода моделирования (например, проверка следственных версий, показаний обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, розыск подозреваемого, изучение отдельных обстоятельств преступного события и т.п.);

в) выбора или создания модели (на этом этапе решают, какие признаки существенны с точки зрения задач моделирования и должны быть воспроизведены на модели, удовлетворяют ли они требованиям объективности, полноты, всесторонности

расследования преступления, достаточно ли их для получения необходимой информации);

г) исследования модели и получения модельной информации, что может быть осуществлено самим следователем путем предъявления для опознания, постановкой эксперимента, посредством экспертного исследования и т.п.;

д) интерпретации результатов моделирования (переносится информация с модели на оригинал по правилам аналогии).

Полученная методом моделирования информация может быть проверена другими методами, в частности путем проведения реального следственного эксперимента. Следует также отметить, что действия следователя на каждом из выделенных этапов имеют определенный порядок [3, с. 56]. В расследовании преступлений складываются специфические приемы моделирования и особые разновидности моделей.

В следственной практике моделирование применяется, во-первых, при производстве следственных действий для получения доказательственной информации, во-вторых, в экспертной практике, в-третьих, в организационно-управленческой деятельности, обеспечивающей расследование преступления.

Моделирование при производстве следственных действий используется для проверки имеющихся или получения новых доказательств, а также для исследования версий. Конечно, к моделированию следователь обращается, если прямое изучение объектов невозможно или нецелесообразно, например когда обстановка на месте происшествия изменена, вещественные доказательства утрачены или не установлены, прямое исследование следов, образованных на месте происшествия, нельзя осуществить ввиду отсутствия для этого надлежащих условий и т.д. Нередко бывает необходимо проверить версию о механизме (логике) преступного события, и, поскольку при постановке этих опытов использовать человеческий материал невозможно, следователь прибегает к моделированию.

Объектами материального моделирования в следственной практике чаще всего являются:

– предметы, разрушенные полностью или частично в результате действий преступника или случайных факторов (орудия преступления, средства поджога, взрыв, отдельные строения, оружие, автомашины, инструменты и другие предметы);

– обстановка на месте происшествия, подвергшаяся изменению в силу различных причин;

– следы ног, рук, обуви, транспорта, орудий взлома, инструментов и иных материальных предметов;

– документы, частично сгоревшие, подвергшиеся изменению под влиянием сырости, микроорганизмов и др.;

– прижизненный облик потерпевшего;

– отдельные признаки трупа (вес, рост, телосложение);

– признаки внешности отсутствующего подозреваемого, потерпевшего, свидетеля, обвиняемого;

– криминальные ситуации (положение предметов и лиц в период, предшествующий преступлению, в момент его совершения и после него);

– явления, связанные с исследуемым преступным событием, например горение, разрушение каких-либо предметов и т.п.

Как мысленное моделирование можно рассматривать образные представления следователя о месте происшествия, суждения об облике разыскиваемого, вещественных доказательствах, о связях между людьми, предметами, явлениями, касающимися преступления. Такие модели могут быть выражены следователем в виде словесных описаний, планов, рисунков, чертежей, схем и т.п. Эта информация может обрабатываться на компьютере (с помощью кибернетического моделирования).

Необходимо отметить, что жестко разграничить способы моделирования невозможно. Все они связаны между собой, дополняют и обуславливают друг друга. Так, создание и использование любой материальной модели опосредствовано мысленным моделированием. В свою очередь мысленные модели проверяются с помощью материального моделирования.

Л.В. Бертовский, исследуя познавательную деятельность следователя при расследовании преступлений экономической направленности, обращает внимание на её сложный характер. Так, он пишет, что для выявления и раскрытия дел, связанных с преступным нарушением правил экономической деятельности, особое значение имеет такой важный, но недостаточно разработанный в теории криминалистики метод, как сравнительный анализ, связанный с модельной информацией. Данный метод представляет собой интегративную систему, соединяющую в одно целое методы криминалистического моделирования, сравнения и анализа. Он позволяет устанавливать

сходство и отличие сравниваемых объектов, один из которых чаще всего является мысленной моделью исследуемого события, поведения, деятельности, действия, способа действия, операции или иного объекта познания, определять его качественно-количественные характеристики и другие особенности и принимать на этой основе соответствующее правовое или (и) криминалистическое решение. В данном случае мысленная модель объекта познания – это представление (образ) о каком-либо конкретном, единственном в своем роде (единичном) фрагменте исследуемой реалии, отражающее ту или иную меру сходства с оригиналом. Эта фактическая модель сравнивается с моделью (моделями) другого объективно существующего (существовавшего) единичного объекта того же порядка либо с неким правилом, стандартом, эталоном, иным подобием общего характера (типовой информационной моделью, играющей роль средства познания) [2, с. 35].

Изучая такое явление в экономической сфере деятельности, как криминальное рейдерство, мы осуществляем его познание через механизм преступной деятельности, представляющий динамически функционирующую систему. Высокий уровень абстрагирования создаёт благоприятные условия для обнаружения более полной совокупности типичных черт преступного явления: протекания преступной деятельности во взаимосвязи, взаимовлиянии и взаимозависимости. Если же переменную интегрирующей составляющей (в нашем случае интегративная переменная – это заданные временные отрезки) ставить постоянной (*constanta*), то мы на каждом промежутке времени получим некую статическую систему. Таким образом, механизм преступной деятельности криминального рейдерства можно представить как множество последовательных статических систем криминального рейдерства или как отдельную совокупность моделей, каждая из которых соответствует конкретному промежутку времени. Прибегать к такому приёму необходимо и следователю. Накладывая на соответствующем этапе расследования модель, сформировавшуюся из собранных доказательств (сведений) о расследуемой преступной деятельности, на криминалистически научно-разработанную и описанную через типичные признаки модель криминального рейдерства на определённом временном отрезке, следователь получает возможность сориентироваться:

– по соотносимости (несоотносимости) составленной модели устанавливаемое

мого обстоятельства конкретного преступления и криминалистически заданной типичной;

– по направлению расследования, если фактические границы не совпадают с типичной моделью на соответствующем отрезке развития преступной деятельности;

– по полноте (достаточности) собранных доказательств, исключающих неоднозначное толкование расследуемого обстоятельства.

В описанном процессе сравнительного анализа Л. В. Бертовский выделяет четыре разновидности:

1) сравнительный анализ фактических моделей единичных, индивидуально определенных объектов;

2) сравнительный анализ нескольких типовых информационно-модельных моделей, относящихся к одному объекту, каждая из которых отображает по-своему одни и те же стороны, аспекты этого объекта, в целях определения наиболее полной и точной модели и выбора адекватного ей варианта решения;

3) сравнительный анализ фактической модели и нескольких моделей типового характера, отображающих различные подходы и стороны характеризуемой ими реалии в целях получения полного, всеобъемлющего знания об объекте познания;

4) сравнительный анализ фактической модели с одной типовой моделью объекта того же порядка (например для установления пробелов в фактической модели) [5, с. 18].

При условии перехода от абстракции высокого уровня к детализированным представлениям* появляется возможность выйти на алгоритм сравнительного анализа нормативно-правовой и фактической модельной информации, который был разработан В.А. Образцовым [8]:

1) установление того, как в соответствии с действующими законами и подзаконными актами (правилами), регулирующими исследуемую деятельность, она должна была бы осуществляться (определение нормативной модели деятельности);

2) установление того, как в действительности осуществлялась проверяемая (расследуемая) деятельность;

3) ее фактической модели по данным, которые получены от участников деятель-

ности и других посвященных в нее лиц, а также данным, содержащимся в документах предприятия (организации, учреждения) и других материально фиксированных источниках информации);

4) обеспечение сравнительного анализа признаков той или иной модели в целях определения их сходства либо различия.

При расследовании обстоятельств осуществления криминального рейдерства аналитический познавательный процесс предлагаем производить в следующей алгоритмической последовательности:

а) определение соответствия установленных обстоятельств расследуемого преступления (сформированной фактической модели исследуемого события) типовой криминалистической модели криминального рейдерства;

б) определение видовой структуры имеющейся информации о проявлении признаков криминального рейдерства (экономической, корпоративной, хозяйственной, управленческой);

в) определение соответствия фактической модели конкретной форме криминального рейдерства;

г) определение соответствия конкретному типичному этапу установленной формы криминального рейдерства на данном промежутке времени;

д) установление недостающего по фрагментарным элементам фактической модели посредством экстраполирования её на типовую модель криминального рейдерства;

е) установление типичного механизма преступной деятельности с учётом формы криминального рейдерства, что позволит определить планирование и направление дальнейшего производства по уголовному делу: по обнаружению и процессуальному закреплению преступной деятельности, установлению лиц, её (деятельность) осуществляющих, и их изобличению.

В заключение отметим, что рекомендуемые для исследования в криминалистике методы имеют не узкоспецифическую направленность, а носят общий характер. Применительно к криминалистическим исследованиям методы модифицируются в зависимости от сферы борьбы с преступностью, локализации следов преступления, специфики источников доказательственной

* Научно-криминалистическая рефлексия показывает, что процесс выявления и раскрытия преступления должен идти от абстрактной модели процесса к более конкретным моделям проявления вонне структуры преступной деятельности и, наконец, установлению этой структуры субъектом ДВРП. Именно на этом пути восхождения от абстрактного к конкретному и складывается технологическая схема процесса раскрытия преступлений [см.: 4, с. 19].

информации. Наиболее убедительно сказанное прослеживается в исследованиях преступной и следственной деятельности в экономической сфере. Методы познания обстоятельств преступной деятельности, предложенные А.М. Каминским (метод моделирования), Л.В. Бертовским (сравнительный анализ модельной информации), Е.Ю. Андрониковой (метод криминалистической диагностики) [1], являясь действенными средствами уголовно-процессуального познания обстоятельств преступной деятельности в экономической сфере, имеют большой потенциал для дальнейшего совершенствования. Этот потенциал заключается в комплексном, а не раздельном их применении.

Следует также заметить, что предметом методологического анализа является не только сущность, структура и виды методов, но и их границы применимости. С точки зрения задач раскрытия и расследования важно учитывать, что модель и оригинал обладают не только сходством, но и различием. Модель — это другой объект, сходный с оригиналом, отображающий его свойства, зафиксированные вещественно или мысленно. Моделирование всегда предполагает упрощение. «Простое» — это доступное, состоящее из незначительного количества элементов, связей и отношений, а иногда и неделимое. «Сложное», наоборот, — это трудное для познания, обладающее большим количеством элементов, связей, разнообразием характеристик. Моделирование обеспечивает создание упрощенного предмета по сравнению с оригиналом. Модель проще оригинала. При ее создании отвлекаются от деталей, частных и этим помогают решению следственных задач. Следо-

ватель обязан учитывать, что упрощение в моделировании имеет как положительную, так и отрицательную стороны. Отвлекаясь при моделировании от второстепенных, с точки зрения поставленных задач расследования, свойств и сторон объекта, можно опустить и то, что действительно является существенным. Это отрицательная сторона метода моделирования. Положительную сторону метода моделирования составляет то, что он служит источником новой доказательной информации и способом проверки имеющихся доказательств.

Расследование носит эвристический, поисковый характер. При этом следователь должен учитывать, что фактор времени оказывает воздействие на следы преступления, иногда благоприятствует их уничтожению, сокрытию, равно как сокрытию самого правонарушителя и факта преступления. Уничтоженные или поврежденные преступником предметы нельзя изучить непосредственно, прямым наблюдением. При моделировании они воссоздаются и исследуются. Кроме того, моделирование помогает установить связь элементов состава преступления. Реконструкция вещественной обстановки на месте происшествия позволяет установить первоначальное положение объектов, объяснить механизм события или образования отдельных следов, вскрыть связи между действиями преступника и наступившими последствиями. Необходимо отметить, что метод моделирования таит в себе неисчерпаемые возможности в познании уголовной истины. Знание же следователем его сущности, структуры, видов, логики применения способствует эффективному и быстрому расследованию преступлений.

1. Андроникова, Е.Ю. Криминалистическая диагностика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества на основе экономической информации [Текст] / Е.Ю. Андроникова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2006.

2. Бертовский, Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности [Текст] / Л.В. Бертовский: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005.

3. Блажевич, Н.В. Логика в следственной практике [Текст] / Н.В. Блажевич. Ч. 2. — Тюмень, 2003.

4. Каминский, А.М. Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования [Текст] / А.М. Каминский: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Нижний Новгород, 2008.

5. Ким, Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел [Текст] / Д.В. Ким: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Омск, 2009.

6. Коломацкий, В.Г. Криминалистическая концепция преступления [Текст] / В.Г. Коломацкий // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. — Вып. 3 (11). — М., 2003.

7. Корноухов, В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы [Текст] / В.Е. Корноухов. — М., 2008.

8. Яковлев, В.Ю. Ценностно-смысловые основания научного познания [Текст] / В.Ю. Яковлев: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Киров, 2009.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ МИГРАЦИЮ

УДК 343.2

Е.К. ЖАКСАЛЫКОВ

Становление уголовного законодательства об ответственности за незаконную миграцию в России, как и развитие всего российского законодательства, имеет свою долгую и непростую историю. Обращаясь к истокам формирования и развития уголовно-правового института ответственности за незаконную миграцию в российском законодательстве, следует учитывать то обстоятельство, что особенности содержания соответствующих уголовно-правовых предписаний на определенных этапах ее развития не являлись универсальными, выделяя различный социально-правовой статус личности в государстве.

Начиная с законодательства Древней Руси и практически до конца XIX века, в условиях жесткой, нормативно закрепленной социальной стратификации усилия государства были направлены на поддержание неравного правового статуса лиц в различных социальных кластерах и на минимизацию возможностей «социального лифта» из одного класса в другой [7]; для различных социальных групп устанавливался порой различный правовой режим перемещения как внутри удельного княжества (государства), так и выезда за его пределы. В силу этого вполне объяснимо, что сначала древнерусское законодательство, а позже законодательство эпохи крепостничества, не создало универсальных правовых норм в сфере миграционных отношений. Различая класс свободных и несвободных, государство детально регламентировало правовую зависимость от своих господ лиц, находящихся в положении рабов и крепостных крестьян. Уже в древнерусских законодательных памятниках, дошедших до наших дней, содержатся нормы, устанавливающие запрет на свободное перемещение указанной категории людей («челядины», «смерды» и «холопы») [3, с. 23], предусматривающие уголовную ответственность тех, кто их укрывает.

Так, статья 11 краткой редакции Русской Правды закрепляла право требования возврата беглого раба и денежной компенсации за его укрывательство [3, с. 21].

Указанная норма нашла свое отражение и в пространной редакции Русской Правды,

которая была дополнена нормами, регламентирующими право требования возврата холопов, бежавших от своих господ, и предусматривающими ответственность лиц, укрывших беглых холопов (ст. 112) [3, с. 33].

В дальнейшем наряду с процессом закрепощения крестьян на законодательном уровне происходит ограничение их права свободного перемещения. Так, статья 57 Судебника Ивана III, составленного в 1497 г., предусматривала правило, по которому крестьяне могли уходить от своих владельцев только один раз в году – за неделю до Юрьева дня (26 ноября) и в течение недели после него, с обязательной выплатой пожилого – оплаты за проживание на земле барина [15, с. 65]. В Судебнике 1550 г. были подтверждены и уточнены нормы крестьянского перехода в Юрьев день. Впоследствии Иваном Грозным в 1581 г. введены «заповедные годы», когда отменялся Юрьев день и запрещался переход крестьян.

При Борисе Годунове появился царский указ от 24 ноября 1597 г., который повелевал разыскивать и возвращать прежним владельцам всех беглых и насильно вывезенных крестьян в течение пятилетнего срока.

Соборное Уложение 1649 г. отменило «урочные лета», утвердило право на бессрочный розыск и возвращение беглых,крепило наследственность крепостного состояния и право землевладельца распоряжаться имуществом крепостного.

Начиная с Соборного Уложения, на законодательном уровне регламентирован порядок выезда граждан за границу. Под страхом уголовного наказания запрещался самовольный (без грамоты) выезд за рубеж. Так, в статье 3 главы 6 Соборного Уложения предусматриваются случаи самовольного выезда за границу без проезжей грамоты с целью измены или других злых намерений. После расследования и подтверждения фактов злодеяний виновные наказываются смертной казнью [4]. Статья 4 говорит о фактах самовольного выезда за границу без проезжей грамоты не с целью измены государству, а с целью ведения торговых дел. Лица, совершившие этот поступок, в назидание другим наказывались публично кнутом [4].

Необходимо отметить, что нормы Соборного Уложения 1649 года действовали вплоть до принятия в 1845 году Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Что примечательно, в период царствования Петра I разработанный и принятый в 1715 году Воинский артикул действовал наравне с Соборным Уложением, таким образом дополняя его.

Развитие института об уголовной ответственности за незаконный выезд из Российского государства нашло свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Так, в главу седьмую были включены нормы об ответственности за «недозволенное оставление отечества», например за действия того, «кто, отлучась из отечества, войдет в иностранную службу без позволения правительства или вступит в подданство иностранной державы» (ст. 325), за действия того, «кто, отлучась из отечества, не явится в оное обратно по вызову правительства» (ст. 326), за действия того, «кто будет распространять среди населения заведомо ложный слух о выгоде переселения за границу с целью побудить к оставлению своего постоянного места жительства» (ст. 328) [13].

Что же касается вопросов въезда, то в соответствии с древним обычаем на Руси «иноземцам» (иностранцам) запрещался свободный въезд в Россию и, пожалуй, первое законодательное регулирование этого вопроса можно найти в Новоторговом уставе от 22 апреля 1667 г. (период царствования князя Алексея Михайловича). Это была первая попытка законодательной регламентации правового положения иностранцев на Руси, но коснулась она только вопросов въезда на территорию государства иностранных купцов, а также правил торговли и таможенных пошлин.

Следует отметить, что Новоторговый устав не решил вопрос о свободном въезде иностранцев и их правового положения. Такой въезд был по-прежнему запрещен.

Манифест Петра I от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы вероисповедания» [1] явился, по существу, прорывом в вопросе свободного допуска иностранцев в Россию.

В Манифесте указывалось, что для того, чтобы «побудить иноземцев, которые к сей цели содействовать и к таковому улучшению способствовать могут, купно с прочими государству полезными художниками, к Нам приезжать и как в Нашей службе, так и в Нашей земле оставаться, указать Мы сей Манифест с нижеписанными пунктами повсюду объявить и, напечатав, по сей Европе обнародовать». Он отменил древний обы-

чай на Руси, в силу которого иностранцам воспрещался свободный въезд в Россию. Упомянутым актом разрешался свободный въезд иностранных купцов, художников и ремесленников. Помимо этого, Манифест позволял свободный въезд иностранцев для поступления на военную службу.

Екатериной II, ставшей продолжателем реформ Петра I в деле формирования и развития законодательства в вопросах въезда иностранцев в Россию, был издан 4 декабря 1762 г. Манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» [2].

Екатерина II окончательно решила вопрос о свободном въезде иностранцев в Россию и предоставила им значительные права и льготы. На постоянное место жительства в Россию имел право приехать любой иностранец независимо от его социального и материального положения. Но в первую очередь этот Манифест послужил основанием для поселения в России немецких выходцев. Разрешение переселения иностранцев в Россию преследовало как цели «умножения населения», так и достижение того, чтобы «коренные обыватели могли заимствовать у иностранцев улучшенные способы обработки земли, разведения скота и вообще улучшения правил ведения хозяйства».

В результате политики, сформулированной Петром I и продолженной Екатериной II, законодательные акты приведенной эпохи не предусматривали уголовной ответственности иностранцев за незаконный въезд в Российское государство.

Смена общественно-политического строя в стране в результате Октябрьской революции 1917 года повлекла отмену прежней социальной стратификации, был провозглашен принцип равенства всех граждан перед законом, нормы уголовного законодательства были универсализованы. Закрытие внешних границ государства от враждебно настроенных государств побудило введение уголовной ответственности за незаконный въезд и выезд из страны.

В первом же Уголовном кодексе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее УК РСФСР), введенном в действие Постановлением ВЦИК 1 июня 1922 г. [9], был установлен уголовно-правовой запрет на «Выезд за границу и въезд в РСФСР без установленного паспорта или без разрешения подлежащих властей» (ст. 98). Приведенная норма сохранилась в разделе 2 главы 1 особенной части Уголовного кодекса, объединяющей в себе государственные преступления, кото-

рая в свою очередь охватывалась двумя разновидностями: контрреволюционные преступления (раздел 1) и преступления против порядка управления (раздел 2). Уже через год Постановлением ВЦИК от 10.07.1923 г. «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР» было усилено наказание за данное преступление [8, с. 504].

В результате образования Союза Советских Социалистических Республик (далее СССР) и появления Основ уголовного законодательства СССР прежний Уголовный кодекс подвергся кардинальному реформированию и в результате данной работы на свет появился новый УК РСФСР 1926 г. [10], принятый Постановлением ВЦИК 22 ноября 1926 г.

Новым Уголовным кодексом в отличие от предыдущего устанавливалась ответственность за способствование переходу государственной границы без соответствующего разрешения, совершенное в виде промывла или должностными лицами (ст. 59¹⁰ УК РСФСР 1926 г.). При этом законодатель исключил данное преступление из разряда государственных, отнеся его только к преступлениям против порядка управления. Однако такая оценка общественной опасности преступления просуществовала совсем немного и Положением о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления), введенным Постановлением ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. [5], деяние, предусмотренное ст. 59¹⁰, в числе некоторых других было выделено из преступлений против порядка управления в категорию особо опасных (для СССР) преступлений против порядка управления, таким образом был восстановлен их статус как государственных преступлений наряду с контрреволюционными преступлениями.

В дальнейшем Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1935 г. «О выезде и проживании в пограничных полосах» [6] была возвращена уголовная ответственность за нарушение правил выезда из СССР, которая была дополнена ответственностью и за нарушение правил проживания в пограничной полосе и запретных пограничных зонах, а постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 октября 1935 г. в который раз усиливало ответственность за выезд за границу или въезд в СССР без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей.

С введением в действие УК РСФСР от 27 октября 1960 года [11] уголовная ответственность за «незаконный выезд за границу и незаконный въезд в СССР» сохранилась. Согласно данной норме были криминализованы действия, связанные

с «выездом за границу, въездом в СССР или переходом границы без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей» (ст. 83 УК РСФСР).

Действие настоящей статьи не распространялось на случаи прибытия в СССР иностранных граждан без установленного паспорта или разрешения для использования права убежища, предоставленного Конституцией СССР.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1966 г. «Об уголовной ответственности иностранцев и лиц без гражданства за злостное нарушение правил передвижения на территории СССР» установил уголовную ответственность за злостное нарушение иностранцами и лицами без гражданства правил передвижения на территории СССР, то есть изменением места жительства, временный выезд с места жительства или посещение пунктов, не указанных в визах на въезд в СССР, уклонение от маршрута следования, указанного в проездных документах, совершенные без специального на то разрешения, если ранее эти лица за нарушение указанных правил были подвергнуты административному наказанию. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 декабря 1981 г. № 6147-Х «Об уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за злостное нарушение правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР» данный уголовно-правовой запрет был сформулирован по-новому.

В принятой редакции поставленные под уголовно-правовую охрану правила передвижения иностранных граждан и лиц без гражданства были декриминализованы. Вместо этого законодатель установил уголовную ответственность за нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания и транзитного проезда через территорию СССР, если ранее эти лица за нарушение указанных правил в течение года были подвергнуты административному взысканию.

Как и в предыдущей редакции статьи, в диспозиции описаны признаки используемых терминов, что представляется положительным моментом, позволяющим избежать ошибок в правоприменительной деятельности.

В результате событий, связанных с распадом СССР и созданием Российской Федерации, действующий до 1 января 1997 г. УК РСФСР 1960 г. подвергся значительной модификации, в том числе была отредактирована ст. 83 Уголовного закона.

Федеральным законом № 79-ФЗ от 18.05.95 г. статья 83 УК РСФСР [14] стала

называться по-новому: «Нарушение режима Государственной границы Российской Федерации».

В новой редакции законодатель значительно отступил от прежних принципов криминализации незаконной миграции. Под уголовно-правовую охрану была поставлена, прежде всего, неприкосновенность Государственной границы Российской Федерации и режим приграничной территории, включающий в себя правила: следования лиц и транспортных средств от Государственной границы Российской Федерации до пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации и в обратном направлении; транзитного пролета воздушных судов через воздушное пространство Российской Федерации; плавания иностранных невоенных судов и военных кораблей при мирном проходе через территориальные воды Российской Федерации без цели захода во внутренние воды Российской Федерации; плавания иностранных невоенных судов в российской части пограничных рек, озер и иных водоемов, осуществляемого без цели захода в порты (на рейды) Российской Федерации, если это деяние повлекло или могло повлечь тяжкие последствия.

Кроме этого, приведенной уголовно-правовой нормой была установлена ответственность за ведение на Государственной границе Российской Федерации либо вблизи нее на территории Российской Федерации хозяйственной, промысловой или иной деятельности, осуществляемой в соответствии с международными договорами Российской Федерации и иными договоренностями с иностранными государствами, без надлежащего уведомления пограничных войск Российской Федерации, или в неустановленное время либо в неустановленном месте, или если эта деятельность повлекла либо могла повлечь за собой нанесение вреда здоровью людей, подрыв экологической и иной безопасности Российской Федерации, сопредельных с ней и других государств или другие тяжкие последствия.

В примечании данной статьи законодатель, как и прежде, предусмотрел случаи нераспространения указанной нормы в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию для использования права политического убежища, а равно в случае вынужденного пересечения Государственной границы Российской Федерации в силу чрезвычайных обстоятельств.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ), вступившем в действие с 1 января 1997 г. [12], сохрани-

лась ответственность только за «незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации» (ст. 322 УК РФ). Деяния, связанные с нарушением режима Государственной границы, Уголовным кодексом Российской Федерации были декриминализованы. Кроме этого, уголовная ответственность по части первой ст. 322 УК РФ устанавливалась только за «пересечение охраняемой Государственной границы Российской Федерации без установленных документов и надлежащего разрешения».

Федеральным законом № 98-ФЗ от 4 июля 2003 г. ст. 322 УК РФ была существенно отредактирована, в результате чего из текста диспозиции приведенной уголовно-правовой нормы был исключен термин «охраняемой Государственной границы», а также уточнено назначение документов.

В новой редакции статьи, действующей по настоящее время, уголовная ответственность установлена за «пересечение Государственной границы Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

Исключение из ст. 322 УК РФ термина «охраняемой Государственной границы» представляется обоснованным, поскольку действующий в прежней редакции уголовно-правовой запрет не обеспечивал в полной мере охрану Государственных границ Российской Федерации, поскольку между Россией и странами содружества независимых государств существуют многокилометровые неохраняемые границы.

Федеральным законом № 187-ФЗ от 28 декабря 2004 г., вступившим в силу с 30 января 2005 г., Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 322¹, устанавливающей ответственность за организацию незаконной миграции.

Частью первой указанной статьи криминализованы деяния, связанные с организацией незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территории Российской Федерации.

Усиление ответственности предусмотрено частью второй приведенной статьи за те же деяния, совершенные организованной группой, а также в целях совершения преступления на территории Российской Федерации.

В результате проведенного исследования можно заключить, что российское за-

конодательство об уголовной ответственности за незаконную миграцию имеет долгую и непростую историю. Зародившись в эпоху Древней Руси и устанавливая уголовную ответственность за укрытие беглых подневольных людей, уголовно-правовые нормы об ответственности за незаконную миграцию нашли свое отражение в законодательных актах Российского государства в средние века и дореволюционный период, криминализируя незаконный выезд и невозвращение в Российское государство ее подданных.

Свое развитие и законодательное закрепление институт об ответственности за незаконную миграцию получил в уголовных актах советского периода, когда были максимально криминализованы деяния, связанные с незаконным въездом и выездом из СССР, незаконным пересечением и нарушением режима Государственной границы СССР, а также устанавливалась ответственность за нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР.

Давая оценку уголовной ответственности за незаконную миграцию по Уголовному Кодексу Российской Федерации, необходимо поддержать инициативу законодателя, установившего уголовную ответственность за организацию незаконной миграции (ст. 322¹ УК РФ), тем более что указанный подход не является новшеством для российского уголовного законодательства (ст. 59¹⁰ УК РСФСР 1926 г.). В советский период, в условиях тщательно охраняемых Государственных границ СССР и запрета на свободный выезд и въезд на территорию СССР, действия института «прописки» и ограничения права на свободное передвижение по территории СССР как иностранцев, так и собственных граждан, необходимость в установлении ответственности по ст. 59¹⁰ УК РСФСР отпала в силу указанных причин. Однако для современной России, испытывающей миграционное давление извне, в условиях действия режима отмены виз с соседствующими государствами СНГ и некоторыми другими установление уголовной ответственности за организацию незаконной миграции представляется вполне обоснованным.

1. Манифестъ. О вызовѣ иностранцевъ въ Россію, с обѣщаніемъ имъ свободы віроисповѣданія // Полное собрание законовъ російской имперіи, съ 1649 года. Собрание 1-е. Том IV. № 1910.

2. Манифестъ. О позволеніи иностранцамъ кромѣ жидовъ, выходить и селиться въ Россіи и о свободномъ возвращеніи въ свое отечество русскихъ людей, бѣжавшихъ за границу // Полное собрание законовъ російской имперіи, съ 1649 года. Собрание 1-е. Том XVI. № 11720.

3. Отечественное законодательство XI–XX веков: Пособие для семинаров. Часть I (XI–XIX вв.) [Текст] / Под ред. проф. О.И. Чистякова.-М.:Юристъ, 2000.

4. Памятники Русского права [Текст]. Вып.6 / Под ред. д.ю.н., проф. К.А. Софроненко. – М.,1957.

5. Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 февраля 1927 г. О преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) // Собрание Законодательства СССР. – 1927 г. – № 12. – Ст. 123.

6. Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1935 г. «О выезде и проживании в пограничных полосах» // Собрание Законодательства СССР. – 1935 г. – № 45. – Ст. 377.

7. Пудовочкин, Ю. Ответственность за торговлю людьми по Российскому уголовному праву [Текст] / Ю. Пудовочкин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 3.

8. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. Т. 3. Особенная часть (главы XI–XXI) [Текст] / А.В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 504.

9. УК РСФСР 1922 г., принятый Постановлением ВЦИК 1 июня 1922 г. // Собрание Узаконений РСФСР. – 1922. – № 45. – Ст. 153.

10. УК РСФСР 1926 г., принятый Постановлением ВЦИК 22 ноября 1926 г. // Собрание Узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

11. УК РСФСР 1960 г., утвержденный Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 31.10.1960 г. № 40. Ст. 591. (Утратил силу: 1 января 1997 г. с введением УК РФ).

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) // Собрание законодательства РФ. – № 25 от 17 июня 1996.

13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительныхъ 1866 г. Съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профессоромъ С-Петербургскаго университета Н.С. Таганцевымъ. Изданіе второе переработанное и дополненное / Санктпетербургъ. Типографія М. Стасюлевича, Спб., В.О., 2л., 7.

14. Федеральный закон РФ от 18.05.95 г. № 79-ФЗ. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (принят ГД ФС РФ 19.04.1995 г.) // Собрание законодательства РФ. – 22.05.95 г. – № 21. – ст. 1927. (Утратил силу: ФЗ от 13.06.1996 г. № 64-ФЗ).

15. Хрестоматия по истории государства и права России [Текст]: учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. – М: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С.65.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РОСТА РОССИИ

УДК 330.35: 336.77

Т.П. ЧЕРКАСОВА, Ю.П. МАМОНТОВА

Конкурентоспособность страны в современной экономике — категория, включающая в себя как умение создавать, производить и продавать продукты или услуги, пользующиеся спросом в международной торговле, так и способность достижения устойчиво высоких темпов роста в долгосрочной перспективе. Современная конкурентоспособность прямо связана с уровнем производительности труда. Всемирный экономический форум (ВЭФ) рассматривает конкурентоспособность как набор институтов, политик и других факторов, определяющих уровень производительности в стране и, следовательно, способность страны поддерживать высокий уровень доходов и качественного экономического роста.

Отличительной особенностью современной конкурентоспособности, ее основой в условиях постиндустриализации развитых стран является *технологическое преимущество* страны, которое заключено в ресурсе знаний, технологическом, трудовом, инвестиционном и организационно-управленческом ресурсах. Их развитие сопровождается технологическим накоплением, усилением способности к усвоению новой технологии и рождением технологического динамизма. При этом возрастающая сложность технологии, аккумулирующей в себе увеличивающуюся «интенсивность знания», требует постоянного введения организационных и институциональных нововведений, соответствующих новой технологии. В числе последних главная роль принадлежит формированию трудовых ресурсов современного типа с таким уровнем мастерства и квалификации, который позволяет ей быстро адаптироваться к изменениям технологии. Наличие таких ресурсов является предусловием, а часто и детерминантом конкурентоспособности страны.

Технологическое накопление и накопление знаний и мастерства рабочей силы являются взаимосвязанными звеньями механизма экономического роста, производительности и, следовательно, конкурентоспособности. По данным исследования ВЭФ конкурентоспособности 58 стран, в том числе и России, в 1998 г. наша страна

занимала предпоследнее место по уровню конкурентоспособности, 55-е место по общему состоянию технологического ресурса, но 25-е место по общему уровню трудовых ресурсов [4, с. 35]. За 10 лет экономического развития в России многое изменилось.

Следует заметить, что полностью корректное сопоставление конкурентоспособности по всем показателям для десятилетнего периода провести невозможно, поскольку методология ВЭФ оценки национальной конкурентоспособности постоянно совершенствуется (вводятся новые факторы, показатели и индексы, исключаются некоторые старые), а набор стран-участниц увеличивается. До 2000 г. главным индексом был индекс конкурентоспособности, затем до 2003 г. использовались два главных индекса — индекс роста конкурентоспособности (The Growth Competitiveness Index), соответствовавший индексу конкурентоспособности, и индекс текущей конкурентоспособности (The Current Competitiveness Index), который с 2003 г. стал называться индексом микроэкономической конкурентоспособности (The Microeconomic Competitiveness Index). В 2004 г. был разработан всеобъемлющий индекс для измерения национальной конкурентоспособности — «глобальный индекс конкурентоспособности» (The Global Competitiveness Index), учитывающий микро- и макроэкономические основы конкурентоспособности, который использовался в 2006–2007 гг. и в последнем исследовании 2007–2008 гг. В этом обзоре рассчитывается также индекс конкурентоспособности бизнеса (Business Competitiveness Index). Показатели, характеризующие экономику и технологию, в исследовании 2007–2008 гг. объединены в следующие 12 групп факторов: институты, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование, высшее образование и обучение, эффективность товарных рынков, эффективность рынка труда, сложность финансового рынка, технологическая готовность, размер рынка, сложность бизнеса и инновации. Индекс конкурентоспособности рассчитывался как средневзвешенное из 12 субиндексов.

Национальная конкурентоспособность детерминирована производительностью, источники роста которой зависят от стадии развития страны. М.Портер идентифицировал три стадии развития с различным уровнем производительности и различной природой конкурентных преимуществ [5, с. 43].

На первой стадии производительность, экономический рост и конкурентоспособность основаны на вкладах факторов производства, прежде всего труда и природных ресурсов. Компании на этой стадии конкурируют на основе цен, поставляя на мировые рынки базовые, низкотехнологические продукты, что соответствует низкой заработной плате работников. Конкурентоспособность на этой стадии развития зависит от качества функционирования общественных и частных институтов, развития инфраструктуры, стабильности макроэкономических условий, здоровья и грамотности рабочей силы и определяется как преимущественно ресурсная, или факторная.

На второй стадии экономический рост и конкурентоспособность обусловлены факторами эффективности. Они зависят от уровня образования и профессионального обучения рабочей силы, эффективности товарных рынков и рынка труда, а также сложности финансового рынка и, наконец, от способности страны усваивать передовую технологию. Природа конкурентных преимуществ на этой стадии частично ресурсная, частично технологическая.

Страны на третьей стадии развития, для которой характерно широкое распространение инноваций, способны поддерживать высокую заработную плату и соответствующие стандарты жизни, а бизнес может конкурировать с самыми новыми и уникальными продуктами. Конкурентоспособность страны на этой стадии развития преимущественно технологическая.

Отнесение страны к конкретной стадии развития осуществлялось по двум критериям: ВВП на душу населения как показатель, наиболее приближенный к среднему уровню заработной платы, и доля продукции базовых отраслей в экспорте. К первой стадии были отнесены страны с душевым ВВП менее 2 тыс. долларов, ко второй – 3–9 тыс. и к третьей – более 17 тыс. долларов. Если доля в экспорте первичной продукции превышала 70%, то страна относилась к первой стадии. Россия по этим критериям вошла во вторую группу наряду с Бразилией, Аргентиной, ЮАР, Польшей, Мексикой, Турцией и другими странами. При этом Китай был отнесен к переходной, между первой и второй, стадией, а Индия – к первой. В третьей стадии развития находятся все семь высокоразвитых стран, а также Ирландия, Израиль, Дания, Южная Корея, Гонконг, Тайвань и ряд других.

Рейтинг конкурентоспособности России, т.е. ее место в списках из 58 стран, включенных в доклад 1999 г., изменилось с 58 в 1999 г. до 41 в 2007 г. (табл. 1).

Как показывают данные таблицы 1, Россия вследствие дефолта и девальвации рубля 1998 г. покинула последние места и в 2002 г. поднялась на 49-е место, но затем рост конкурентоспособности практически прекратился. Заметное улучшение конкурентоспособности в 2006 г., скорее всего, связано с методологическими различиями в определении индексов конкурентоспособности. Резкие изменения рейтингов других стран между 2005 и 2006 гг. подтверждают это предположение. Но в 2007 г. конкурентоспособность России по сравнению с 2006 г. все же заметно выросла.

По итогам рейтинга конкурентоспособности 2008 года Россия заняла 51-е место, поднявшись по сравнению с 2007 годом на 7 позиций, и, по мнению экономистов ВЭФ, вошла в группу стран, вставших на путь раз-

Таблица 1

Индексы конкурентоспособности России и других стран [6]

Страна	2007	2006	2005	2004	2003	2002	2001	1999	1998
Россия	41	45	51	50	51	49	52	58	57
Китай	29	40	36	35	36	31	36	32	27
Индия	35	33	37	41	43	40	47	52	48
США	1	6	2	2	2	1	2	2	3
Германия	5	8	15	13	13	14	17	25	24
Япония	8	7	12	9	11	13	21	14	12

вития экономики по инновационному сценарию, 2008 год стал первым существенным подъемом российской конкурентоспособности в индексах ВЭФ. Но уже в 2009 году Россия не смогла удержать свою позицию.

По итогам рейтинга конкурентоспособности 133 стран за 2009–2010 годы Россия упала с 51-го на 63-е место, опустившись ниже таких стран, как Черногория, Турция, Мексика, Панама и Маврикий. Кроме того, Россия указана среди стран, которые глобальный финансовый кризис затронул наиболее сильно (табл. 2).

Таблица 2

Глобальный индекс конкурентоспособности, рейтинг 2009–2010 в сравнении с 2008–2009 [6]

Страна/ экономика	2009–2010		2008–2009
	Ранг	Оценка	Ранг
Швейцария	1	5.60	2
США	2	5.59	1
Сингапур	3	5.55	5
Швеция	4	5.51	4
Дания	5	5.46	3
Россия	63	4.15	51

Главной причиной того, что конкурентоспособность российской экономики за этот период выросла, *стал технологический ресурс*. Под технологическим ресурсом мы подразумеваем совокупность разработанных в стране или импортированных технологий, которые применяются внутри страны или экспортируются и имеют вещественную форму (оборудование, установки, приборы и др.) и невещественную (патенты, лицензии, ноу-хау, техническая информация, технологические знания, воплощенные в людях). Создание, поддержание и развитие этого ресурса определяются интенсивностью инвестиционного процесса и научно-исследовательской деятельности в стране, активностью внедрения результатов собственных исследований в промышленность, а также способностью компаний создавать и усваивать новую технологию, что, в конечном счете, проявляется в их конкурентоспособности.

Индекс текущей, или микроэкономической, конкурентоспособности, который рассчитывался в Глобальных докладах с 2000 до 2005 гг., рассматривался в качестве одного из двух главных показателей конкурентоспособности страны. Этот индекс включал два

субиндекса – качество среды, в которой работает национальный бизнес, и сложность операций и стратегий компаний. В докладе 2007–2008 гг. индекс микроэкономической конкурентоспособности был переименован в индекс конкурентоспособности бизнеса, состоящий из тех же субиндексов.

Изменения макро- и микроэкономических условий в России за последнее десятилетие, а также параметров технологического ресурса, представлены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Изменения макро- и микроэкономических условий в России [6]

Показатель	1998 г.	2001–2002 гг.	2007–2008 гг.
Экономическая стабильность		28	20
Качество общественных и частных институтов	58	50	53
Доступность кредита	55	31	51
Расходы бизнеса, связанные с коррупцией		52	53
Организованная преступность	57	54	49
Качество инфраструктуры	52	54	46
Качество среды существования национального бизнеса	51	47	47
Сложность операций и стратегий компаний	49	46	51
Конкурентоспособность бизнеса	50	49	49
Развитие кластеров		33	49

Из данных таблицы 3 следует, что по сравнению с 1998 г. рейтинг России повысился по ряду показателей. Последовательное улучшение положения России произошло по показателям экономической стабильности, давления на бизнес со стороны организованной преступности и инфраструктуры, что сказалось на улучшении среды «обитания» бизнеса. Конкурентоспособность бизнеса за это время практически не изменилась, а сложность операций и стратегий компаний так же, как и развитие кластеров, к 2007 г. даже ухудшились. Не сдала свои позиции и коррупция.

Таблица 4

Некоторые характеристики технологического ресурса России [6] (места среди 58 стран и экспертные оценки в баллах — в скобках)

Показатели	1998	2001–2007	2007–2008
Инновационность экономики	50	28	42
Наличие ученых и инженеров	17	29	32
Качество НИИ	18	31	33
Кооперация университетов и промышленности	37	46	41
Расходы компаний на НИР	57	34	35
Наличие венчурного капитала	55	59	39
Патенты на изобретения (в скобках — на 1 млн человек, 2006 г.)		33(1,3)	32(1,2)
Защита интеллектуальной собственности	57	57	56
«Утечка мозгов»		38	34
Прямые иностранные инвестиции и передача технологий	59	58	56
Госзакупки новейших технологий		46	43
Усвоение фирмами новой технологии	45	45	54
Сложность производственных процессов*		53 (3,2)	50 (3,4)
Источники новой технологии**	20 (4,4)	24 (4,3)	42 (3,4)
Природа конкурентных преимуществ***	52 (2,6)	46 (2,7)	53 (2,8)

* Экспертная оценка в 1 балл — страна находится позади большинства стран; в 7 баллов — среди мировых лидеров.

** Оценка в 7 баллов соответствует ситуации, когда компании проводят собственные исследования и создают новые продукты и процессы. При оценке в 1 балл компании получают новые технологии только через лицензирование или имитацию иностранной технологии.

*** При оценке в 1 балл конкурентные преимущества обусловлены низкой заработной платой или наличием природных ресурсов; в 7 баллов — разработкой собственных уникальных продуктов или процессов.

Показатели состояния технологического ресурса России, приведенные в таблице 3, говорят о существенном ослаблении сферы науки. Правда, несколько сократилась «утечка мозгов», но положение с защитой интеллектуальной собственности практически не изменилось. После 1998 г. заметно повысились расходы компаний на НИР, появился венчурный капитал, а благодаря прямым иностранным инвестициям ускорилась передача новой технологии отечественным компаниям.

Государство также внесло свой вклад в развитие технологического ресурса, расширив практику закупки передовой технологии. В результате несколько выросла технологическая сложность производства. Развитие инновационного процесса, ускорившееся к 2001 г., затем снова замедлилось, а усвоение новой технологии фирмами ухудшилось. В 2006 г. лишь 9,4 % из обследованных 161,5 тыс. российских предприятий осуществляли технологические инновации, в 2000 г. — 10,6 % [3]. Источниками новой технологии все в большей степени становились лицензирование и имитация иностранной технологии, а не собственные исследования и разработки. Конкурентные преимущества оставались преимущественно ресурсными.

Степень зрелости технологического ресурса страны, его мощность весьма точно характеризуют высокотехнологичный экспорт, его долю в общем экспорте и место среди других стран. В 2007–2008 гг. Россия занимала 48-е место среди 58 стран с долей высокотехнологичного экспорта в 1,4 %. В то же время Китаю принадлежало 7-е место (24,6 %), Индии — 35-е (3,4 %), а США — 9-е (18,3%). Технологическое лидерство страны или его отсутствие раскрывают данные о торговле технологиями. Объектами сделок здесь являются патенты и патентные лицензии, беспатентные изобретения, ноу-хау, товарные знаки, научные исследования и др. По объемам торговли российский экспорт технологий в 2006 г. был примерно в 125 раз, а импорт в 23 раза меньше американского. При этом американский экспорт в 2,4 раза превышал импорт, а российский импорт в 2,1 раза превосходил экспорт [3].

Важным компонентом технологического ресурса, играющим в современной экономике центральную роль в интенсификации инновационного процесса, увеличении производительности труда и, следовательно, конкурентоспособности, являются информационно-коммуникационные технологии. Как показывает опыт Индии, Израиля и ряда других стран, ускоренное развитие ИКТ позволяет стране быстрее

наращивать конкурентоспособность и подниматься по рейтинговой лестнице на более высокие ступени (Индия поднялась с 50-го на 35-е место, Израиль — с 29-го на 17-е место). Индия смогла в короткие сроки трансформировать свою экономику в значительной степени благодаря революции в ИКТ. Что касается России, то она занимает лишь 42-е место по использованию Интернета, в том числе Интернета с широкополосным или высокоскоростным доступом, который сейчас представляет генеральное направление развития телекоммуникаций.

Приведенные выше данные об изменении параметров технологического ресурса объясняют, почему Россия не становится более конкурентоспособной. Состояние ресурса России неадекватно задаче превращения России в страну с высокой конкурентоспособностью в обозримом будущем. Вот какое соотношение наших конкурентных преимуществ и недостатков отмечает Глобальный доклад 2008–2009 гг. К числу несомненных преимуществ России относятся сфера науки, о чем свидетельствуют достаточно высокие рейтинги ее показателей. И это несмотря на то, что наука за годы перестройки и реформ понесла большие потери. Однако почти все, что относится к технологическому ресурсу за пределами науки, можно рассматривать как наши конкурентные упущения. Низкий рейтинг мы имеем по большинству показателей, характеризующих вклад компаний в инновации и технологическое накопление.

К нашим конкурентным потерям в сфере ИКТ Глобальный доклад по конкурентоспособности относит количество пользователей Интернетом — 15,2 человека на 100 человек населения (в США — 66,3 человека, в Китае — 8,6 и в Индии — 5,4), число подписчиков широкополосного Интернета — 1,1 человека (в США — 16,6 человека, в Китае — 2,9, в Индии — 0,1), количество персональных компьютеров — 12,1 (в США — 76,2, в Китае — 4,1, в Индии — 1,5). В рамках Глобального доклада по конкурентоспособности в 2008–2009 гг. был проведен опрос высших руководителей национальных компаний, входивших в состав группы экспертов ВЭФ (которая состояла из 11 тыс. менеджеров высшего уровня), по наиболее проблематичным для развития бизнеса факторам в их странах. Такими факторами для России были названы коррупция, налоговое регулирование, налоговые ставки, проступность и воровство, труднодоступность финансирования и инфляция. Эти же факторы сдерживают и наращивание конкурентоспособности России.

В 2010 г. Россия упала на 12 позиций, скатившись до 63-го места и став единственным рынком из стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай), продемонстрировавшим падение.

Главными преимуществами России являются большой объем рынка и относительная макроэкономическая стабильность, хотя это частично стало результатом неожиданно возросших доходов от экспорта нефти, и поэтому в долгосрочной перспективе устойчивость может исчезнуть.

Как отмечают авторы доклада, для повышения конкурентоспособности Россия должна побороть ряд структурных недостатков: главный — недостаточная эффективность правительства — по этому показателю Россия находится лишь на 110-м месте среди 133 стран. Среди других недостатков в докладе отмечаются малая независимость судебной системы (116-е место), отсутствие прав собственности (119-е место), а также «более общие озабоченности фаворитизмом властей в отношениях с частным сектором» [1, с. 9]. Недостатки отмечаются и в частном секторе. Российские компании отмечены низким уровнем корпоративной этики — (110-е место). Падением в рейтинге конкурентоспособности Россия обязана слабой эффективностью товарного (108-е место) и финансового (119-е место) рынков.

Рассмотрим далее, как оценивается *трудовой ресурс* России — второй главный оплот конкурентоспособности — в Глобальном докладе. К сожалению, состав показателей в разделе «Труд» год от года менялся особенно сильно, поэтому проследить эволюцию сферы труда можно лишь по нескольким косвенным показателям. Но мы сможем сравнить трудовой потенциал России и наших главных конкурентов с точки зрения его соответствия требованиям века нарождающейся экономики знаний, сопоставив уровни развития институтов, формирующих трудовой ресурс. К числу таких институтов, прежде всего, относится сфера образования и профессионального обучения (табл. 5).

В экономике знаний глобальная конкуренция становится все более интенсивной именно в сфере накопления и использования знаний (*knowledge-intensive competition*). И она будет все более нуждаться в рабочих экономики знаний (*knowledge workers*), в рабочей силе, обладающей «электронным мастерством» (*e-skills*), т.е. компьютерной грамотностью, образованной и творческой. В них особенно нуждаются в таких видах деятельности, в которых творчество, инновации и междисциплинарные рабочие группы являются инструментом конкурентоспособности. Уже сейчас разворачивается глобальная конкуренция

Характеристика институтов, формирующих трудовой ресурс России и других стран, в 2008–2009 гг. [2, с. 47] (места среди 58 стран)

Показатели	Россия	Китай	Индия	США	Германия	Япония
Качество системы образования	32	43	26	16	20	23
Качество математического и естественного образования	27	37	10	30	26	20
Качество высшего образования	35	49	39	5	20	22
Качество начального образования	30	32	46	23	22	21
Расходы на образование (в % от национального дохода – в скобках)	44 (3,5)	55 (2,0)	39 (4,0)	24 (4,8)	32 (4,3)	47 (3,1)
Сетевое обучение	71	54	31	2	15	32
Доступность Интернета в школах	38	32	39	11	20	22
Качество школ бизнеса	49	54	8	6	24	47
Распространение обучения персонала	54	41	29	11	9	4
Наличие местных исследовательских и учебных центров	49	34	28	2	3	6

за такую рабочую силу всех уровней – от рабочего до корпоративного лидера, и во всех отраслях. Ее не хватает потому, что существующие системы образования не могут «производить» рабочих и менеджеров, обладающих «электронным мастерством» в требуемом объеме и качестве, и в некоторых отраслях и регионах эта нехватка уже стала острой. США являются наиболее привлекательной страной для иностранной квалифицированной рабочей силы. С начала 1990-х гг. около миллиона высококвалифицированных профессионалов, главным образом ИТ-специалистов, из Индии, Китая, России, Канады, Англии и Германии эмигрировали в США. Кроме того, в США оседают треть всех иностранных студентов, обучающихся в странах ОЭСР.

Россия занимает неплохие места по качеству системы образования в целом, в том числе начального и высшего, качеству математического и естественного обра-

зования и доступности Интернета в школах, очень заметно выросшей с 2001 г. Но практически по всем показателям Россия находится позади развитых стран. Пятью позициями и ограничиваются наши конкурентные преимущества, относящиеся к качеству трудовых ресурсов. Наиболее проблемными факторами, связанными с состоянием трудового ресурса в России, в опросе, проведенном в рамках Глобального доклада по конкурентоспособности, называются неадекватное образование рабочей силы и низкий уровень трудовой этики.

Наши конкурентные преимущества, как и во времена СССР, заключены главным образом в науке и образовании, т.е. в отраслях, в развитии которых большая роль принадлежала государству. Те компоненты обоих ресурсов, которые зависят от развития бизнеса, т.е. от рыночных механизмов, по-прежнему находятся в малоразвитом состоянии.

1. Главная задача – формирование современной конкурентоспособной экономики [Текст] // Финансы. – 2010. – № 5. – С. 9.

2. Кудров, В. Экономика России: сущность и видимость [Текст] / В. Кудров // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 2. – С. 47.

3. Российский статистический ежегодник 2007: Стат. сб./Росстат. – М., 2007. Табл. 21.26. 32.

4. Трофимова, И.Н. Технологический и трудовой ресурсы конкурентоспособности России: состояние и перспективы [Текст] / И.Н. Трофимова // Вопросы статистики. – 2000. – № 9.

5. Porter, M. The Competitiveness Advantage of Nations [Text] / M.Porter. – N.Y., 1990.

6. The Global Competitiveness Report за соответствующие годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // www.weforum.org (дата обращения: 11.06.2011 г.).

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ЦИКЛИЧЕСКИХ КОЛЕБАНИЙ ПРОЦЕНТНОЙ СТАВКИ НА ОСНОВЕ ЕЕ СВЯЗИ С ЦИКЛАМИ СОЛНЕЧНОЙ АКТИВНОСТИ

УДК 330.11

С.А. ПОЛУЯХТОВ, В.А. БЕЛКИН

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. снова обнажил проблему неадекватного прогнозирования основных экономических показателей.

Одной из причин сложившейся ситуации является отсутствие прогнозов одного из важнейших экономических показателей — банковской процентной ставки. В своей статье «О прогнозе процентной ставки» Сергей Моисеев отмечает, что «в России налицо дефицит информации о будущей динамике денежного рынка» [4].

Не имея возможности получить прогноз процента из официальных источников, многие экономисты решают прогнозировать его сами. Поэтому нами предлагается разработать метод для прогнозирования процента, основанный на связи с циклами солнечной активности (далее СА), который будет давать точный прогноз без каких-либо трудоемких вычислений, что позволит применять его любому экономическому субъекту.

В качестве исходной мы принимаем гипотезу В.А. Белкина о том, что «циклические колебания основных макроэкономических показателей, в том числе таких, как уровень безработицы, уровень инфляции и средней ставки кредита, курс национальной валюты, дефицита (профицита) консолидированного бюджета, определяются циклами солнечной активности» [1, с. 49].

Для проверки данной гипотезы за период с 1947 по июль 2010 г. нами были взяты среднегодовые данные о числах Вольфа, которые пропорциональны количеству пятен на солнечном диске [6] и характеризуют СА. В качестве банковской процентной ставки, влияющей на состояние мировой экономики, за этот же период была взята ставка прайм-рейт [7]. Далее нами были построены графики изменения данных показателей во времени (рис.1).

Как показывает данная диаграмма, начиная с 1968 года, циклическость изменения ставки прайм-рейт в достаточной степени определяется циклами СА.

Стоит отметить некоторые особенности циклическости СА и ставки прайм-рейт. Во время фазы роста СА наблюдается также фаза роста банковской процентной ставки, и при достижении циклом СА своего пика процентная ставка сразу или спустя 1 год также достигает максимального значения. Во время фазы снижения СА одновременно уменьшаются и значения банковской процентной ставки. Однако примерно за один — два года до очередного минимума СА банковская процентная ставка достигает своего следующего максимума. Пока мы не можем точно определить причину повторного цикла банковской ставки в рамках цикла СА и можем высказывать только предположения или гипотезы.

Чтобы избавиться от влияния краткосрочных колебаний прайм-рейт, были рассчитаны средние значения анализируемых показателей по годам в точках перегиба кривой циклов СА и построены соответствующие графики (рис. 2).

Из диаграммы видно, что 11-летние циклы СА в достаточной мере совпадают с циклами банковской процентной ставки (коэффициент корреляции равен 79%), которые совпадают с циклами К. Жюльера. То есть рост СА приводит к росту прайм-рейт и, как следствие, в точках максимума к экономическому кризису.

На основе полученного результата, а также прогноза 24 цикла СА [5] (рис. 3), можно разработать прогноз значения ставки прайм-рейт. Следующий пик СА ожидается в 2013–2014 годах, и, следовательно, можно ожидать роста ставки прайм-рейт вплоть до 2013 года, а в 2013–2014 гг. нами прогнозируется очередной максимум данной ставки и последующий мировой финансовый кризис.

Рисунок 3 показывает, что следующий минимум СА должен произойти примерно в 2020 году. Следовательно, примерно в 2018 году произойдет очередной рост ставок процента, а затем в 2019 и 2020 гг. замедление темпов роста реального ВВП США или экономический кризис.

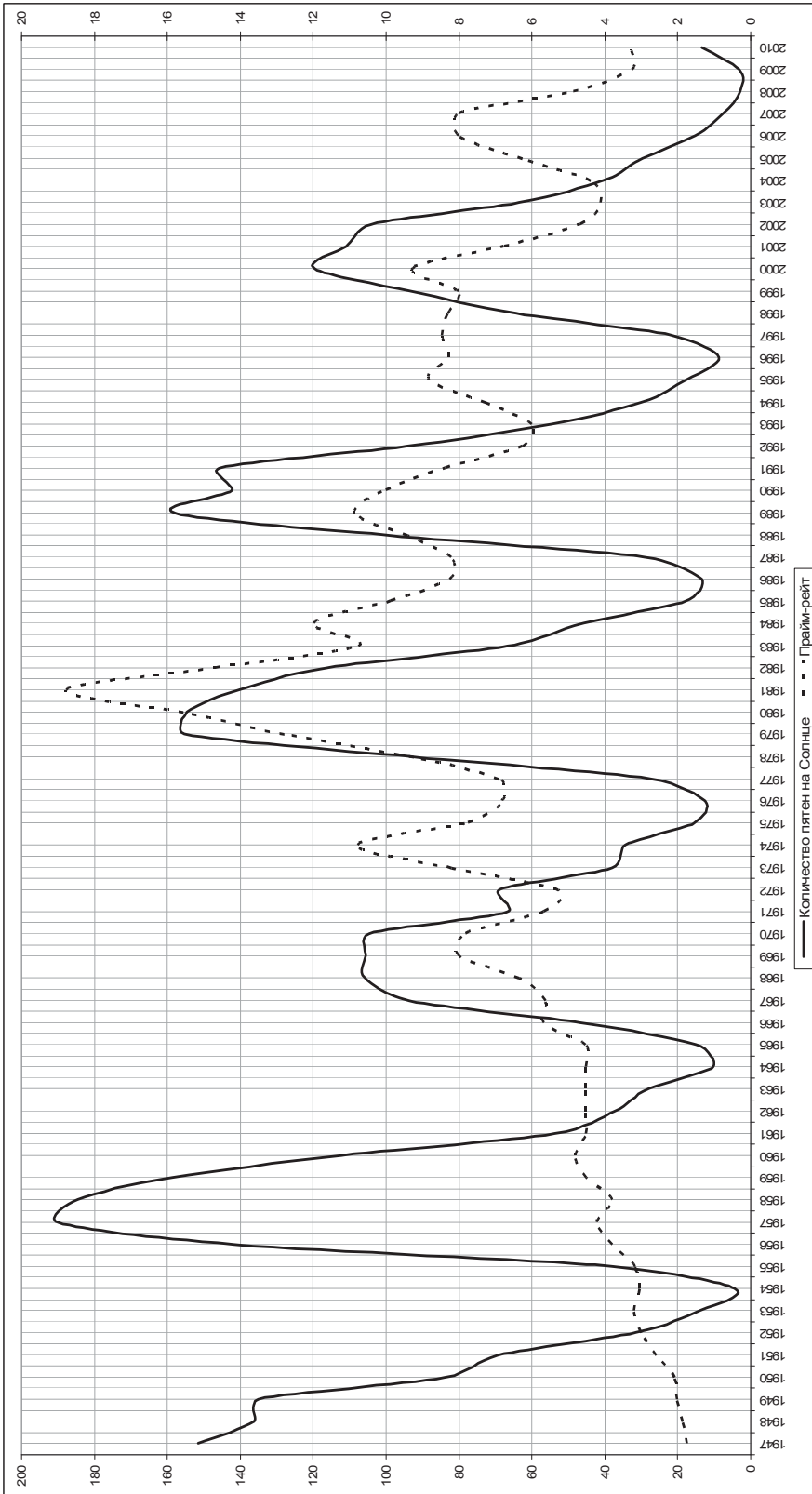

Рис. 1. Динамика изменения среднегодовых чисел Вольфа и ставки прайм-рейт

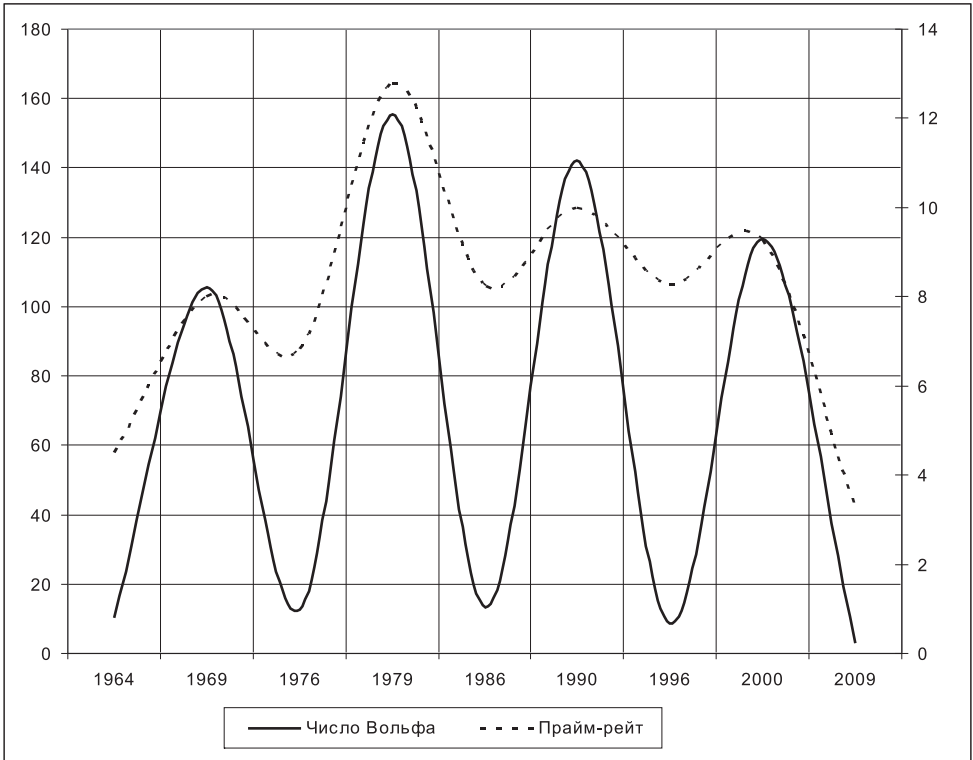

Рис. 2. Динамика изменения среднегодовых чисел Вольфа и ставки прайм-рейт в точках перегиба (экстремумах) кривой солнечной активности

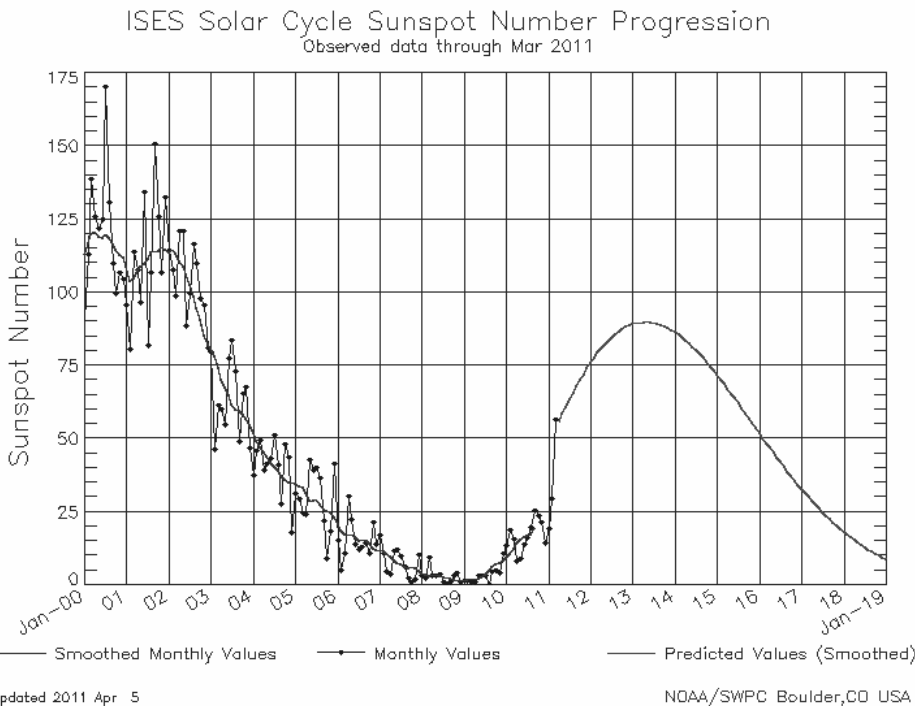

Рис. 3. Прогноз 24 цикла солнечной активности

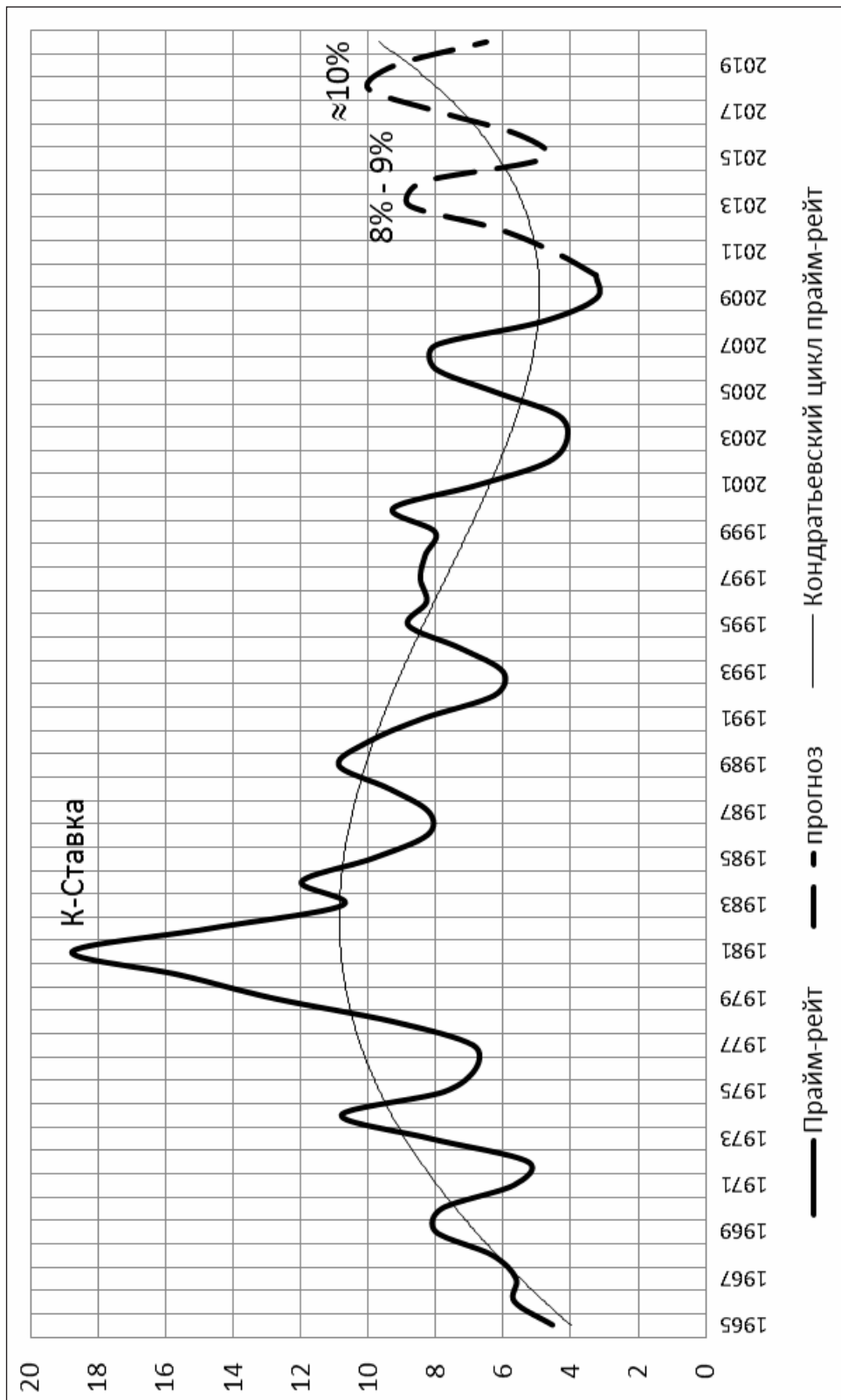

Рис. 4. Кондратьевский цикл ставки прайм-рейт и прогноз ставки прайм-рейт

Для того, чтобы дать более точный прогноз значения прайм-рейт в 2013 году, обратимся к теории волн Н. Кондратьева [3, с. 190]:

Циклам Кондратьева подчиняются все основные макроэкономические показатели, в том числе и банковская процентная ставка прайм-рейт, при этом в момент окончания цикла ставка достигает своего максимального значения. В подтверждение нашей гипотезы проанализируем рис. 1, из которого видно, что предпоследний минимум экономических показателей мировой экономики был в 1982 году и сопровождался максимумом банковской процентной ставки, который мы предлагаем назвать *Кондратьевским максимумом ставки прайм-рейт (К-ставкой)*. До К-ставки наблюдался рост прайм-рейт, после — снижение. Данные циклы мы предлагаем называть *большими циклами ставки прайм-рейт*.

Согласно исследованиям молодого японского ученого Симанака Юдзи один Кондратьевский цикл равняется пяти циклам СА, или 55 годам [8]. Исходя из данной теории и того, что за период с 1982 г. по 2010 г. имели место два цикла СА, можно предположить, что 2010 год является точкой перегиба большого цикла прайм-рейт и в дальнейшем будет наблюдаться её рост. Следовательно, локальный максимум прайм-рейт в 2013 году будет выше локального максимума данного показателя в 2009 году и находится примерно на уровне локального максимума 2000-го года.

Таким образом, ставка прайм-рейт в 2013 году достигнет своего промежуточ-

ного очередного максимума в среднесрочной перспективе на уровне 8–9 %, что с высокой степенью вероятности повлечет очередной мировой финансовый кризис (рис. 4).

Аналогичным образом локальный максимум прайм-рейт в 2018 году будет выше локального максимума данного показателя в 2013 году, но ниже локального максимума данного показателя в 1989 году, то есть ее значение будет находиться примерно на уровне 10% (рис. 4).

Максимумы активности солнца будут и в дальнейшем приводить к росту российской банковской процентной ставки по кредитам и, соответственно, к очередному финансовому кризису. Полученный результат чрезвычайно важен для всего экономически активного населения, так как на его основе можно принимать долгосрочные инвестиционные решения и объективно оценивать будущее развитие экономики страны.

Итак, в результате данного исследования:

1. Выявлена высокая степень связи циклов СА и банковской процентной ставки на примере ставки прайм-рейт.
2. Предложено ввести в научный оборот понятия Кондратьевского цикла банковской ставки (на примере ставки прайм-рейт) и Кондратьевского максимума (минимума) данной ставки.
3. Разработан средне- и долгосрочный прогноз очередного максимума ставки прайм-рейт и мировых финансовых кризисов.

1. Белкин, В.А. Взаимосвязь циклов солнечной активности и циклов основных макроэкономических показателей [Текст] / В.А. Белкин // Социально-экономическое развитие России в посткризисный период: национальные, региональные и корпоративные аспекты: материалы XXVII международной научно-практической конференции / УрСЭИ АТиСО. — Челябинск, 2010, Ч.1. — с.45–49.

2. Белкин, В.А. Циклы солнечной активности как основа деловых циклов [Текст] / В.А. Белкин. — Екатеринбург, 2011. — 56 с.

3. Коротаев, А. В. Кондратьевские волны в мировой экономической динамике / А.В. Коротаев, С.В. Цирель / Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / Отв. ред. Д.А. Халтурина, А.В. Коротаев. — М.: Либроком/URSS, 2010. С. 189–229 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. Режим доступа: http://cliodynamics.ru/download/M02Korotayev_Tsirel_KONDRATYEVSKIE_VOLNY.pdf (дата обращения: 15.07.2011 г.).

4. Моисеев, С.О прогнозе процентной ставки // Slon.ru. Деловые новости и блоги: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slon.ru/blogs/moiseev/post/124329/> (дата обращения: 15.07.2011 г.).

5. Солнечный прогноз: Ниже среднего // Популярная механика: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.popmech.ru/article/5520-solnechniy-prognoz/> (дата обращения: 15.07.2011 г.).

6. Статистические данные чисел Вольфа // Центр анализа данных по влиянию Солнца. Бельгия: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sidc.oma.be/DATA/monthssn.dat> (дата обращения: 15.07.2011 г.).

7. Статистические данные ставок прайм-рейт, // Сайт экономической статистики MORTGAGE-X: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mortgage-x.com/> (дата обращения: 15.07.2011 г.).

8. Configuring: Transformative policy cycles // The Union of Intelligible Associations: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un-intelligible.org/projects/transfor/64envpat.php> (дата обращения: 15.07.2011 г.).

ОНТОЛОГИЯ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 124.5

А.Н. ЛУКИН

Нет сомнения, что ценности в жизни человека имеют определяющее значение. Человеческое существование — это ценностно-ориентируемое бытие. Мир ценностей сложен и трудноописуем. Они разнообразны, неоднородны и различным образом субординированы. Вне ценностей трудно представить человеческое существование. В них отражается человеческая сущность, они притягивают к себе сознание людей и во многом определяют направление деятельности личности.

Философия во все времена проявляла большой интерес к исследованию природы ценностей. Особое внимание аксиологический аспект человеческого бытия приобретал в период изменений в социуме ценностных ориентаций, ломки сложившихся стереотипов, кризисных процессов в духовной сфере жизни общества. Всякий раз, обращаясь к этой проблематике, философия открывает новые грани, стороны, нюансы мира ценностей, уточняет их роль в жизни человека и общества, пытается глубже проникнуть в понимание природы самого человека как ценностно-ориентированного существа. Философская рефлексия предполагает использование и переосмысление опыта, накопленного в своей истории, его актуализацию.

Ряд мыслителей усматривают природу ценностей в бытии социума, рассматривая их как механизм подчинения индивида общественному целому. Эту позицию отстаивали Э.Дюркгейм, К.Маркс, М.Вебер, Т.Парсонс, П.А. Сорокин, О.Шпенглер, А.Тойнби и др. Осуществляя классификацию философских теорий ценностей, В.И. Плотников назвал этот подход аксиологическим нормативизмом. В этом подходе акцент делается на том, что базовые ценности усваиваются индивидом в процессе социализации и инкультурации. Таким образом осуществляется воспроизводство ценностей, их трансляция от одного поколения другому. В культуре есть трансляционный блок (семья, система образования, средства массовой коммуникации, учреждения культуры и т.д.), который передает новому поколению людей не только знания,

навыки, умения, но и ценностные представления. Конечно, на индивидуальном уровне возможны существенные отклонения от общих ориентиров. Отличия также наблюдаются на уровне субкультур. Но в целом каждому культурному типу соответствует своя система ценностей. Множественность ценностных систем органически связана с множественностью культурных типов, относительно непроницаемых друг для друга (О.Шпенглер). Представители этого подхода считают, что через ценности социум подчиняет сознание человека интересам общества, превращает индивидов и социальные группы в элементы единого общественного организма. Неприятие господствующих ценностей превращает личность в дисфункциональный для конкретного социума элемент. С другой стороны, ценностный неконформизм отдельных личностей — это возможность социальной эволюции. История знает немало примеров того, как культивируемые единицами, но отвергаемые большинством ценности, со временем становились элементами общественного сознания. При этом осуществлялся переход к новому типу общества.

В соответствии с аксиологическим нормативизмом ценности — это регуляторы человеческого поведения, выработанные в ходе развития социальной системы. Культура подчиняет отдельную личность обществу, скрепами которого ценности и являются. Для более эффективного ценностного регулирования поведения возникают представления «...о надличностной (идеализированной) природе ценностей, об их принадлежности к миру культуры, порождающему все многообразие социокультурных ориентаций» [2, с.197]. Пусть ценности и созданы людьми, но теперь они служат обществу и имеют надличностный характер.

Согласно этому подходу субъективно человеку кажется, что он сам выбирает линию своего поведения, отдавая предпочтение определенным ценностям. Часто это сопровождается глубокими личными эмоциональными переживаниями. Но на самом деле все это происходит в интересах общества, которое способно увлечь

человека, представляя перед ним в разных образах, будь то «справедливое будущее», «Царство Небесное», «чувство долга» или что-то другое. Э. Дюркгейм считал, что даже Бог — это не что иное, как персонифицированное общество, это уловка социума, позволяющая навязывать человеку ценности, выгодные для функционирования единого общественного организма. Религия, распространяя свои ценности, выполняет при этом важнейшую функцию — интеграцию людей в единую систему. Идеология современного общества выполняет ту же задачу — распространяет и поддерживает в общественном сознании ценности, призванные обеспечить существование того или иного типа общества. Соответственно, контркультура пытается противопоставить доминирующей культуре иную систему ценностей. Она направлена на разрушение устоявшихся социальных связей и для конкретного типа общества представляет серьезную угрозу. Ценностный вакуум губителен для социума. Без ценностных скрепов общество существовать не может. Неслучайно идеологические войны современной эпохи предполагают разрушение системы ценностей противоборствующей стороны. При этом не нужно вооруженного вторжения на территорию противника, общество само разваливается после уничтожения прежних ценностных скрепов.

В. Вундт, Ф. Бретано, А. Мейнонг, Д. Дьюи, А. Камю, Ж.-П. Сартр и др. рассматривают ценности под другим углом зрения. Их сущность этими мыслителями усматривается в субъективности человеческого бытия, уникальности внутреннего человеческого мира, чувственно-эмоциональной стороны жизни, неповторимости личного опыта. В. И. Плотников назвал такой подход аксиологическим субъективизмом. В этом подходе абсолютизируется множественность индивидуальных ценностных систем, обращается внимание на возможность личного выбора между разными ценностями. Свобода выбора и ответственность за предпочтительные лежат на конкретном человеке. Пусть одной своей гранью ценности укоренены в объективных потребностях человека, зато другой они погружены в иррациональную сторону человеческого существа. В традиции экзистенциализма субъективная сторона индивидуального духа не может быть раскрыта в рациональных понятиях, она

принципиально непостижима. Поэтому и природа ценностей конкретного человека не может быть раскрыта для других людей. В этой связи понятна попытка прагматизма сосредоточить свое внимание не на выявлении природы человеческих ценностей, а на систематизации стимулов и соответствующих им реакций. Экзистенциалисты же, напротив, сосредоточились на внутренней духовной жизни человека, в которой только и проявляется смысл жизни личности. Но в силу своей уникальности этот опыт не может стать предметом научных обобщений. К нему неприменимы принципы верификации и фальсификации. Поэтому эти философские положения не претендуют на статус научных. Экзистенциализм лишь готов предоставить личности возможность самоопределения, предполагая наличие бесконечного набора индивидуальных ценностных ориентаций. Так как «существование человека предшествует сущности» (Ж.П. Сартр), индивид сам выбирает свои жизненные ориентиры и несет за это ответственность перед самими собой. При таком подходе возникает опасность ценностного релятивизма и волюнтаризма. Возникает впечатление возможности индивида выбирать ценностные ориентации по своему произволу. Культура лишь предоставляет варианты, а у человека всегда присутствует возможность выбора.

Религиозное направление в рамках экзистенциализма пытается ограничить ценностный субъективизм, соотнося экзистенцию (индивидуальное уникальное духовное бытие человека) с трансценденцией (тем, что находится за пределами эмпирически воспринимаемого мира и управляет им). Например по К. Ясперсу, без встречи с трансценденцией личность никогда не получит правильного жизненного направления, экзистенция раскрывается человеку только свыше. Религиозный экзистенциализм перекидывает мостик от аксиологического субъективизма к аксиологическому трансцендентализму.

Представители подхода, названного В. И. Плотниковым аксиологическим трансцендентализмом, считают, что ценности даны человеку извне, они укоренены в эмпирически не воспринимаемом мире, будь это мир «абсолютных эйдосов» (Платон) или Бог (А. Блаженный, Ф. Аквинский и вся религиозная традиция). К привержен-

цам этого подхода следует также отнести И.Канта, В.Виндельбанда, Г.Риккерта и др. Как отмечает Н.Л. Худякова, «в учениях, принадлежащих к аксиологическому трансцендентализму, ценности понимаются как то, что человеку задано свыше, которых в жизни человечество никогда не достигало. В рамках религиозных теорий вещь о ценностях приходит к человеку через откровение. Атеистические теории возлагают надежду на интуицию» [3, с. 16]. В рамках этого подхода ценности часто приобретают сакральный смысл. Поэтому они устойчивы. На их высокий статус невозможно покушаться, не посягая при этом на авторитет Абсолюта. Как отмечает В.И. Плотников, «образуя особое «царство смысла», такие высшие общезначимые ценности, как истина, красота, добро, оказываются, в конечном счете, непостижимыми для науки. О смысле добра или истины можно сказать только то, что выше науки стоят интуитивная ориентация на абсолютные принципы интеграции всех предпочтений, идеальная «чистая норма», способная синтезировать все множество специфических норм, иррациональная ориентация, направленная на достижение трансцендентальных целей (нирвана, мистический экстаз, откровение, вера в Бога) и т.д.» [2, с.197].

Конечно, в повседневной жизни отдельный индивид в конкретной ситуации может поступать вопреки господствующим ценностным установкам. Однако при этом он должен испытывать угрызения совести, раскаяние, быть осуждаемым общественным мнением и пр. Ценности выполняют свою ориентирующую функцию, сопротивляясь таким способом возможным отклонениям.

По данному подходу, сущность ценностей не может быть постигнута наукой, так как они пришли в человеческий мир из трансцендентного сверхчувственного мира. Главный способ проникновения в их природу — это откровение. Другие мыслители делали акцент на том, что они априорны человеку и поэтому постигаются не разумом, а актом веры (И.Кант). Ценности, согласно данной установке, призваны способствовать освобождению человека от пороков, его духовному подъему, спасению бессмертной души и т.п. Как и в аксиологическом нормативизме, в аксиологическом трансцендентализме ценности рассматриваются как важнейший регулятор

поведения человека. В первом случае они направляют человеческую активность на благо общества, а во втором — на обеспечение возможного вечного блаженства за пределами земной жизни.

Большинство специалистов в наше время утверждают, что ценности не существуют сами по себе, а проявляются только в отношении человека к миру, обществу, самому себе. В теориях аксиологического онтологизма (В.И. Плотников) предпринимается попытка освободиться от субъективизма, мистики и трансцендентного идеализма. Природа ценностей здесь усматривается в единстве объективных сторон действительности и направленного на них сознания. Тогда «ценностью оказываются интенциональные предметы, т.е. предметы, которым придан и предзадан смысл» [2, с. 198]. Вместе с тем, здесь предпринимается попытки не допустить релятивизма в понимании ценностей, для этого их природа выводится из закономерностей развития мира и его целостности. Человек принадлежит миру как его неотъемлемый элемент. Ценности связывают человека с действительностью, согласовывают его преобразовательную деятельность с «интересами» мира в целом, позволяют личности адаптироваться к миру, достичь гармоничного согласия с ним на уровне субъективного переживания. Например, современное экологическое сознание соединяет человека с миром природы. Нравственные и правовые нормы, многие традиции и обычаи способствуют объединению отдельных людей в социальный организм. Корпоративные ценности призваны сплотить коллектив той или иной организации.

Рассмотрим, каким образом в рамках данного подхода выводится природа ценностей. Н.Л. Худякова в качестве основы бытия человека выделяет форму его отношения с действительностью, устанавливаемого с помощью культурного средства, т.е. культурно опосредованной формы отношений. Она предлагает следующую структуру культурно опосредованной формы отношений человека к миру:

— объект отношения — мир, существующий сам по себе, независимо от человека по своим закономерностям;

— субъект отношений — активная, творческая свободная сторона отношения (сам индивид, группа, народ, человечество);

– средство отношения – культурная форма, то, что человек помещает в качестве проводника воздействия на мир и проводника обратного действия мира на человека;

– предмет отношения – объект, взятый в отношении к субъекту через средство (культуру).

Таким образом, в отношении человека с миром культура предстает «призмой», через которую мир для человека становится предметным [3, с. 40]. Представители аксиологического онтологизма рассматривают ценности как культурные средства, опосредующие взаимосвязь человека с бытием.

Очевидно, что отличные друг от друга ценности связывают человека с бытием разного уровня. М.Шелер различает ценности на основании того, какие противоречия они помогают разрешить. К первому уровню он относит ценности, выводящие человека за предметности витальных противоречий, затем противоречий душевной жизни и, наконец, противоречий духовной сферы. Направленность выхода «за» определяется последней ценностной модальностью святого.

Интересную методологию исследования инвариантной структуры личностных ценностей предлагает А.Б. Невелев. По его мнению, ценности могут быть представлены как стремление к следующим предметностям мира:

1) предметности мира – 1 (П-1) – мир материальных предметов и чувственно воспринимаемых свойств этих предметов;

2) предметности мира – 2 (П-2) – это формы отношений между объектами и явлениями мира, зафиксированные на уровне общих представлений, это мир устойчиво повторяющихся способов взаимодействия, норм, правил поведения и деятельности людей;

3) предметности мира – 3 (П-3) – это мир, представленный через теории, идеи и т.п., посредством знаковых систем, прежде всего языка, на уровне понятий;

4) предметности мира – 4 (П-4) – культура, представленная предельно универсальными законами – универсальными категориями «ничто» и «все» (небытие и бытие), мир в единстве всех его предметностей [1].

По А.Б. Невелеву, иерархическая структура ценностей соотносится с основными уровнями предметности мира, так

как предметы или предметности составляют характеристику любой личностной ценности.

Индивидуальные отличия личностных систем ценностей возникают в силу нескольких причин. Во-первых, ценности, расположенные в системе ценностей на 1, 2 и 3-м уровнях, тождественны уровням предметности мира. Но четвертый уровень может быть представлен ценностью, в основании которой лежит и предмет (предметность) мира – 1, и предмет (предметность) мира – 2, и предмет (предметность) мира – 3, и предмет (предметность) мира – 4. Свойство иерархических структур таково, что верхний элемент подчиняет себе все нижерасположенные. Таким образом, возникает ценностная ориентация как избирательное отношение человека к ценностям, как способ дифференциации объектов по их значимости.

Во-вторых, каждый уровень предметности культуры может быть представлен в системе личностных ценностей различными предметами и различным количеством этих предметов. Увеличение числа предметов, которые могут выступать в разных отношениях человека с действительностью в качестве ценностного основания этих отношений, расширяет сферу свободы человека. Но качественно новых степеней свободы человек достигает в том случае, если происходит ценностный переход с одного на другой, более абстрактный, уровень предметности культуры как на более значимый [1].

А.С. Кармин и Е.С. Новикова выделяют финальные, инструментальные и производные ценности. К финальным ценностям они относят высшие идеалы и ценности, которые являются конечными целями жизненных устремлений человека. Стремление к ним не нуждается в дополнительном субъективном обосновании.

Инструментальные ценности представляют собою средства, необходимые для достижения и сохранения финальных ценностей. Иногда одна и та же ценность может быть у разных людей как финальной, так и инструментальной. Например, власть может восприниматься как средство установления справедливых отношений между людьми (инструментальная ценность), но у кого-то власть сама по себе желанная финальная цель.

Производные ценности — это следствия или выражения других ценностей, имеющие значимость лишь как признаки и символы последних. Так, Государственный флаг воспринимается как ценность, будучи символом, отражающим более глубокую ценность — любовь к Родине. Любовь к Родине отражается в великом множестве других производных ценностей (Гимн, скульптурное произведение «Родина-мать», героические поступки защитников Отечества и т.д.).

У людей сложная иерархическая структура ценностей. На вершине этой своеобразной пирамиды — финальные ценности. Они относительно устойчивы. Если и происходит их «переоценка», то это, как правило, сопровождается глубокими экзистенциальными переживаниями с временной утратой жизненных ориентиров, потерей самого смысла жизни. Кроме того, иногда наблюдается явление субъективного повышения статуса производных или инструментальных ценностей, когда индивид перестает осознавать их вторичность. Примерами такой ценностной подмены могут служить «вещизм», «накопительство», «погоня за внешними атрибутами престижа» и т.д. В конечном счете, для человека это чаще всего заканчивается разочарованием из-за осознания бессмысленности растроченной жизненной энергии. Важно отметить, что при этом человек утрачивает свою органическую связь с бытием в целом, ограничиваясь ориентацией на отдельные фрагменты бытия. Психологически это сопряжено с отсутствием субъективного ощущения целостности индивидуального бытия.

Попробуем суммировать некоторые характеристики ценностей, обнаруженные разными философскими традициями:

1. Природу ценностей следует искать в культурно-опосредованной связи человека с миром. Ценности — это важные ориентиры, без которых личность, находящаяся в

«просвете бытия» (М. Хайдеггер), не в состоянии выбрать устойчивое направление. Ценностям изначально присуща регулятивная функция.

2. Ценности позволяют человеку соединиться с целым, преодолеть разобщенность бытия, стать элементом единого с присущими ему функциями. Это еще одна грань функции социального регулирования.

3. Ценностный выбор — это всегда субъективное, эмоционально окрашенное переживание. Для того, чтобы проявить себя в индивидуальном бытии, ценности должны «захватить» сознание человека. Смена ценностных ориентаций чаще всего сопровождается глубоким экзистенциальным кризисом.

4. Существуют ценностные иерархические структуры как на уровне культуры личности, так и на уровне группового или общественного сознания. Сила влияния той или иной ценности на поведение человека или общественные процессы в значительной степени зависит от ее места в иерархии ценностей.

5. Каждая система ценностей — это конкретно-историческое явление. Для разных культурных типов и исторических эпох характерна своя специфика ценностных ориентаций.

6. Наиболее устойчивое положение в культуре занимают те ценности, которые воспринимаются сознанием как сакральные. Они выводят человека за пределы конкретного предметно воспринимаемого бытия и витальных потребностей и соединяют человека с бытием мира в целом.

7. Объяснение природы ценностей предполагает выход на предельный уровень осмысления бытия, смысла человеческого существования. Это выводит исследователя к пределам возможностей традиционной науки и объясняет наличие множества конкурирующих между собой концепций ценностей.

1. Невелев, А.Б. Событие духа: от мысли к Лику [Текст] / А.Б. Невелев — Челябинск: ЧГИИК, ЧИПКРО, 1997. — 203 с.

2. Плотников, В.И. Ценностный мир человека и его судьба // Двенадцать лекций по философии [Текст] / В.И. Плотников — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юр-кой академии, 1996. С. 193 — 224.

3. Худякова, Н.Л. Онтологическое основание возникновения и развития ценностного мира человека [Электронный ресурс] / Н.Л. Худякова // Дисс... д-ра филос. наук: 09.00.01 — М.: РГБ, 2005.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО В СССР КОМБИНАТА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПЛУТОНИЯ

УДК 621.039

О.Ю. ЖАРКОВ

В конце Второй мировой войны военнотехническая революция особенно проявилась в создании атомного оружия, появление которого в США, а затем в СССР, имело не только большое политическое, военностратегическое, но и научно-техническое значение.

Война создала условия для дальнейшего развития научно-технической революции. Более совершенная техника и средства научных исследований в Германии, Англии, Франции и США были к тому времени обеспечены тесным сотрудничеством ученых и промышленников в области создания традиционных вооружений нового поколения. Развитый научно-технический потенциал этих стран позволял рассматривать последние достижения ядерной физики в качестве производительной силы.

В СССР военно-техническая революция началась гораздо позже, чем на Западе. По сути, всю первую половину XX века СССР находился в роли «догоняющего» развитые индустриальные страны.

Ядерная физика в довоенный период в СССР, в отличие от математики, химии, биологии, не рассматривалась академической наукой в числе перспективных с точки зрения прикладного использования. В 1920-х — начале 1930-х гг. это направление в науке в основном развивалось на теоретико-экспериментальном уровне в русле общемирового опыта. К моменту появления научных открытий в Англии и Франции в СССР еще не сложилась своя школа ядерной физики [22, с.73, 82].

В целом период развития советской ядерной физики в первой половине 1930-х гг. характеризовался деятельностью небольших, разрозненных групп ученых в институтах, подчиненных АН СССР и наркоматам НКМаш, НКТяжпром, НКОП и другие [3, с. 44]. Ядерные лаборатории большей частью проводили исследования по тематике, интересующей наркомата, которые

не спешили обеспечивать экспериментальные работы по ядру ни кадрами, ни технической базой.

В тот период сыграла свою положительную роль доступность зарубежных публикаций. Поступающая информация и практическая возможность повторения некоторых из зарубежных опытов стимулировали ядерные исследования в СССР, их начали проводить сразу в нескольких физических институтах — Ленинградском (ЛФТИ), Харьковском (УФТИ), Физическом институте при Академии наук (ФИАН) и Радиовом институте (РИАНе). С 1933 по 1940 г. регулярно организовывались Всесоюзные конференции и совещания по вопросам физики атомного ядра с приглашением крупнейших зарубежных ученых, что способствовало развитию отечественной ядерной науки.

С середины 1930-х гг. советские ученые, имевшие более скромные технические возможности по сравнению со своими зарубежными коллегами, сосредоточились на теоретических и экспериментальных исследованиях популярной урановой проблемы, и в этом преуспели.

В 1935 году И.В. Курчатов с группой ученых открыл явление ядерной изомерии, в 1936 году Я.И. Френкель предложил капельную модель ядра и ввел темодинамические понятия в ядерную физику. В 1940 году Ю.Б. Харитон и Я.Б. Зельдович из Института химической физики АН СССР теоретически обосновали необходимые условия для создания цепной ядерной реакции в уране-235, а Г.Н. Флеров и К.А. Петржак в лаборатории И.В. Курчатова (ЛФТИ) открыли явление самопроизвольного деления урана [23, с. 42]. Эти открытия уже имели мировое значение для ядерной науки. На данном этапе исследований ученые пришли к заключению, что уран-235 содержится в природном уране в очень малом количестве — не более 0,7%. Следовательно, для его получения понадо-

бятся многие тонны сырья – природного урана [2, л. 87].

К тому времени в СССР сырьевой базы урана еще не существовало. О ее создании и централизации урановых исследований активно хлопотали перед Совнаркомом СССР и АН СССР крупные ученые академики В.И. Вернадский, В.Г. Хлопин и А.Е. Ферсман. Благодаря их усилиям 30 июля 1940 года Президиум АН СССР утвердил Комиссию по проблеме урана (председатель – академик В.Г. Хлопин) для общего руководства всеми научно-исследовательскими работами по урану в стране [1, л. 182–185]. Однако до войны Комиссия по урану успела сделать практически немного. Фундаментальные исследования продолжали проводиться одновременно в ЛФТИ, РИАНе и ФИАНе, тематика и планы НИР не согласовывались между институтами, что распыляло научные силы, количество исследований не переходило в качество.

Сырьевую базу урана бригада академика А.Е. Ферсмана до войны создать также не смогла. Геологоразведка отмечала бедность урановых руд Средней Азии. В Комитете по делам геологии при СНК СССР не было ни одного геолога-специалиста по урану. Примитивное оборудование поисковых групп составляло ограниченное количество приборов для определения радиоактивности горных пород. В поисковых работах радиоактивных элементов от физических институтов участвовала только группа из РИАНА [21, с. 30].

К июню 1941 г. ученые ЛФТИ пришли к заключению, что в металлическом уране-235 можно осуществить цепную реакцию и взрыв исключительной силы [20, с. 125]. Однако не было возможности экспериментально проверить теории ученых: в ЛФТИ не был построен мощный циклотрон, а в РИАНе циклотрон работал нестабильно, что не позволяло систематически вести эксперименты. По воспоминаниям академика Ю.Б. Харитона, в советской науке того времени, вопреки мнению небольшой группы энтузиастов, преобладали суждения, что решение проблемы урана – дело не близкого будущего, «...для успеха потребуется 15–20 лет» [18, с. 42]. Вероятно, учитывая мнение авторитетных ученых, правительство и руководство Академии наук СССР не спешили вкладывать средства и развивать ядерную физику.

С началом Великой Отечественной войны все урановые исследования почти прекратились. АН СССР и ведущие физические институты эвакуировались в г. Казань, где выполняли исследовательские работы оборонной тематики. До середины 1942 года ученые и руководство страны не рассматривали использование урановой проблемы в военных целях. Однако в конце сентября 1942 года работам по урановой проблеме было суждено возобновиться. Правительством были поставлены перед наукой совсем иные задачи чем до войны, а именно – возобновить урановые исследования с целью создания атомной бомбы. 28 сентября 1942 г. вышло распоряжение Государственного Комитета Обороны № 2352 «Об организации работ по урану», которое, по преобладающему ныне в атомной отрасли мнению, положило начало Атомному проекту по созданию ядерного оружия и созданию атомной отрасли в СССР [13, с. 9].

По нашему мнению, в Кремле решили обойтись минимумом – создать отдельную лабораторию, чтобы через полгода получить от ученых ответ: возможно в СССР создать урановую бомбу или нет? Больших ресурсов государство дать ученым пока не могло. Ресурсов хватало только на обновление прежних экспериментов. В условиях войны, при отсутствии научно-технической и экспериментальной базы, кадров, а также знаний необходимого уровня, советским ученым крайне требовалась научная и техническая информация о проведении зарубежных исследований по созданию атомного оружия, чтобы успешно и быстро развивать собственный Атомный проект. С началом войны публикации статей по урановой проблеме в западных журналах прекратились совсем, но получить для ученых необходимую информацию помогла научно-техническая разведка.

Роль советской научно-технической разведки в создании атомного оружия до сих пор неадекватно оценивается учеными-ядерщиками, историками и самими руководителями, ветеранами разведслужб [9]. Однако именно систематическая передача разведанных в 1941–1942 гг. убедила наркома Л.П. Берия, и затем И.В. Сталина, что атомная бомба, создаваемая на Западе, не вымысел, а изучение И.В. Курчатовым поступающих из-за рубежа документов

значительно ускорило работу советских ученых над Атомным проектом. С 1941 по 1945 г. были переданы в руки советских ядерщиков тысячи фотокопий листов информации [10, с. 54–55].

Однако в первые месяцы Атомный проект почти не продвинулся в реализации. Распоряжением ГКО от 11 февраля 1943 года, по протекции академика А.Ф. Иоффе, новым научным руководителем Атомного проекта был официально назначен И.В. Курчатов. 12 апреля 1943 г. в составе Академии наук СССР создается отдельная научная организация Лаборатория № 2 (ныне – РНЦ «Курчатовский институт») [12, с. 5–6], в которой стали проводиться все основные теоретические и экспериментальные работы по Атомному проекту. И.В. Курчатову удалось объединить в лаборатории специалистов, до войны занимавшихся проблемой урана в разных институтах: Я.Б. Зельдович, Ю.Б. Харитон, Г.Н. Флёрер, К.А. Петржак и др. К исследованиям были привлечены ведущие институты страны: Радиевый, Ленинградский физико-технологический институт, Институт органической химии, МГУ, Государственный НИИ редких и малых металлов (Гиредмет) и др. Все группы получили от Лаборатории № 2 специальные задания. Сама Лаборатория № 2 была переведена в Москву, где продолжила теоретические расчеты и эксперименты.

К весне 1944 года ученым уже были известны различные методы производства ядерных взрывчатых веществ. Однако имевшаяся неясность, какое из веществ – плутоний или уран-235 является более подходящим для бомбы, определила основные направления исследований – стали изучать проблему «котлов» (так сначала называли атомные реакторы) для наработки плутония и проблему деления изотопов урана [17, с. 391]. Решение этих проблем требовало создания специальных установок – реакторов для наработки плутония и диффузионных машин для получения обогащенного урана-235.

Для постройки реактора были необходимы тонны металлического урана и графита. Поэтому, параллельно с проектными работами, требовалось в кратчайшие сроки решить проблему сырья. 27 ноября 1942 г. Государственный Комитет Оборона издал постановление «О добыче урана», которое некоторые исследователи считают

первым правительственным актом, положившим начало созданию сырьевой базы для атомной промышленности СССР [11, с. 172].

Наркомат цветной металлургии СССР, Комитет по делам геологии при СНК СССР активно включились в работу по геологоразведке и добыче урана, но результаты были «ничтожно малы». До 1943 г. все разведанные запасы урана в стране оценивались в 100–120 тонн. Между тем, только на создание конструкции экспериментальных реакторов требовалось не менее 100 тонн урана. Но в 1943–1944 гг. в Советском Союзе не оказалось месторождений, аналогичных месторождениям бельгийского Конго и Канады, практически полностью обеспечивавших атомные заводы США урановым сырьем [15, с. 321]. Положение с нехваткой сырья во второй половине 1944 г. становится катастрофичным для продолжения исследований. После безответных обращений письмами к самому И.В. Сталину И.В. Курчатов обратился к заместителю председателя ГКО Л.П. Берии [4, с. 127]. Подключение к проекту Л.П. Берии стало переломным моментом во всех дальнейших исследованиях и работах по Атомному проекту СССР.

Именно с конца 1944 г. стали выходить постановления и распоряжения ГКО, кардинально изменившие ход последующих работ по обеспечению сырья, материалами, кадрами и финансированию проекта И.В. Курчатова. Ядерная физика в СССР постепенно начала обретать приоритет и получила шанс стать одним из основных направлений в развитии отечественной военно-технической революции, потеснив радиолокацию и ракетостроение.

Л.П. Берия добился, чтобы Государственный Комитет Оборона с декабря 1944 г. возложил на подведомственный ему НКВД СССР все работы по разведке, добыче и переработке урановой руды в стране, а также строительство и эксплуатацию рудников, обогатительных фабрик, перерабатывающих заводов. В составе Главного управления лагерей (ГУЛАГ) для горно-металлургических предприятий наркомата организуется новое управление по урану – «Спецметуправление НКВД СССР» и научно-исследовательский институт «Институт специальных металлов НКВД – Инспецмет НКВД» [5, с. 181]. С января 1945 г. нарком Л.П. Берия начал

издавать приказы по проблеме урана, которые направлялись начальникам Главных управлений НКВД СССР. 15 мая 1945 г. организуется в составе НКВД комбинат №6 — первая сырьевая урановая база страны [16, с. 254].

Тем не менее, решить сырьевую проблему до конца войны и ведомству Л.П. Берии не удалось. Урана добывалось на отечественных рудниках мало, его не хватало даже для загрузки первого экспериментального реактора Ф-1, строящегося на территории Лаборатории №2. Причина заключалась в бедности открытых месторождений, слабой механизации работ и отсутствии технологии переработки руд, исключавшей большие потери урана в отходах.

В мае 1945 г. группа научных сотрудников Лаборатории №2 во главе с заместителем члена ГКО В.А.Махневым была направлена в Германию, где обнаружила и вывезла в СССР 250 килограммов металлического урана, 3 тонны окиси урана, 20 литров тяжелой воды и $\frac{1}{2}$ грамма радия [6, с. 284, 287]. Кроме того, находящийся в Германии заместитель наркома внутренних дел СССР А.П. Завенягин докладывал Л.П. Берии, что в СССР были направлены обнаруженные дополнительно 250–300 тонн урановых соединений и около 7 тонн металлического урана [7, с. 323–324]. Так, долгое время недостающее для начала работы над созданием реакторов сырье в середине 1945 года поступило в распоряжение советских ученых.

Однако для строительства реактора требовался графит высокой чистоты и металлический уран, исчисляемые сотнями тонн. Все эти вопросы исследовались Лабораторией № 2 и привлекаемыми ею институтами (Гиредмет, НИИ-9). Ученые разработали методики получения чистого графита и технические условия на изготовление блочков из металлического урана — главных составляющих «активной зоны» будущего реактора. Это позволило начать в конце 1945 — начале 1946 гг. промышленный выпуск графитовых блоков высокой чистоты на Московском электродном заводе и металлического урана на заводе № 12 в г. Электростали [19, с. 118].

Ход исследований привел ученых к выводу, что для дальнейшего технического прогресса недостаточно ведения работ лишь в лабораторных условиях. Получить

необходимое количество плутония для бомбы можно было только в промышленном реакторе. 10 сентября 1945 г. Технический совет Спецкомитета при СНК СССР устанавливает, что наиболее близким к практическому осуществлению является метод «котел уран—графит», т.к. плутоний-239 по этому методу может быть получен уже в конце 1947 года [8, с. 13].

Парадокс заключался в том, что на момент принятия решения о строительстве первого промышленного реактора технология производства плутония была известна советским физикам лишь в самых общих чертах. Недостающие знания и опыт можно было получить, только построив сначала опытно-экспериментальный реактор-модель, в котором попытаться осуществить цепную ядерную реакцию, а затем нарабатывать хотя бы малое весовое количество плутония.

Решение проблемы производства металлического урана и графита высокой чистоты необходимого количества позволили И.В. Курчатову построить на территории Лаборатории № 2 и пустить 25 декабря 1946 г. первый в СССР и на материке Евразия исследовательский реактор Ф-1 и осуществить в нем управляемую цепную ядерную реакцию [14, с. 114]. Успешный пуск Ф-1 практически доказал главное — схема уран-графитового «котла» способна нарабатывать плутоний. Исследования, проводимые на Ф-1, дали ученым и проектировщикам ценнейший экспериментальный материал, который был использован при проектировании первого промышленного реактора.

Пуск физического исследовательского реактора Ф-1 и наработка в нем миллиграммов весового плутония стали первым крупным успехом атомной военно-технической революции. Страна вплотную приблизилась к практическому осуществлению грандиозного национального проекта — созданию атомной промышленности. Благодаря настойчивости и самоотверженному труду ученых, инженеров, разведывательных органов в довоенный и особенно в военный период руководство СССР окончательно пришло к выводу о необходимости создания ядерного оружия, обладание которым в новых условиях «холодной войны» имело решающее значение. Поэтому государство оказало всемерную поддержку проводимым фун-

даментальным и экспериментальным исследованиям. Подключение к проблеме в период Отечественной войны заместителя председателя СНК СССР Л.П. Берии и подведомственного ему НКВД с мощнейшей системой ГУЛАГа позволило решить важнейшие вопросы добычи и переработки уранового сырья в СССР, получения чистого графита, доставки из-за границы недостающего уранового сырья в количествах,

необходимых для начала практических работ. Отработка учеными технологии получения плутония на экспериментальном уровне, получение положительных результатов, мобилизация всех возможных ресурсов государства позволили в конце 1945 — начале 1946 гг. приступить к строительству на Южном Урале первого в СССР реактора для промышленного производства плутония.

1. Архив РАН Ф.2. Оп.6. Д.24.
2. Архив РАН Ф.535. Оп.1. Д.67.
3. Атомный проект СССР: Документы и материалы: В 3 т. / под общ. ред. Л.Д.Рябева. Т.1, ч.1. — М., 1998.
4. Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т.1, ч.2. — М., 2002.
5. Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т.1, ч.2. С.181.
6. Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т.1, ч.2. С.284, 287.
7. Атомный проект СССР: Документы и материалы: Т.1, ч.2. С.323–324.
8. Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т.2. Кн.4. — М., 2003.
9. Бараев В. История длиною в шесть десятилетий // Бюллетень по атомной энергии. — 2003. — №7.; Барковский В.Б. Атомное оружие и научно-техническая разведка // Курчатовский институт. История атомного проекта, Вып. 2. — М.: РНЦ «Курчатовский институт», 1995.; Харитон Ю.Б., Смирнов Ю.Н. О некоторых мифах и легендах вокруг советского атомного и водородного проектов // Энергия. — 1993. — №9.
10. Барковский В.Б. Участие научно-технической разведки в создании отечественного атомного оружия // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е — 50-е годы) / Труды Международного симпозиума ИСАП-96 в 2-х т. / Т.1.—М., 1997.
11. Ветров В.И., Кротков В.В., Куниченко В.В. Создание предприятий по добыче и переработке урановых руд // Создание первой советской ядерной бомбы. — М., 1995.
12. Головин И.Н. От Лаборатории №2 до Курчатовского института // Курчатовский институт. История атомного проекта, Вып. 1. — М.: РНЦ «Курчатовский институт», 1995.
13. Выступление академика А.Ю. Румянцева на Международной научной конференции «Ядерный век: Наука и общество» // Бюллетень по атомной энергии. — 2003. — № 3.; Губарев В.С. Белый архипелаг Сталина. Документальное повествование о создании ядерной бомбы, основанное на рассекреченных материалах «Атомного проекта СССР». — М., 2004.
14. Жежерун И.Ф. Строительство и пуск первого в Советском Союзе атомного реактора. — М., 1978.
15. Котельников Р.Б., Тумбаков В.А. Атомный проект СССР — дерево целей, ресурсы, усилия, результаты (1945–1950гг.) // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е — 50-е годы) / Труды Международного симпозиума ИСАП-96 в 2-х т. / Т.2. — М., 1999.
16. Круглов А.К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. — 2-е изд., испр. — М., 1995.
17. Курчатov И.В. Собрание научных трудов: В 6 т. — М., 2009. — Т.3.
18. Материалы юбилейной сессии Ученого совета РНЦ «Курчатовский институт» 12 января 1993 г. — М.: РНЦ «Курчатовский институт», 1993.
19. Меркин В.И. Создание первого промышленного реактора Советского Союза // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е — 50-е годы) / Труды Международного симпозиума ИСАП-96 в 2-х т. / Т.1. — М., 1997.
20. Первухин М.Г. Как была решена атомная проблема в нашей стране // Новая и новейшая история. — 2001. — №5.
21. Рябев Л.Д., Кудинова Л.И., Работнов Н.С. К истории советского атомного проекта (1938–1945) // Наука и общество: история советского атомного проекта (40-е — 50-е годы) / Труды Международного симпозиума ИСАП-96 в 2-х т. / Т.1. — М., 1997.
22. Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956; пер. с англ. Б.Б.Дьякова, В.Я.Френкеля / Д.Холловэй. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
23. Ядерная индустрия России. — М.: Энергоатомиздат, 1999. — С. 8; Атомная отрасль России. — М., 1998.

О «НОВОМ ВЗГЛЯДЕ» НА ИСТОРИЮ (В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ СТАТЬИ В.Н. САГАТОВСКОГО)

УДК 304.2

А.С. ЧУПРОВ

Для меня дискуссия — это не столько публичный спор, когда один пытается переубедить другого (а чаще кого-то третьего), сколько обсуждение какой-либо научной проблемы. Правда, еще ни одна дискуссия в социально-гуманитарных науках не приводила к появлению какой-то общепризнанной концепции, уже хотя бы потому, что авторами концепций становятся не «круглые столы», а конкретные люди, ученые, работающие либо в одиночку, либо командой со своим лидером. Однако научные дискуссии хороши уже тем, что они позволяют, как говорится, «на людей посмотреть и себя показать». Иначе говоря, позволяют каждому участнику дискуссии соотнести свою позицию с позицией других, интегрировать в свою концепцию идеи, высказанные в ходе дискуссии. Либо укрепиться в своем прежнем мнении, либо изменить его. Вот и обсуждение статьи В.Н. Сагатовского «Новый взгляд на историю (попытка обоснования)» — это хороший повод заново осмыслить тот широкий круг философских проблем, интересное и полезное решение которых было предложено автором [3].

О человеке в истории

Человек — это *само движение* от животного к Богу как идеалу, движение от сущего к должному. Но идеал должного — это вовсе не стремление стать идеалом. В стремлении стать Богом всегда есть опасность стать хуже животного. При этом человек все равно остается человеком, но *плохим* и *опасным* для другого человека и природы. Когда же человек становится просто животным, исчезает сама проблема. Как говорится, «нет человека — нет и проблемы». Тогда просто нечего и некому обсуждать.

Человек — это его история. Есть история совершенная и история рассказанная (написанная). Есть методология исторического познания, а есть философия истории. Эти *четыре* вещи неразрывно связаны между собой, но они разные. История совершенная — это жизнь человека и общества, в каждое мгновение уходящая в прошлое. Процесс ее познания и, соответственно,

исторические знания никогда не могут быть ни абсолютно полными, ни абсолютно объективными. Тут процесс важнее результата, а результат важнее конечной цели — истины. Временность представлений человека о своем историческом прошлом задается уже самим временным и временным характером нашего бытия. Земное бессмертие человека и человечества — не более чем иллюзия. История, в которой нет конца, не может быть историей. Ни совершенной, ни рассказанной.

Казуализм и телеологизм (не важно моно- или поли-) в исторической науке — это способы ее самоубийства. Философствующий историк — плохой историк. Он уже не историк, но еще и не философ. Ценность исторических документов и исследований состоит не в философских «рассуждениях», а в памяти о прошлом. Гегель неслучайно выше всего ценил «историю первоначальную», т.е. рассказанную самими участниками и организаторами событий.

История рассказанная всегда предвзята и другой быть не может, потому что она не только память, но и способ самоопределения, самосохранения и самоутверждения человека, народа, власти, эпохи. Она неустранимо субъективна и политизирована. Н.Макиавелли, впервые исследовавшим историю не правителей и героев, а гражданское общество, ничего не оставалось делать, как исследовать политическую историю. Судьба, говорил Наполеон, — это политика. Содержание истории — это война, а время благополучия — это пустые страницы истории, в унисон Наполеону утверждал Гегель. Человек воюет не потому, что он хочет убивать или быть убитым, а потому, что хочет жить и притом здоровым, богатым, свободным и счастливым. И только стремление к красоте никогда не было причиной войн, поэтому войны во все времена, мягко говоря, приукрашивались. Самая страшная «военная тайна» — это неприличность войны.

О философском обосновании принципов исторического познания

Историческое познание — это всегда толкование прошлого с позиций настоящей-

го со всеми его предрассудками. Это всегда расшифровка, реконструкция, систематизация и интерпретация доступных исследователю источников: вещественных, устных и письменных свидетельств. Когда не хватает источников, историк полагается на принятую им философско-теоретическую схему, интуицию, воображение и здравый смысл. Это вовсе не означает, что история — сугубо эмпирическая наука и что в ней нет места теоретическому обобщению. Но оно не может и не должно выходить за рамки частного позитивистского обобщения. То, что выдается в качестве мировоззренческого вывода, — это на самом деле не всегда осознаваемая установка. «История учит только тому, что она ничему не учит». Этот афоризм справедлив лишь в отношении мировоззренческих выводов. Что же касается опыта конкретных ситуаций, то история не учит только тех, кто не хочет учиться.

Системный подход — не более чем средство (одно из средств) исторического (и не только) познания, которое использует познающий субъект, *надеющийся «схватить» бытие во всей его полноте.* Гносеологический принцип полноты бытия, действительно, дополняет «недостаточный» системный подход. Однако он ничего не говорит о том, какие свойства и функции, элементы и связи, части и компоненты следует рассматривать в качестве необходимых и достаточных. Не говорит он и того, сколько их надо обозначить (два, три, четыре или десять), чтобы «схватить» бытие в его целостности. Могут быть самые разные варианты. У Маркса это концепция общественно-экономической формации с ее базисом и надстройкой. У Вебера и Тойнби — «общественно-религиозной формации», или цивилизации. У Парсонса — четыре функции (воспроизводства, адаптации, интеграции и целедостижения) и соответствующие им сферы жизнедеятельности общества (социальная, экономическая, политическая и культурная). У Сагатовского — «естественно-историческая формация» трех сфер-компонентов (природного, социального и психологического). Наверное, можно говорить и об «общественно-политической формации». Каждый из названных вариантов имеет право на существование. Все они, так или иначе, решают проблему осмысления бытия в его полноте и целостности. Все они обладают вполне определенным эвристическим и прагматическим потенциалом. Но, к сожалению их авторов, не бесконечным.

Что касается марксизма, то проблема не в том, что в концепции общественно-экономической формации допущено сме-

шение двух категориальных рядов. Бытие и сознание, с одной стороны; сфер и институтов общественной жизни, — с другой. Скорее, это мы понимали ее примитивно. Поэтому дискуссии советских лет о том, какие институты надо отнести к базисным, а какие — к надстроечным, не могли быть плодотворными. На неверно поставленный вопрос не мог быть дан верный ответ. Помню, как тридцать лет назад я любил задавать на семинарах по истмату вопрос студентам сельскохозяйственного института: «Где вы сейчас находитесь — в сфере базиса или надстройки?». Почти все студенты отвечали, что, пока мы учимся, — в сфере надстройки, потому что еще не производим материальные блага, а вот после института, когда начнем работать в колхозах и совхозах, будем в сфере базиса. А я думал, что вы находитесь в аудитории, шутил я, и затем спрашивал: а разве вы, будучи студентами, не являетесь субъектами экономических отношений, а что потом вы вдруг «выпадете» из отношений политических и юридических? В ответ все дружно смеялись над собственной, ну, не глупостью конечно, а скажем так, над собственным непониманием того, что такое базис и что такое надстройка.

Проблема марксизма не в том, что в нем нет человека, культуры и науки. Всё это, на мой взгляд, есть и даже представлено гораздо полнее и ярче, чем в иных антропологических и экзистенциалистских концепциях. На мой взгляд, сила и одновременно слабость марксизма в том, что в нем как-то незаметно исчезло бытие вообще. Лишь в качестве священного места осталось «общественное бытие», противопоставленное «общественному сознанию», которое, например, марксист А.Зиновьев считает химерой, признавая только индивидуальное сознание. Но почему исчезло бытие? А потому что в марксизме не оказалось места небытию. Конечно, это же мистика, клерикализм, поповщина, чертовщина! Но если нет небытия, то нет и свободы. Если нет свободы — нет и творчества. Если нет небытия — нет и бытия. По крайней мере, «определенного бытия», поскольку небытие есть обязательное условие качественной определенности всякой вещи. В марксизме есть только материя, которую, действительно, корректно соотносить и противопоставлять сознанию, тогда как бытие можно соотносить и противопоставлять только небытию.

С моей точки зрения, полнота бытия человека и общества исчерпывается тем, что древние называли четырьмя стихиями: огонь, вода, земля и воздух. Здесь огонь символизирует разум (логос) и свет, вода —

жизнь, земля — материю и тьму, а воздух — смерть. Сегодня многие естествоиспытатели разделяют точку зрения, согласно которой мир — это единство материи, энергии, информации и некоего вселенского смысла. По этой же схеме скроена концепция общества как единства четырех компонентов: люди, вещи, отношения, идеи. Наверное, можно поискать некий «пятый элемент», но им, скорее всего, окажется целостность социального бытия в его единстве с небытием, т.е. история как движение из небытия (через бытие) к небытию.

Соответственно этому бытие каждого человека — это 1) индивидуальное бытие (тело); 2) бытие в природе, в том числе измененной человеком; 3) бытие для другого (отношения) и, наконец, 4) бытие в себе, т.е. внутренний мир человека, который часто называют субъективной реальностью. Последнее, конечно, не только психика, которая относится к бытию тела. Внутренний мир человека во многом антипод его психике, которая базируется на животных инстинктах самосохранения и продолжения рода, а также бессознательных влечений. Внутренний мир человека — это смысло- и ценностно-образующая деятельность. Она разворачивается в кантовских априорных формах «чистого разума», в формах феноменологической интенциональности и интересубъективности и в формах религиозности, которая вырастает из присущего человеку вертикального трансцендирования (К.Войтыла). Очевидно, сердцевиной духовно-субъективного бытия человека является так называемый «жизненный мир» (М.Мерло-Понти), или мир повседневности (А.Щюц, Т.Лукман). Вместе с тем здесь лежат те векторы субъективно-духовного бытия человека, которые рассматриваются как основополагающие в различных этических концепциях сущности человека, например В.С. Соловьева. Я имею в виду его учение о человеке как абсолютной форме добра, которое обеспечивается совестью человека как единством стыда, жалости и благоговения.

Об историческом процессе и его субъектах

Раздел статьи В.Н. Сагатовского, посвященный этому сюжету, представляется мне наиболее продуктивным с точки зрения методологии исторического познания. Необходимость, или «детерминистский коридор»; вероятность и появление «точки полибифуркации»; свобода как созидание нового и «творение из ничего» — таков, по мнению автора, категориальный механизм реализации направленности развития

общества. Историк совсем необязательно и даже нежелательно употреблять в своих сочинениях эту терминологию, но анализировать конкретные исторические события с этих точек зрения, думаю, было бы очень полезно.

На мой взгляд, продуктивной для исторической науки является также идея В.Н. Сагатовского о триедином субъекте истории: генераторы идей, организаторы и реализаторы. Я бы только дополнил это «трио» еще одним субъектом — потребителями, которые зачастую выступают заказчиками и провокаторами для генераторов идей. Именно они — в начале и в конце всех преобразований. Заказчиков мы обнаружим во всяком значительном событии истории. Например ни для кого не секрет, что деятельность диссидентов и правозащитников в СССР (той же Е.Боннэр, жены А.Сахарова) провоцировалась и поддерживалась Западом. Разумеется, небескорыстно. Как у Маяковского, «если звезды зажигаются, значит это кому-нибудь нужно».

Фактически о субъектах исторического процесса В.Н. Сагатовский говорит и в связи с типологией носителей разных типов мировоззрения по аксиологическому критерию. Автор выделяет три типа: 1) созидателей, ориентирующихся на поступок; 2) деструктов, ориентирующихся на преступление и 3) конформистов, ориентирующихся на мимесис (живи, «как принято» и «не хуже других»). Я бы выделил еще тип добровольных аутсайдеров, которые ориентированы на сохранение своей идентичности в условиях, несоместимых с их системой ценностей. При всей своей условности эта типология позволяет дать дифференцированную характеристику состояния общества в каждый данный момент. Так сказать, поставить диагноз.

О мировоззренческом идеале и прогрессе человечества

В свое время О.Конт выделил три ступени, три типа мировоззрения, три стадии в истории человечества: религиозную, метафизическую и позитивную (сциентистскую в сущности). Ценность метафизической, или философской, стадии он видел только в том, что она разрушила религиозную картину мира, ничего не создав взамен. Но, как известно, закончил Конт неудавшимися попытками создать новую общечеловеческую религию. Нечто похожее я увидел в последней части статьи В.Н. Сагатовского, хотя может быть я увидел то, что хотел увидеть. Автор дает емкую характеристику нескольким типам мировоззрения. Одного религиозного и трех

светских: либерального, тоталитарного и коммунистического. Наверное, можно было бы выделить еще патриархально-традиционный тип мировоззрения, который я бы назвал прообразом того типа мировоззрения, который В.Н. Сагатовский обозначает как ноосферный. Однако концепция ноосферного мировоззрения представляется мне не то чтобы утопичной, но излишне абстрактной, как, впрочем, и всякий ученый проект идеального будущего. Наверняка этот тип мировоззрения, если ему суждено сложиться, получит какое-то иное название. Какое именно, сегодня сказать невозможно. Как говорится, «жизнь подскажет». Утопия ли это? «Донкихотство» философа постиндустриальной эпохи, как выразился С.В. Борисов [1]? Нет конечно. К сожалению, это суровая необходимость. Нет, это не аналог «принуждения к миру» (А.В. Павлов) [2]. Появление нового мировоззренческого идеала будет таким же естественным и необходимым событием, как утоление голода и жажды.

Я целиком и полностью разделяю тревогу автора за будущее человечества, а точнее, будущее наших детей, внуков и правнуков (далее заглядывать не берусь). Однако полагаю, что спасение человеческого рода будет результатом не столько деятельности консорции (группы единомышленников, несущих в жизнь новые идеи и ценности), сколько действия инстинкта самосохранения, если у нас он окончательно не атрофируется под гнетом некрофилии новостного телевидения. Это, разумеется, не означает, что я предлагаю сидеть сложа руки и ждать, когда сработает механизм самосохранения. Как говорится, «дорогу осилит идущий». Конечно «народ безмолвствует». Но до поры до времени. В этом смысле именно он, народ, «творец истории».

Относительно прогрессивной направленности исторического процесса к «ноосферному» состоянию человечества замечу следующее. Прогресс, в моем понимании, это развертывание потенциала той или иной системы, в том числе социальной, и усложнение ее связей. Регресс, напротив, — упрощение, примитивизация системы, подавление либо нецелесообразная растрата

ее потенциала, необратимое разрушение и саморазрушение ее структуры. Нравственный критерий прогресса, безусловно, важен, но с точки зрения исторической науки малопродуктивен. Боюсь, что в практике исторических исследований он выльется либо в набор картинок на тему «О времена! О нравы!», либо в призывы кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!». Гораздо важнее изучение позитивного, созидательного опыта человечества, на что совершенно справедливо указывает автор, хотя такая установка очень легко может обернуться тем, что называют «лакировкой действительности» и «замалчиванием недостатков». Однако не будем забывать, что история человечества — это история сменяющих друг друга мифов. Миф создается не страхом перед истиной, а желанием жить по-человечески. В этом отношении очень показательна недавняя полемика по поводу роли Сталина в Великой Отечественной войне в телешоу «Поединок». Одна сторона доказывала, что Сталин — герой, хотя и не без греха. Другая сторона доказывала, что народ победил в войне *вопреки* Сталину, и призывала к пусть горькой, но полной правде о войне. Большинство телезрителей с десятикратным перевесом проголосовали за первую точку зрения. Конечно, можно опуститься до того, чтобы рассказывать и показывать (например в кинофильмах в стиле Н. Михалкова), как у героя, бросившегося на амбразуру, в момент смертельного ранения расслабляется кишечник. Вот только будет ли это правдой? Как тут не вспомнить А.С. Пушкина: «Тьмы низких истин мне дороже // Нас возвышающий обман».

И последнее. Может быть, моя позиция покажется политическим конформизмом, неприязнительностью и просто враждебной истине и подлинным научным знаниям об истории. Но я намеренно сформулировал ее столь категорично, чтобы подчеркнуть необходимость света и добра в том информационном мире «чернухи и порнухи», в котором мы сейчас живем. Критиковать легко. Трудно предложить и сделать что-то конструктивное. Именно в позитивном решении проблем философии истории я вижу главное достоинство работы В.Н. Сагатовского.

1. Борисов, С.В. «Донкихоты» постиндустриальной эры: о философии истории и об ответственности философа в современном мире [Текст] / С.В. Борисов // Социум и власть. — 2011. — № 2.

2. Павлов, А.В. История как всплеск. К публикации статьи В.Н. Сагатовского [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. — 2011. — № 2.

3. Сагатовский, В.Н. Новый взгляд на историю (попытка обоснования) [Текст] / В.Н. Сагатовский // Социум и власть. — 2010. — № 3, 4; 2011. — № 1.

СХЕМА ЕСТЬ СХЕМА... (О «НОВОМ ВЗГЛЯДЕ» НА ИСТОРИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА)

УДК 140.8

Ю.Г. ЕРШОВ

Обоснование В.Н. Сагатовским «нового взгляда» на историю человечества с необходимостью затрагивает массу разнообразных сюжетов, ставит сложнейшие вопросы — даже в трех статьях осветить их в должной мере задача невозможная. Трудна она и для стороннего диспутанта — полноценный анализ предлагаемых идей и гипотез легко может занять и десятикратно больший объем. Поэтому ограничусь выборочными замечаниями, тем более что, к сожалению, текст изобилует высказываниями, категориальный смысл которых мне плохо доступен. Например, «бытие общества во всей полноте его проявлений не сводится к объективной реальности (материи) как одному из видов бытия и, тем более к экономическому базису. Назовем бытие общества в целом его жизнедеятельностью». [5, с. 15]. Для меня это не просто смешение разных категориальных рядов, но, скорее, соединение несоединимого в рамках последовательного философского выбора, что по-своему (относительно бытия и материи) понимали классики марксизма-ленинизма (Ф. Энгельс и В.И. Ленин). Тем более определять бытие общества через его жизнедеятельность — логически уязвимая операция в контексте основных традиций решения проблемы бытия. Далее в тексте будут упомянуты «онтологические виды бытия» (что это такое?) — без дополнительных разъяснений не обойтись, аналогичная ситуация и с высказыванием о субъективной реальности как всеобщем атрибуте любого существования, в основе которой лежит неповторимое начало.

Соглашусь с оценкой автора о состоянии отечественной философии истории как застойной: по сути, и по сей день нет серьезных попыток осмысления ее предмета и объекта, места в системе философского знания, нет концептуальных прорывов в ее систематической разработке. Правда, адресовать упрек всем историческим исследованиям в отсутствие «системной рефлексии предпочтения мировоззренческо-философских установок», наверное, не вполне корректно, речь все-таки должна идти об обобщающих концепциях мета-исторического уровня.

Под понятием же истории (всемирной истории, исторического процесса) будем

понимать историю всего прошлого человечества как совокупности всех известных человеческих обществ, культур и цивилизаций, рассматриваемых в хронологической последовательности их исторического взаимодействия от первобытности до современности. Соответственно, предметом всемирной истории (всеобщей истории) в качестве теоретической дисциплины выступает описание и объяснение пространственно-временных закономерностей пути, пройденного человечеством (не претендую на исчерпывающую полноту определения, будем считать его «рабочим»).

Из методологического и мировоззренческого кризиса можно выходить как минимум двумя взаимно дополняющими друг друга путями. Во-первых, через теоретическую реконструкцию истории философии истории, приводящую к выделению основных типов философии истории. Здесь мы сразу сталкиваемся с различными типами философии истории, соответственно, с различными способами селекции концепций всемирно-исторического процесса и анализом их содержания [1]. Автор на этот счет не проводит специального исследования, хотя в большей или меньшей степени подвергает критике мировоззренческие идеалы, связанные с определенными типами идеологий, тем самым — с разными подходами к пониманию источников и движущих сил общественного развития. Правда, критика беглая, речь идет скорее о ярлыках, чем анализе содержания того или иного «изма». Дело даже не в инвективах либерализму, традиционных для последнего десятилетия, когда не утруждаются разоблачать с его современным содержанием и игнорируют «самопровозглашенность» отечественных «либералов», пребывающих на уровне идей XVI века. Да, можно свести либерализм к модели общественного договора, основанного на естественном праве, но точно так же можно и коммунизм, и христианство, и т.д. свести к одной ключевой идее, которая окажется в контексте многообразной и противоречивой жизненной практики абстрактной и внеисторической, то есть, утопической.

Постоянным объектом критики В.Н. Сагатовского выступает марксистская философия истории, но складывается впечатление,

что она подменена истматом 60–70-х годов, идеологически изрядно искажившим первоисточники. По моему мнению, недопустимо материалистическое понимание истории сводить к знаменитому предисловию «К критике политической экономии». В свое время Л.Альтюссер, обсуждая идею детерминации общественного развития экономической структурой «в конечном счете», замечал: «Не подлинно марксистская традиция, а «экономизм» (механицизм) раз и навсегда устанавливает иерархию инстанций, фиксирует сущность и роль каждой из них и задает одностороннюю направленность их отношений; «экономизм», определяя навски роли и актеров, не принимает в расчет то обстоятельство, что необходимость того или иного процесса определяется изменением обстоятельств». По его мнению, детерминация экономикой «в конечном счете» проявляется в реальной истории в том, что экономика (или политика, теория и т.д.) играет определяющую (или напротив) роль [9, с. 213]. И это не последний аргумент в защиту гораздо более богатого содержания марксовой философии истории, не утратившей определенного эвристического потенциала и по сей день. Как исследователь, отдавший длительное время формационному анализу, могу определенно утверждать о значительном несоответствии официальной советской версии теории общественно-экономических формаций и спектра плодотворных идей в работах К.Маркса.

Во втором случае речь должна идти о философско-методологической рефлексии в рамках определенного типа понимания закономерностей и принципов познания истории, то есть об онтологических и эпистемологических основаниях исторического мирозерцания.

Для того, чтобы понять, обосновать закономерный характер истории из всего ее многообразия, требуется найти точку, позволяющую видеть всю перспективу, т.е., идею истории, принцип объяснения всего предшествующего и последующего в развитии общества. Отсюда следует, что нет никакой истории в теоретическом значении этого слова, которая не являлась бы определенной философией истории.

Философия истории всегда стремилась к универсальному пониманию истории, поиску во внешнем многообразии и непохожести локальных культур, стран и народов единого основания исторического развития человечества. Для парадигмы классической философии истории характерна попытка увязать в единое целое весь путь, пройденный человечеством от первобытных орд, живущих собирательством, до современных информационно-

компьютерных обществ. Оптимистические концепции пронизаны верой в торжество разума и справедливости, поступательное восходящее движение добра и гуманизма в социальной организации жизни людей. Но они, как, впрочем, и пессимистические теории, влекут угрозу эсхатологической ловушки в любом размышлении о человеческой истории. То есть представления, чаще всего скрытого, неясного характера, о финале истории, разрешающем исходе — в виде катастрофического свершения или же «светлого будущего». Ложная, по классификации С.Франка, философия истории та, что пытается обосновать последнюю цель исторического развития как то «конечное состояние, к которому она должна привести и ради которого творится вся история»; в которой все события мира, прошлого и настоящего, не имеют собственного смысла, а выступают всего лишь как средство достижения этой цели. Отсюда и возникает оценка всего происходящего как прогресса, в случае движения к завершению, или регресса, в случае отклонения от истинного пути [7, с. 264]. Нетрудно заметить, насколько подобный взгляд провоцирует произвольность в выборе критериев и оснований, по которым «исчисляется» прогресс. Телеологические и финалистские концепции истории развиваются не только в богословско-религиозной форме, они могут принимать и вполне светский вид, порой даже не осознавая своего подлинного характера и даже ожесточенно критикуя «собратьев» за «ненаучность» и «реакционность». Типичным примером выступает теория научного коммунизма, обосновывающая неизбежность наступления «светлого будущего» всего человечества, представляющая тем самым вариант своеобразной, «мирской» эсхатологии.

В.Н. Сагатовский связывает «светлое будущее» с ноосферным мировоззрением, результатом которого будет построение деятельности на отказе от отношения друг к другу только как к средству или конкуренту. Если же будут возникать различия интересов и противоречия между людьми, то — «Вот тут и нужна реальная оптимизация, основанная на взаимных уступках, мера которых определяется в данных условиях нарушением гармонии между участниками при одновременном обеспечении развития целого» [4, с. 4]. Здесь невольно вспоминается антиутопия С.Лема «Возвращение со звезд», рисующая гармоничное состояние будущего общества, лишеного какой-либо агрессии, — «...мир, защищенный от опасностей. В нем не было места ни угрозе, ни борьбе, ни насилию: мир кротости, мягких форм и обычаев, постепенных переходов,

нетрагических ситуаций...» [3, с. 363–364]. Почему вспоминается? Видимо, из-за определения автором человечества в качестве биологического вида (популяция приматов?), перешедшего к социальной форме существования, но находящегося в состоянии предыстории на пути к подлинной истории. Понятие предыстории предполагает некое должное состояние человечества, в котором «биологический вид» должен обрести себя и раскрыть свою сущность. В антиутопии Лема «животное» состояние человечества преодолевается бетризацией – фармакологическими средствами. Результат – конец «нашей» человеческой истории.

Возникают здесь и другие вопросы. Если сущность человечества определяется через его способность адаптации в глобальный геобиоценоз, то в чем заключается «подлинно» человеческое существование? Если мы можем не дожить до берега подлинно человеческой истории, как предусмотрительно отмечается в статье, значит, ноосферный аттрактор не обладает необходимостью и достаточностью.

Пожелание автора о том, что «общие положения ноосферного идеала должны быть системно конкретизированы вплоть до предметно-технологического уровня», в этой связи весьма характерно. Размышления о «состоянии развивающейся гармонии», «оптимальном соотношении развития и гармонии на каждом этапе», «единстве и взаимной дополнителности» напоминают перелицовку славянофильской соборности, евразийской симфоничности и т.п., ставших традиционными заклипаниями в отечественной литературе и равносильные упованию на чудо.

Сегодня такой подход отвергается современными философскими парадигмами в силу его наивности и теоретико-методологической уязвимости. Постнекласический взгляд на социально-историческую реальность вообще оставляет в прошлом саму идею прогресса, считая ее не соответствующей ни развитию науки, ни духовно-нравственному облику человечества, ни истории XX века. Действительно кажется, что никогда ранее не был так велик контраст между взлетами творческого гения человека в науке и технике и обращенностью их против человечности в войнах, разрушении природной среды, личностной деградации. Кроме того, сведение истории к прогрессу уничтожает необходимость прочтения истории как опыта – ведь в прогрессивном развитии прошлое не повторяется, отсюда нет нужды изучать причины, породившие те или иные явления, процессы.

Ни одна из универсалистских схем не в состоянии вразумительно представить

единство микроистории (субъективно-личностного, индивидуального) и макроистории (обобщенных процессов) как разномасштабных онтологических измерений. Более того, существует позиция, согласно которой такая задача и нерешаема подобно тому, как «методы квантовой физики неприменимы в исследованиях макромира, а методы классической физики – в исследованиях микромира» [2, с. 52]. Поскольку в исторической науке в результате ее дифференциации появляются все новые и новые дисциплины: экономическая история, история права, искусств, историческая экология, история частной жизни, устная история и гендерная история и т.д., и т.п., постольку с необходимостью возникает потребность в теоретико-методологическом синтезе.

Решает ли задачу синтеза предложенная автором категориальная новация – социально-антропологическая целостность (САЦ), понимаемая как единство общества в целом, общностей и отдельных личностей? Обладают ли эвристическим потенциалом категориальные ряды, определяющие специфику САЦ и ее жизнедеятельность: природные, социальные и психологические функциональные ряды? Продуктивно ли понятие естественно-исторической формации как системы сфер жизнедеятельности, необходимых и достаточных для существования формации? (Тавтология?). Высказано соображение о возможных моделях как общественно-экономической, так и общественно-политической, общественно-религиозной формаций и т.д. Можно вести бесконечный спор о точности содержания и уместности использования категориальных новаций, но, в конечном счете, суть дела заключается в предметной демонстрации достижений и преимуществ «нового взгляда», теоретической реконструкции всемирно-исторического процесса.

Скажем, С.В. Костов, обосновав идею двойного методологического синтеза в современной исторической науке, представляет пример организации исследовательской работы в изучении Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В синтезе по вертикали используются: а) цивилизационный метод (исследование противостояния Западной и Российской цивилизаций); б) формационный (взаимодействие капитализма и социализма); в) методы макро- и микроанализа (изучение суммарного социального действия отдельных общественных групп); г) методы персональной истории и фактологического анализа документов, показаний свидетелей, биографий и автобиографий и т.д. Синтез по горизонтали включает в себя методы аналогичного (сверху вниз)

приближения к историческим событиям: а) синергетика; б) макро- и микрометоды социологии; в) психоментальные методы социальной психологии; г) методы целого ряда дисциплин, проблематику которых может затронуть конкретное исследование Великой Отечественной войны — демография, климатология, география, этнология и т.д. [2, с. 57–58]. Представляется, что это перспективный путь интеграции самых разнообразных теоретических дисциплин в познании механизмов движения человеческой истории, понимания ее векторов и возможных состояний.

Пока же «новый взгляд» вписывается, как это четко было показано еще И.Валлерстайном, в следующую простую схему объяснения процессов социального изменения обществоведами. Сначала требуется зафиксировать непосредственные изменения, а затем определить их в качестве рациональных или функциональных, в той или иной степени объясняющих социально-историческую реальность. Затем же создается проект достижения должного состояния общества, как правило, с приоритетом использования властно-политической мощи или же духовно-нравственного совершенствования.

Автор делает упрек существующим философско-историческим концепциям в идеологизированности, произвольности и субъективности. Для меня он выглядит несколько архаично, поскольку теоретико-методологической альтернативы субъективизму и идеологичности нет и быть не может. Например В.А. Тишков говорит о жесткой привязанности прошлых «всемирных историй» к историям национальных государств, выступающих преимущественно социально-политическими историями и лишь частично историями культуры. Он подчеркивает, что любые версии национальных историй мотивированы идеологически и политически.

В более общем случае речь идет о предпосылочности и обусловленности любого социального познания, выступающих необходимым моментом истины. Духовный и мыслительный горизонт познающего субъекта всегда детерминирован массой наличных обстоятельств,.. следовательно, всегда ограничен [6].

В.Н. Сагатовский спрашивает: «Как отнестись моменты истины отдельных моделей в некоей системной форме и избежать при этом эклектики?». По его мнению, многообразие историко-философских концепций и частичность их объясняющей способности приводят к отсутствию достаточной полноты и последовательности [5, с. 13].

Но в каждой научной дисциплине в любой период ее развития обнаруживается несколько альтернативных подходов (концепций, парадигм и т.д.) описания и объяснения одного и того же объекта. По сравнению с естествознанием, математикой и техническими науками социогуманитарная методология более разнообразна в использовании операций и предписаний по достижению, организации и обоснованию нового знания. Подобное положение дел обусловлено плюрализмом онтологических моделей социальной реальности и вытекающих из них метатеоретических постулатов, зависящих в свою очередь от классовой, национально-этнической и т.п. принадлежности исследователя. В изучении социальных объектов и самого человека уже эмпирический базис науки образуется человеческими значениями, смыслами и ценностями, детерминирующими поведение и деятельность людей. Это мир многообразных intersubъективных и межсубъективных отношений, постигаемых через проникновение в сущность оснований, характер и способы организации, цели и мотивы человеческой деятельности. Поэтому сегодня многообразие и альтернативность теоретических подходов для любой научной дисциплины не исключение, тем более — не аномалия, а норма.

Основные регулятивы современного теоретического познания включают в себя установку на критический анализ единственного научного подхода и выдвижение альтернатив, отрицание возможности единственно верного и исчерпывающего описания и объяснения действительности — в связи с этим понимание истины как регулятивного идеала; отсюда сама научная теория рассматривается не как описание реальности, но как модельная схема, относительно правдоподобная, но обреченная на пересмотр и замену новой схемой.

Значение работы, проделанной В.Н. Сагатовским, я оцениваю исходя из того, что соперничество теоретических альтернатив ведет к позитивным результатам, поскольку альтернативный подход позволяет выявить, описать и объяснить то, что в других подходах не «видится». Конкуренция подходов является катализатором теоретического развития — заставляет утверждать и доказывать преимущества применяемого подхода, совершенствовать исходные обоснования, отбрасывать ошибочные или неподготовленные гипотезы.

Я полностью согласен с пафосом статей В.Н. Сагатовского — из целеполагающего характера человеческой деятельности вытекает необходимость и, чаще всего,

неосознаваемая потребность в знании о предпочтительных вариантах практических действий, выявляющих ценностную значимость предметов, вещей и т.п. для человека. Человек как существо социальное и духовное не может существовать без ценностей и идеалов, создающих каркас его личности, определяющих его отношение к другим людям, к самому себе, к миру и истории. Историческая ситуация, в которой всегда находится человек, как единство прошлого и его прочтения сегодня, выводит за пределы сиюминутной данности к метафизической полноте бытия, к преодолению абсурдности разорванных между собой фрагментов жизни.

Человек, взятый в его родовом измерении, т.е. как представитель всего человечества, неразрывно связан с историей, поскольку все время, образно говоря, балансирует между прошлым и будущим, будучи «помещенным» в настоящее. Он — и возможность, значит, постоянная и динамичная неполнота, тревога и обращенность в будущее; он — и действие, направленное к оправдывающей это действие потусторонней цели. Но человек и состоявшееся прошедшее, для которого смена поколений и эпох, т.е. будущее, наделяет смыслом эту смену, или собственно историю — как раскрытие прошлого, не случайного, не абсурдного. В этом аспекте даже одностороннее, частичное отношение к прошлому, реставрирующее его как должное, или к настоящему, понимаемому как реализованный идеал, все равно создает будущее, связанное, обусловленное, созданное, следовательно, пронизанное единством и смыслом.

Идея незамкнутости человеческой истории и невозможности знать ее финал не тождественна полной тщетности и бесплодности высказываний о смысле и цели всемирно-исторического процесса, его наполненности определенным содержанием,

получающим ту или иную оценку. Поэтому мы не должны стыдливо отказываться от идеи прогресса, но наоборот, именно с ней связывать осмысленный характер истории. В этом случае прогресс понимается как такие социокультурные изменения, которые связаны с ростом рефлексивного отношения к истории, творческого потенциала общества, способности преодолевать негативные явления, создавать культуру компромисса. Отвергая предопределение и абсолютность прогресса, мы считаем, что антиэнтропийный характер культуры позволяет говорить о возможности поступательного развития человечества. Главное — чтобы действительно происходило совмещение регулятивных устремлений разума (мировоззренческого идеала) и операционально-управленческих решений. Как верно было отмечено, «реальное политическое развитие современных обществ — это тесная связь открытости как институционального условия прогресса и постепенного развития демократии как нормативной стороны общественного развития. Демократические устремления направляют эволюцию институтов в открытых политических системах» [8, с. 137]. Вопрос же о степени идентичности властвующих и управляемых, уровне открытости общества и политического плюрализма — нелинейный вопрос, он решается самой социальной практикой.

У меня нет предрассудков относительно схем, применяемых в социально-гуманитарном познании. Схематичность присуща любому виду познавательной деятельности, выражая ее относительность и преходящий характер. Поэтому онтолого-методологическая «системно-содержательная схема», предложенная В.Н. Сагатовским, закономерно порождает вопросы и критические замечания, что отнюдь не умаляет плодотворности проработанной автором работы.

1. Коломоец, Е.Н. Опыт метафилософии истории [Текст] / Е.Н. Коломоец, М.А. Кукарцева // Вестник Московского университета. — Серия 7. Философия. — 2000. — № 6.
2. Костов, С.В. Двойной методологической синтез в современной исторической науке [Текст] / С.В. Костов // Вопросы гуманитарных наук. — 2004. — № 4 (13).
3. Лем, С. Собр. соч. в 10 т. [Текст] / С. Лем. — Т. 2. — М., 1992.
4. Сагатовский, В.Н. Новый взгляд на историю (попытка обоснования) [Текст] / В.Н. Сагатовский // Социум и власть. — 2011. — № 1.
5. Сагатовский, В.Н. Новый взгляд на историю (попытка обоснования) [Текст] / В.Н. Сагатовский // Социум и власть. — 2010. — № 3.
6. Тишков, В.А. Новая историческая культура (размышления после XXI Международного конгресса исторических наук) [Текст] / В.А. Тишков // Новая и новейшая история. — 2011. — № 2.
7. Франк, С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию [Текст] / С.Л. Франк // Русское зарубежье. — Л., 1991.
8. Шарыкин, Б.В. Социальная инженерия К.П. Поппера и «нормативное видение мира» франкфуртца-ми [Текст] / Б.В. Шарыкин // Известия ТулГУ. — Сер. Гуманитар. и социал.-экон. науки. — 2000. — Вып. 5.
9. Althusser, L. For Marx [Text] / L. Althusser. — N. Y., 1970.

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ В СВЯЗИ С ПОПЫТКОЙ «НОВОГО ВЗГЛЯДА» НА ИСТОРИЮ

УДК 167.6; 123.1

В.К. ШРЕЙБЕР

В одной из последних публикаций известный философ В.Н. Сагатовский предложил свое видение всемирной истории [3; 4; 5]. Хотя он оговаривается, что речь идёт только о «попытке нового взгляда», замах на создание того, что называют «большой (grand) теорией», очевиден. «Новый взгляд» — это попытка обосновать философско-историческую концепцию масштаба гегелевской, контовской или марксистской. Понятно, что первым шагом в этом направлении должно было стать выявление слабостей и недостатков предшественников. И, действительно, весь аргумент начинается с оценки современного состояния исторической науки марксистского, насколько можно понять, толка. Автор даёт свою трактовку главного противоречия, от решения которого, по его мысли, зависит судьба всего человечества. Для разъяснения Сагатовский пользуется собственной концепцией системного подхода к проблемам социального развития. Идея независимости сфер общественной жизни, признание плюрализма культур и синергетика позволяют, как полагает автор, радикально изменить ситуацию в общественных науках и тем самым двинуть человечество к светлому ноосферному будущему.

Поскольку авторский диагноз в целом представляется мне более или менее верным, он и составит основу для обсуждения. Я остановлюсь на нюансах, главным образом историко-философского порядка, и неточностях, устранение которых, надеюсь, будет полезным для адаптации философии истории к задачам XXI столетия. Соответственно, первым шагом будет экспликация различий научного и философского прогнозов, а вторым комментарий по поводу марксистского понимания социальной причинности и человеческой свободы.

1. Прогнозы научные и философские

В рассуждениях о кризисе марксистской методологии применительно к *истории как науке* есть, как мне кажется, момент незнания или лукавства. Знакомство с отечественными и зарубежными трудами по всеобщей истории показывает, что марксистский категориальный аппарат позволяет получать новые результаты, согласующиеся с историческими свидетельствами и требованиями простоты и непротиворечивости объяснения. Когда в связи с подготовкой доклада по диалектике вынужденного и принудительного труда я обратился к англоязычным публикациям, то обнаружил, что самые обсуждаемые работы конца 90-х годов XX века по раслоению крестьянства в «третьем мире» принадлежат марксистам*.

Марксизм рухнул вовсе не потому, что плохо помогал понять прошлое, но потому, что сделанные на его основе прогнозы разошлись с настоящим.

Однако в суждениях о будущем нужно различать научные предсказания и философские гипотезы. Различие проистекает из особенностей абстрактных объектов науки и философии. Артикуляция различий между ними была заметным достижением советской философии науки конца 1970-х. Отметим два момента. Первый — теоретические схемы описываются языком законов, тогда как для философских моделей используется язык принципов. Второй момент состоит в том, что только теоретические модели поддаются фальсификации. Хотя в те времена эти различия мыслились применительно к взаимоотношениям между теоретическими схемами и картиной мира, онтологический статус последней позволяет сделать шаг вперед и перенести указанные различия в сферу философской прогностики.

* Для примера назову Тома Брасса, с 1990 до 2008 года занимавшего пост главного редактора «Журнала крестьянских исследований» (The Journal of Peasant Studies). Одновременно он был профессором кафедры социологии Кембриджского университета. Среди его последних работ огромный интерес вызвали «Peasants, populism and postmodernism: the return of the agrarian myth» (2000), «Free and unfree labour: the debate continues» (2007). Брасс — не ортодокс; он учитывает опыт двадцатого столетия. Марксистом его делает приверженность трудовой теории стоимости, ориентация на определяющую роль экономической сферы в общественной жизни и признание классовой борьбы как современного феномена.

Повторяемость отношений между сущностями предполагает устойчивость факторов, создающих возможность данной связи. К примеру, чтобы товары обменивались по стоимости, необходим равенство спроса и предложения, свободный перелив рабочих рук и капиталов из одной отрасли производства в другие, одинаковое органическое строение капитала в отраслях и т.п. Если, скажем, ограничить перелив рабочей силы из сельских регионов в города, то это приведет к такой структуре товарообмена между городом и деревней, при которой продукция села пойдет по ценам, минимально поднимающимся над себестоимостью. Напротив, промышленные товары будут продаваться по завышенным ценам. Возникнувший таким образом финансовый насос был важной частью хозяйственного механизма для социалистической индустриализации.

Соответствие научного закона действительности обеспечивается точной и исчерпывающей фиксацией условий его реализации. Их поиск забирает львиную долю сил и времени исследователей. Но от его результатов зависят надежность предсказаний и возможность управления социальными процессами. Именно знание этих условий позволяет разделить все высказывания об исследуемых объектах на две группы: совместимые и несовместимые с теорией. Оно дает класс потенциальных фальсификаторов. В отношении принципов проверочная ситуация выглядит иначе. Условия истинности принципов остаются неясными, и к тому же в одной жизненной ситуации могут пересекаться несколько принципов сразу. Поэтому выбор нужного принципа определяется тем, что, следуя Рональду Дворкину, можно назвать «весом»*. При столкновении конкурирующих принципов побеждает более «весомый».

Ошибочно трактовать принципы как несовершенные законы. Законы непосредственно описывают некую модель. Хотя модель проще оригинала, она — мы это знаем точно — воспроизводит реальность по ряду её существенных характеристик. И если условия, которые зафиксированы в теоретической схеме, присутствуют в самой реальности, реальность будет вести себя сообразно предписаниям теоретиков. С точки зрения обобщенности своего содержания принципы сходны с законами науки. Принципы отнюдь не произвольны и в них фиксируется все многообразие релевантного опыта.

Принципы мыслятся как отображения реальности, то есть формулируются как экзистенциальные утверждения. Очевидное противоречие между универсальностью принципа и его экзистенциальным логическим статусом снимается за счет размывания условий применимости принципа. Здесь многое еще не ясно. Не очень понятно, что подразумевается под «весом» принципа. Однако сказанного достаточно, чтобы увидеть принципиальную разницу между предсказаниями «Капитала» и философской прогностики.

В числе упрощающих условий, которые сознательно вводились автором «Капитала» при создании модели товарного производства и которые остались неснятыми, были сведение труда к труду простому и ограничение экономических интеракций внутренним рынком. Оба эти условия приблизительно соответствовали тогдашним реалиям, но — что гораздо важнее — они были обязательны для грядущей поляризации социальной структуры и падения нормы прибыли. А именно на этом и строился вывод о грядущем коллапсе капитализма и пролетарской революции. В последней трети XIX столетия ситуация стала меняться. С одной стороны, быстро росла ценность умственного и квалифицированного труда (что ортодоксами было воспринято как формирование рабочей аристократии). С другой, возник финансовый капитал, и началась та гонка, которая в конце следующего века привела к созданию транснациональных корпораций. Оба эти процесса трансформировали социально-экономическую физиономию западного общества и подорвали основания марксова прогноза, превратив заключения «Капитала» в одну из возможных моделей капиталистического развития.

По-видимому, Маркс улавливал различия между социальной теорией и социально-философскими принципами. Во всяком случае, для основоположников исторического материализма не характерно обращение к понятиям закона и теории применительно к представлениям об историческом процессе. В рамках философского контекста они предпочитали говорить о материалистическом понимании истории. Образ целостного — как из *куска стали отлитого* — учения возник несколько позднее. Если мы хотим двигаться не по Чаадаеву, то есть не так, чтобы служить отрицательным примером для прочих народов, то фикса-

* Специфика правовых и моральных принципов — излюбленный предмет заботы Р. Дворкина, профессора Чикагского университета и редактора журнала «Ethics». У нас переведена его работа конца 70-х «О правах всерьез» (М. РОССПЭН. 2004).

ция методологических различий научного и философского подходов к социальной реальности представляется обязательной.

2. Марксизм, свобода и причинность

Замечания на эти темы разбросаны у Сагатовского по всему тексту. Поэтому представляется целесообразным как-то их суммировать. Характерным является стремление диалектически подойти к оценке, то есть отказаться от полного неприятия или замалчивания. Но в остальном тут есть повод для дискуссии.

Прежде всего отметим неточность в толковании кардинального понятия исторического материализма — «общественного бытия». Ссылаясь на предисловие 1859 года, Сагатовский утверждает, что Маркс фактически отождествляет «бытие» (речь, конечно, идет об общественном бытии) с базисом, с экономикой материального производства [3, с. 16]. На самом же деле фактичность такого отождествления — вопрос открытый. У Маркса есть, наверное, единственное место, где «общественное бытие» характеризуется как «реальный процесс жизни». Однако строгой дефиниции он не дает. Дискуссии в 60–70-е годы XX века привели к выделению двух трактовок общественного бытия — узкой и широкой. Ленинский перевод этого фрагмента, предположенный в «друзьях народа», позволяет склоняться в сторону широкой трактовки. Но даже сторонники узкой интерпретации остерегались отождествлять «общественное бытие» с базисом.

Ряд вопросов возникает в связи с авторской трактовкой онтологических допущений классического марксизма. В частности, по мнению Сагатовского, предложенная Марксом «схема жизнедеятельности общества» является «классической монокаузалистской схемой». Задачу же «нового взгляда» Сагатовский видит «в замене линейной последовательности принципом *взаимодействия*, что исключает редукцию одних элементов к другим: «базисом» оказывается само *системное взаимодействие*» [3, с. 15; 4, с. 6].

Дальнейшие пояснения «онтолого-методологической схемы» автора обнаруживают, что он смешивает позицию Маркса с интерпретацией марксизма, теоретиками второго Интернационала.

А между тем разницу подчеркивал ещё Лукач в «Истории и классовом сознании». «То, что составляет решающее различие между марксизмом и буржуазной мыслью, — писал венгерский исследователь, — это не примат экономических мотивов в историческом объяснении, а точка зрения целостности»* [9, Р. 27]. Основание для партикуляризации буржуазного сознания Лукач усматривал в особенностях экономического строя: «Капиталистическое отделение производителя от всего процесса производства, дробление процесса труда на части ценой утраты человеческой индивидуальности рабочего, атомизация общества на индивидов, продолжающих бессмысленно производить вещи, — все это не могло не оказывать глубокое влияние на мышление, науку и философию капитализма» [8].

Отход от «точки зрения целостности» хорошо демонстрируется эволюцией экономического знания. Во второй половине XVIII века *политическая* экономия была дисциплиной с устоявшимся академическим статусом, была наукой государственной. Вспомним Онегина, который «Бранил Гомера, Феокрита: // Зато читал Адама Смита // И был глубокий эконом, То есть умел судить о том, // Как государство богатеет, // И чем живет, и почему // Не нужно золота ему, // Когда простой продукт имеет».

С начала следующего века политическая экономия постепенно уступает место либеральным теориям, которые настолько затушевывают «политический» характер экономического знания, что к концу столетия она превращается в *economics*. Устранение прилагательного «политическая» позволило трактовать экономическое поведение не как результат взаимодействия создаваемых обществом и исторически ограниченных институтов, но как выражение устойчивых и универсальных черт индивидуальной человеческой психологии. Этот *монокаузализм* лежит в основаниях новейших доктрин о благодетельных последствиях свободного рынка для всех народов и государств, которые решатся к нему присоединиться.

В *Grundrisse* Маркс формулирует ёмкое положение: «конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство *многообразного*»

* В любой общественной формации, отмечал Лукач, мы найдем множество самостоятельных взаимодействующих обстоятельств и факторов. Однако ближайший анализ обнаруживает, что «та видимая независимость и автономия, которой они обладают в капиталистической системе производства, оказываются иллюзией, как только они втягиваются в динамическое диалектическое отношение друг с другом. И [тогда] они могут рассматриваться как динамические диалектические аспекты столь же динамичного и диалектического целого» [8, Р. 12–13].

[2, с. 37]. Идея конкретного предполагает, что части связаны не «абы как» и не в фантазии, а строго определенным образом и эта связь исторична. И хотя афоризм родился в ходе экономических штудий, нет оснований не прилагать этот принцип к обществу в целом. Один из аспектов этого «единства многообразного» представлен ленинской полемикой с Михайловским.

На первый взгляд позиция Ленина подтверждает тезис Сагатовского. Будущий лидер большевиков усматривает заслугу Маркса именно в том, что последний объяснил строение и развитие капиталистического общества «исключительно производственными отношениями», «не прибегая ни разу для объяснения к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений» [1, с. 138]. Что же это такое, если не стопроцентный экономический «монокаузализм»? Однако страницей раньше автором «друзей народа» вводится разграничение двух типов общественных отношений — идеологических и материальных.

В чем же их разница? Они различаются онтологическим статусом, а именно своим отношением к сознанию. Первые, «прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей». То есть, они обретают форму, преломляясь через накопленный багаж взглядов, идей, чувств и убеждений. Напротив, материальные общественные отношения «складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не осознавая, что тут имеется общественное отношение». Они, конечно, могут это обстоятельство и осознать. Но онтологически осознание ничего не меняет. Поскольку здесь сознание приспособливается к реальности, стремясь к полному изоморфному соответствию, оно в теории может быть сведено к своему материальному основанию. Но в случае идеологического отношения такая операция незаконна. В идеологических феноменах сознание с его формами и традициями есть самостоятельный игрок на историческом поле. И здесь объяснительные процедуры требуют выведения одного из другого. Детерминация духовного материальным если и имеет место, то лишь в конечном счете. Диалектика выведения и сведения обсуждалась, кажется, ещё в хрущевские времена Батищевым и иже с ним. В учебную литературу их результаты не вошли, а жаль! Потому что картина получилась бы более полная.

Валерий Николаевич пишет, что «нельзя выводить все характеристики жизни общества, включая его недостатки, только из эко-

номического базиса» [4, с. 10]. Думаю, что с этим надо согласиться.

Другое моё замечание относительно общих посылок марксизма связано с проблемой свободы. Сагатовский последователен. Последовательность мышления была ценным качеством во времена Канта, не утратила она ценности и в наши дни. Эта последовательность позволяет ему точно выразить предрассудок, характерный для учебников по обществоведению середины прошлого столетия. Он видит, что монокаузализм в соединении с идеей закона предполагает истолкование свободы в духе «лапласовского детерминизма»: «базис определяет те задачи, которые люди сознательно ставят перед собой (свобода как осознанная необходимость)» [4, с. 5].

Конкретный облик «лапласовского детерминизма» применительно к истории обнаруживается при сопоставлении позиций Макиавелли и Монтескье по поводу взлета и упадка Римской республики. Человеческие судьбы, — размышляет флорентийский секретарь, — частью зависят от людей, частью от неба. От небес зависят моровая язва, голод и потоп; от людей — перемена религии и языка. Во всех человеческих делах играют свои роли «рок», «фортуна» и, кроме того, «доблести»; «доблести» — понятие нравственно-политическое; доблестен тот, кто уловил общественные нужды и внес заметный вклад в их удовлетворение; «фортуна» — это удача, иносказание для случайности; она, как женщина, открывает свои объятия молодым и героям, то есть отважным и предприимчивым. Таким образом, мысль Макиавелли движется достаточно диалектично.

Напротив, Монтескье сугубо механистичен. Для Монтескье гибель республиканского Рима есть явление необходимого порядка. Любая республика, которая перерастает определенные размеры, неизбежно подрывает свою гражданскую культуру (Руссо на этом основании приветствовал раздел Польши). Поскольку чрезмерно большое государство должно погибнуть, вопрос только в том, кем и когда оно будет разрушено. Отсюда правильное отношение к необходимости заключается в её познании и в действиях по её реализации.

Такое представление можно назвать «просвещенным фатализмом». Его суть выражает афоризм Сенеки «судьба ведет покорного и тащит упирающегося» или, если обратиться к автору статьи, «общая линия — от первобытного общества до коммунизма — остается заданной в духе

лапласовского детерминизма» [4, с. 5]. Но этот взгляд далек от воззрений прошедшего гегелевскую выучку Маркса.

Просветители выкидывают из содержания понятия свободы момент вариативности бытия. А между тем он прошел проверку в горниле теологических споров. Проблематика была принципиальной. Одинакова ли степень свободы у ангелов падших и тех, кто не утратил свою чистоту? Была ли разница в возможности Адама контролировать свое поведение до грехопадения и после него? Есть ли у Бога возможность быть несправедливым? Ансельм приходит к выводу, что свобода есть способность воли сохранять свою честность и целостность ради себя самой. При этом он различал «иметь способность» и «пользоваться способностью», а также способность и мотивацию. В итоге получалось, что возможность выбора присуща всякому мыслящему существу, есть его отличительный признак.

Ситуация свободы — это, прежде всего, ситуация выбора. Оптимум определяется соответствием нашим желаниям. Но каждый вариант, каждая опция имеют последствия. Они наступают необходимо, могут быть нежелательны и, как замечает Энгельс, по масштабам могут превосходить непосредственный положительный эффект. Однако любая необходимость вначале существует как возможность и для реализации нуждается в условиях. Условия можно менять, если прилагать к этому руки.

Отсюда свобода «состоит в основанном на познании необходимостей природы [Naturwendingkeiten] господстве над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития» [6, с. 116]. Такое понимание вовсе не требует отказа от своих желаний и своей субъективности. В этом, собственно, и состоял шаг классического марксизма вперед по сравнению с Кантом и французскими просветителями.

Но как получилось, что в идеологической практике советского периода идея вариативности из понятия свободы исчезла и все допустимые желания свелись к тому, что должно желаться? Полный ответ явно выходит за формат комментария. Обращу внимание только на святую уверенность цензуры в том, что устами высшего партийного руководства глаголет сама истина. Попробуй кто-нибудь из обществоведов даже семидесятых заявить, что коммунизм — это один из возможных вариантов человеческого существования. Кроличий король был большим либералом, и кролики могли плыть быстрее своего короля, но только в указанном королем направлении.

В заключение хотелось бы поблагодарить Валерия Николаевича за его нужную работу и редакционный совет журнала за усилия по воссозданию творческого и — чего нам сильно не хватает — корпоративного духа российских обществоведов в масштабах всей нашей родины.

1. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.1.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1.
3. Сагатовский, В.Н. Новый взгляд на историю (попытка обоснования) [Текст] / В.Н. Сагатовский // Социум и власть. — 2010. — № 3.
4. Сагатовский, В.Н. Новый взгляд... [Текст] / В.Н. Сагатовский // Социум и власть. — 2010. — № 4.
5. Сагатовский, В.Н. Новый взгляд. [Текст] / В.Н. Сагатовский // Социум и власть. — 2011. — №1.
6. Энгельс Ф. Антидюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20.
7. Bunge M. Treatise on Basic Philosophy. Volume 7. Epistemology and Methodology III: Philosophy of Science and Technology. Part II: Life Sciences, Social Science and Technology. Dordrecht: Reidel. 1985.
8. Lukács G. History and Class Consciousness // Cambridge MA, MIT Press. 1971.

* Позиция Энгельса близка воззрениям Марио Бунге, одного из последних классиков двадцатого века и к тому же редактора престижного североамериканского журнала по философии социальных наук. «Хотя, — пишет Бунге, — похоже, что все высшие позвоночные способны представлять ближайшее будущее, только люди планируют на долгосрочную перспективу, а кто-то даже и на всю жизнь. Следовательно, в то время как животные способны лишь переживать будущее, люди — хотя бы частично — приспособливают его к своей выгоде (или на свою погибель). Поэтому планирование (вопреки тому, что твердят неолиберальные экономисты) вовсе не обязательно ведет по дороге к рабству и может способствовать увеличению свободы. Но для этого планирования недостаточно: точно так же можно строить планы порабощения. Не планирование само по себе, а его цели и средства могут нести с собой рабство или же свободу» [7, Р. 229]. Эти слова были сказаны, когда в наших головах царил «рыночная» эйфория и сравнение с Милтоном Фридманом воспринималось как нечто очень даже почетное.

СОЦИУМ

SOCIUM

Севастьянов А.М. Дискурс преодоления социальной несправедливости: опыт Совета Европы. Дискурс преодоления социальной несправедливости является важным элементом формирования новых моделей управления, позволяет правильно выявить проблему, сформулировать смыслы, предложить модели управления, исключаящие воспроизводство несправедливости. Совет Европы развивает навыки межкультурного диалога, основанного на мультикультурализме.

Ключевые слова: дискурс, несправедливость, измерение, управление, модель, Совет Европы, межкультурный диалог, мультикультурализм.

Истамгалин Р.С. Роль центра, периферии и традиций в исторической эволюции социального идеала российского аграрного общества (IX–XVII вв.). В статье предпринята попытка рассмотреть социальный идеал, с одной стороны, как источник и результат взаимодействия центра и периферии, с другой стороны, как продукт взаимоотношений традиции и новизны, в которых традиция не пассивный элемент, подвергающийся полному отрицанию, а активный участник исторического процесса, обладающий потенциалом позитивного развития в любом обществе.

Ключевые понятия: центр, периферия, традиции, эволюция.

Полковникова Т.Н. Социально-психологические особенности развития управленческих способностей руководителя. В статье в психосоциальном ключе рассматриваются проблемы развития и совершенствования профессиональных способностей офицерских кадров Вооруженных Сил Российской Федерации. Предложены рекомендации по учету и использованию социально-психологических особенностей эффективного развития управленческих способностей руководителя военного профиля в период его обучения.

Ключевые понятия: управленческие способности, продуктивное развитие, управление, мотивация, психологический мониторинг.

Костина Н.Б., Озорнина Ю.П. Эффективность государственного управления глазами населения города Екатеринбурга: опыт эмпирического исследования. Статья посвящена исследованию мнений жителей г. Екатеринбурга, полученных посредством анкетного опроса, об эффективности деятельности органов государственной власти, о влияющих на нее факторах. На основе полученных данных сделаны выводы о том, какой смысл вкладывает население в понятие «эффективности государственного управления», каковы последствия неэффективной работы государственных и муниципальных служащих.

Ключевые понятия: оценка населением эффективности государственного управления, факторы и последствия неэффективной работы чиновников.

Sevastyanov A.M. Discourse of overcoming social injustice: the Council of Europe experience.

Discourse of overcoming social injustice is considered an important element of forming new management models. It helps to reveal the problem correctly, to formulate the points, to suggest some management models, which exclude the injustice. The Council of Europe develops the skills of the intercultural dialogue based on the multiculturalism.

Key concepts: discourse, injustice, measuring, management, model, the Council of Europe, intercultural dialogue, multiculturalism.

Istamgalin R.S. Role of centre, provinces and traditions in historical evolution of the social ideal of Russian agrarian society (IX–XVII). In the article there is an attempt to consider the social ideal as the source and the result of interaction of centre and provinces on the one hand, and, on the other hand, as a product of interrelation of traditions and novelty, where traditions are not passive elements exposed to negation, but an active member of the historic process, which has the potential of positive development in any society.

Key concepts: center, provinces, tradition, evolution.

Polkovnikova T.N. Social and psychological features of the leader abilities development. The article dwells upon the problems of development and improvement of the professional abilities of the Russian Federation Armed Forces officers. It contains recommendations for taking into account and using social and psychological features of the effective development of leader abilities of a military leader during his training.

Key concepts: leader abilities, productive development, management, motivation, psychological monitoring.

Kostina N.B., Ozornina Yu.P. The public administration efficiency from the Yekaterinburg's adult citizens' point of view: the experience of the empirical research. The article deals with the Yekaterinburg citizens' opinion survey, made by means of the questionnaire poll, concerning the efficiency of government bodies' activities and the factors that affect it. Based on the empirical findings, the conclusion about the way people interpret the term «public administration efficiency», and the consequences of inefficient government and local government employees' performance, is drawn.

Key concepts: people's assessment of the public administration efficiency, consequences and factors of the inefficient work of the officials.

Зерчанинова Т.Е., Позднякова Е.В. Социальное программирование как функция управления в сфере государственной молодежной политики. Статья посвящена вопросу формирования и реализации региональных молодежных программ и оценке их социальной эффективности. В работе приводятся результаты социологических опросов молодежи.

Ключевые понятия: социальное программирование, региональные программы, государственная молодежная политика, социальная эффективность.

Зырянова Н.С. Дискурс потребительских стремлений современного общества и его отражение в рекламном тексте. Статья посвящена функциональным особенностям рекламы. В контексте современной культуры в статье выделяются следующие аспекты функциональных особенностей рекламного дискурса: экономический, психологический, социокультурный, эстетический.

Ключевые понятия: реклама, рекламный дискурс, современное общество, дискурс потребительских стремлений, символический капитал, общество потребления.

Антонова Н.Л. Социальная эксклюзия в системе обязательного медицинского страхования.

В статье рассматривается проблема социальной эксклюзии в системе обязательного медицинского страхования. Выделены группы, имеющие ограничения в доступе к медицинскому обслуживанию: низкодоходные группы, бездомные и жители сел, городов, проживающие на отдаленных от крупных населенных пунктов территориях. Ключевые понятия: социальная эксклюзия, неравенство, доступность медицинской помощи.

ВЛАСТЬ

Чувашов Л.А. Понятие государственной власти: социально-философский анализ. В статье анализируются основные подходы к интерпретации понятия государственной власти в зарубежной и отечественной социально-философской мысли, обосновывается актуальность осмысления феномена государственной власти в контексте ее коммуникативного бытия.

Ключевые понятия: власть, государственная власть, социальное государство, созидание социума, коммуникативное бытие.

Логиновский С.С. Максим Исповедник о христианском отношении к власти. В статье рассматривается учение св. Максима Исповедника о христианском отношении к власти. Максим считает, что сама по себе власть не является ни добром, ни злом, но может быть использована как в добрых, так и злых целях. Поэтому в случае, если человеку дается власть, он не должен от неё отказываться, но, приняв её, использовать как вспомогательное средство достижения добра. Однако даже в этом случае обладание властью связано с серьёзной духовной опасностью. Поэтому не следует целенаправленно искать власти, ни во что бы то ни стало пытаться её удержать. Напротив, утрату власти необходимо воспринимать как милость Божью, как избавление от труднопроходимого испытания.

Zerchaninova T.E., Pozdnyakova E.V. Social programming as a function of management in the state youth policy. This article discusses the question of formation and realization of regional youth programs and their social efficiency. The results of the youth survey are given in the article.

Key concepts: social programming, regional programs, state youth policy, social efficiency.

Zyryanova N.S. Discourse of consumer mind of modern society and its reflection in advertising texts. The article speaks on the functional features of advertisement. The following aspects of the discourse of advertising can be stated in modern culture: economic, psychological, sociocultural, aesthetic.

Key concepts: advertisement, discourse of advertising, modern society, discourse of consumer mind, symbolic capital, consumer society.

Antonova N.L. Social exclusion in the system of compulsory medical insurance. The article describes the problem of social exclusion in the system of compulsory medical insurance. The groups that have restrictions on the access to health care are singled out. Those are poor, homeless and rural residents, who live far from major cities.

Key concepts: social exclusion, inequality, medical help accessibility.

POWER

Chuvashov L.A. Concept of government: socially philosophical analysis. In article the basic approaches to the interpretation of the concept of government in foreign and home socially philosophical thoughts are analyzed, the urgency of judgement of the phenomenon of government in the context of its communicative existence is proved.

Key concepts: power, government, social state, society creation, communicative existence.

Loginovskiy S.S. St. Maximus the Confessor on Christian attitude to authority. The article looks at the teachings of St. Maximus the Confessor on Christian attitude to power. Maximus says that power on its own is neither good, nor evil, but may be used for both good and bad purpose. Therefore, if a man gains power, he should not renounce it, but having accepted it, should use it as a measure to do good. However, even in this case, wielding power is a matter of serious spiritual concern. Therefore, one should neither intentionally seek power, nor try to hold it. On the contrary, the loss of power should be treated as God's grace, as deliverance from a difficult test.

Ключевые понятия: христианство, отцы церкви, св. Максим Исповедник, политическая власть, добро, зло.

Романова К.С. Дискурс власти и денег. В статье анализируется дискурс власти и денег как сущность социальной реальности. Интегральное понимание их взаимосвязи является основой для истоков жизненных смыслов и их перспектив. Ключевые понятия: власть, деньги, общество, личность.

Хубулури Е.И. Современные тенденции в системе управления социальной политикой в западных странах и России. В статье анализируются тенденции развития системы управления социальной политикой в контексте национальных моделей государственной политики западных стран и России. Рассматриваются аспекты реформирования системы управления социальной политикой на конкретных примерах западных стран.

Ключевые понятия: система управления социальной политикой, тенденции управления, модель государственного управления, бюрократическая модель управления, новый государственный менеджмент.

Попов В.Г., Астахов А.З. Проблема политического представительства в системе властных отношений. С позиций функционального подхода проанализирован феномен политического представительства, выявлены его методологические возможности при рассмотрении демократического политического управления. Политическое представительство выступает интегральной функцией демократии, оптимизация которой способствует модернизации политической структуры общества и политического управления.

Ключевые понятия: демократия, представительство, делегирование, интегральная функция, политическое представительство.

Кучкин В.К. Политический механизм реализации концепции правового государства в современной России. Статья посвящена актуальным проблемам построения правового государства в современной России. Автор рассматривает политические механизмы реализации государственной политики, выделяя группы политических механизмов, и выявляет их роль в российском политическом процессе.

Ключевые понятия: правовое государство, гражданское общество, политический процесс, политический механизм, политические механизмы.

Пустошинская О.С. Протестная политическая субъектность студентов Салехарда и Екатеринбурга: моделирование ситуации. В статье представлены обобщения и выводы, сделанные по результатам проведенного в 2009–2010 гг. социологического опроса салехардских и екатеринбургских студентов. Основная тема исследования – молодежный протестный потенциал в УрФО и его политическая и идеологическая доминанта.

Ключевые понятия: студенческая политическая активность, молодежные организации и движения, потенциал молодежного протеста, молодежное сознание, студенческая политическая компетентность.

Key concepts: Christianity, Fathers of the Church, St. Maximus the Confessor, political power, good, evil.

Romanova K.S. Discourse of power and money. The article analyses the discourse of power and money as the essence of social reality. Their correlation integral understanding is the basis of the source of vital senses and their perspectives.

Key concepts: power, money, society, personality.

Khubuluri E.I. Modern tendencies in the system of social policy management in western countries and in Russia. The tendencies of developing the system of social policy managing in the context of national models of state policy in western countries and in Russia are analysed in the article. The aspects of reforming the system of social policy managing on the concrete examples of western countries are considered.

Key concepts: system of social policy managing; tendencies of management; model of state managing; bureaucratic model of management; New Public Management.

Popov V.G., Astakhov A.Z. The problem of political representation in the system of relations of power.

The phenomenon of political representation is analysed from the point of view of the functional approach, its methodological possibilities are revealed during the study of the democratic political management. Political representation acts has an integral function of the democracy whose optimization promotes modernization of the political structure of the society and political management.

Key concepts: democracy, representation, delegation, integral function, political representation.

Kuchkin V.K. Political mechanism of implementation of the concept of constitutional state in modern Russia. The article is devoted to the concept of constitutional state in modern Russia. The author examines the political mechanisms for the implementation of public policy, allocating groups of political mechanisms and revealing their role in the Russian political process.

Key concepts: constitutional state, civil society, political process, political mechanism, policy mechanisms.

Pustoshinskaya O.S. Student's protest political subjectivity of Salekhard and Yekaterinburg: situation modeling. Article presents generalizations and conclusions based on the results of student's social opinion, which was realization in 2009–2010 years. Main theme of research is youth's protests potential in Ural federal district, its political and ideological dominant.

Key concepts: student's political activity, youth's organizations and movements, youth's protest potential, youth's consciousness, student's political competence.

Квятковский К.О., Русакова О.Ф. Основные методологические подходы к исследованиям дискурса политической блогосферы.

В статье рассматриваются компаративный, структурно-функциональный, конструктивистский подходы, критический дискурс-анализ, теоретическое моделирование. Оценивается эвристическая ценность данных подходов, их сильные и слабые стороны.

Ключевые понятия: дискурс, Интернет, методология, политическая блогосфера.

Васильева С.А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность. В статье рассматриваются основные положения идеологии и приводится оригинальная периодизация её развития. Особое внимание уделяется анализу пантюркизма как угрозе национальной безопасности России и Китая, как государств со значительным тюркским меньшинством.

Ключевые понятия: пантюркизм, геополитическая доктрина Турции, тюрки, Туран, национальная безопасность России.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Биушкина Н.И. Юридическое закрепление процедуры негласного надзора и наблюдения в Российском полицейском праве 80-х – 90-х гг. XIX в. В статье исследуется малоизученное в истории государства и права России Положение МВД «О негласном надзоре» от 1 марта 1882 г. Уделяется внимание таким понятиям, как негласный надзор и негласное наблюдение, дается их определение, выделяются отличительные черты.

Ключевые понятия: негласный надзор, негласное наблюдение, Положение МВД, департамент полиции, циркуляры МВД.

Блажевич Н.В., Сергеев К.А. Методологические основы раскрытия и расследования преступной деятельности в корпоративной сфере правоотношений. В работе рассматриваются методы научного познания, которые носят общий характер и применяются в исследованиях проблем в области криминалистической деятельности. Сделан вывод, что применительно к криминалистическим исследованиям методы определённым образом модифицируются в зависимости от сферы борьбы с преступностью, локализации следов преступления, специфики источников доказательственной информации. Указывается, что, являясь действенными средствами уголовно-процессуального познания обстоятельств преступной деятельности в экономической сфере, методы имеют большой потенциал для дальнейшего совершенствования. Этот потенциал заключается в комплексном, а не раздельном их применении.

Ключевые понятия: методы познания, отражение, моделирование, сравнительный анализ, метод криминалистической диагностики, преступная деятельность.

Kvyatkovskiy K.O., Rusakova O.F. Basic methodological research approaches to the discourse of political blogosphere.

The main subjects of the article are comparative, constructivist, structural and functional approaches, critical discourse-analysis and theoretical modeling. Heuristic value of these approaches, their strengths and weaknesses is measured.

Key concepts: discourse, Internet, methodology, political blogosphere.

Vasilyeva S.A. Modern state of Pan-Turkism: theoretical foundation and practical activity. The article dwells upon the basic points of the ideology. The original periodization of its development is given. Special attention is paid to Pan-Turkism as a threat to the national security of Russia and China as the states with a significant Turkic minority.

Key concepts: Pan-Turkism, Turkey geopolitical doctrine, Turkic people, Turan, Russia national security.

STATE AND LAW

Biushkina N.I. Legal fastening of procedure of private supervision and secret surveillance in the Russian police right 80 – 90th of XIX century. The article is devoted to the research of Russian Ministry of the Interior Regulation «About private supervision» dated March 1st, 1882, under-researched in the history of the state and the right of Russia. The attention is given to such concepts as private supervision and secret surveillance, their definition is given and their distinctive features are highlighted.

Key concepts: private supervision, secret surveillance, Ministry of the Interior Regulation, Police Department, Circulars of the Ministry of the Interior.

Blazhevich N.V., Sergeev K.A. Methodological basis of detection and investigation of criminal activity in the corporate area. Methods of scientific knowledge that are of general character are examined in the article. They are applied in investigation of problems in the area of criminalistic activity. It is concluded that in the context of criminalistic investigations these methods are modified in a certain manner depending on sphere of crime fighting, localization of traces of crime, specificity of evidential information. It is stated that being an efficient tool of knowledge of criminal proceedings of circumstances of criminal activity in economic sphere the methods have a good potential for further improvement. This potential consists in complex application, not in separate one.

Key concepts: methods of knowledge, reflection, modeling, comparative analysis, method of criminalistic diagnostics, criminal activity.

Жаксальков Е.К. Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за незаконную миграцию. В статье проанализирован исторический опыт установления уголовно-правового запрета незаконной миграции в России. Исследованием охвачены основные законодательные памятники истории и уголовные кодексы России, содержащие нормы, криминализирующие незаконную миграцию. Ключевые понятия: незаконная миграция, уголовная ответственность за незаконную миграцию, уголовные памятники истории России.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Черкасова Т.П., Мамонтова Ю.П. Технологический путь развития мировой экономики и возможности инновационного роста России. В статье рассмотрены мировые критерии оценки рейтинга конкурентоспособности ведущих держав мира на базе данных Всемирного экономического форума. Выделены слабые и сильные стороны российской экономики в этом рейтинге, а также дана оценка технологического преимущества страны в межстрановом разрезе, которое в условиях постиндустриальной экономики заключено в ресурсе знаний, технологическом, трудовом, инвестиционном и организационно-управленческом ресурсах. Обозначены возможности перехода России на инновационный путь роста через реализацию технологического преимущества.

Ключевые понятия: технологическое преимущество, инновационный рост, конкурентоспособность, ресурсы экономического роста.

Полюяхтов С.А., Белкин В.А. Развитие теории циклических колебаний процентной ставки на основе ее связи с циклами солнечной активности. В статье на обширном статистическом материале доказана гипотеза о том, что циклические колебания банковской процентной ставки по кредитам определяются циклами солнечной активности. На этой основе возможно прогнозирование процентной ставки в среднесрочной и долгосрочной перспективе, а следовательно, и будущего состояния мировой и российской экономики.

Ключевые понятия: цикличность банковской процентной ставки, циклы солнечной активности, циклическое развитие экономики, прогнозирование экономических кризисов, прогнозирование банковской процентной ставки.

КУЛЬТУРА

Лукин А.Н. Онтология ценностей. В статье проводится анализ содержания различных философских подходов к исследованию природы ценностей, их функций в жизни индивида и общества. Автор выделяет отличительные черты ценностного регулирования поведения человека, обосновывает иерархичность системы ценностей.

Ключевые понятия: ценности, социальная регуляция, индивидуальное бытие.

Zhaksalykov E.K. Russian criminal legislation development on responsibility for illegal migration. The historical experience of the establishment of the illegal migration penal prohibition in Russia is analysed in the article. The main legislative monuments of history and the criminal codes of Russia, containing norms, criminalising illegal migration are covered in this research work.

Key concepts: illegal migration, criminal liability for illegal migration, criminal monuments of Russian history.

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Cherkasova T.P., Mamontova Yu.P. Technological way of world economic development and potential of Russia's innovation growth. The article concerns world competitiveness rating creations of the Great World Powers according to the World Economic Forum base. The authors pick out the advantages and disadvantages of Russian economy in this rating. Moreover they give assessment of state technology advantage in the international aspect, which includes knowledge, technological, labour, investment and management resources in postindustrial conditions. The potential of Russian transition to innovation growth is determined by the system of technology advantage.

Key concepts: technology advantage, innovation growth, competitiveness, resources of economic growth.

Poluyakhtov S.A., Belkin V.A. Development of the interest rate cyclic fluctuation theory based on its relation to solar activity cycles. On the basis of extensive statistic material the hypothesis that cyclic fluctuations of the bank credit interest rate are determined by solar cycles is proved in the article. For the reasons given it is possible to forecast an interest rate in medium-term and long-term perspective and consequently to predict future economic situation in the world and particularly in Russia.

Key concepts: cyclic fluctuations of the bank credit interest rate, solar cycles, cyclic development of economy, forecast of the economic crisis, forecast of an interest rate.

CULTURE

Lukin A.N. Ontology of values. The article analyses the content of the various philosophical approaches to the study of the nature of values, their functions in the life of the individual and society. The author singles out the distinctive features of the value of regulation of human behavior, justifies the hierarchical system of values.

Key concepts: values, social regulation, individual being.

Жарков О.Ю. Исторические предпосылки создания первого в СССР комбината промышленного производства плутония. В статье на основе исторических документов и литературы рассказывается о довоенном и военном периоде развития советской атомной науки, решении сырьевой проблемы начального этапа, как предпосылках последующей военной научно-технической революции в СССР в области создания ядерного оружия.

Ключевые понятия: ядерная физика, Атомный проект СССР, реактор, уран, плутоний.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Чупров А.С. О новом взгляде на историю (в порядке обсуждения статьи В.Н. Сагатовского). Данная публикация, посвященная бытию человека в истории, – это отклик на статью В.Н. Сагатовского «Новый взгляд на историю (попытка обоснования)», опубликованную в журнале «Социум и власть». Автор не только дает оценку названной статье, но и высказывает свою точку зрения по некоторым проблемам онтологии, философской антропологии, истории, методологии исторического познания и философии истории. Ключевые понятия: бытие, человек, история, историческая наука, философия истории.

Ершов Ю.Г. Схема есть схема... (о «новом взгляде» на историю человечества). В статье рассматриваются некоторые онтологические и эпистемологические основания философско-исторической концепции В.Н. Сагатовского. Автор анализирует теоретическую и методологическую уязвимость классической философии истории в понимании содержания и оснований общественного прогресса.

Ключевые понятия: философия истории, всемирная история, общественный прогресс, методологический плюрализм.

Шрейбер В.К. Несколько соображений в связи с попыткой «нового взгляда» на историю. Статья предлагает комментарий к недавней попытке В. Сагатовского обосновать ряд положений, претендующих на статус узловых моментов в выработке «нового взгляда» на всемирную историю. Поскольку Сагатовский начинает с оценки истинности материалистического понимания истории, автор статьи останавливается на различиях философского и научного прогнозов. Различия поясняются путем сравнения гносеологических особенностей законов и принципов. Во второй части статьи доказывается, что сведение свободы к познанию необходимости есть характерная черта не классического марксизма, а философии Просвещения.

Ключевые понятия: предсказание; закон науки; принцип; марксизм; причинность; «просвещенный фатализм»; свобода.

Zharkov O.Yu. Historical background of the construction of the first USSR combine for industrial production of plutonium. The article is based on the review and analysis of historical documents describing prewar and postwar period of the development of the Soviet nuclear science and the solution of the problem with raw materials at the initial stage that became the background of subsequent scientific and technical revolution in the sphere of nuclear weapon development in USSR. Key concepts: nuclear physics, USSR Nuclear Project, reactor, uranium, plutonium.

DISCUSSIONS AND DEBATES

Chuprov A.S. On a new approach to history (as part of a discussion of the article by V.N. Sagatovskiy). The article deals with the human existence in history. It is a response to V.N. Sagatovskiy's article «New approach to history (attempt to explain)» published in the «Society and Power». Not only does the author give his appraisal of the article, but also he presents his point of view on some problems of ontology, philosophical anthropology, history, historical cognition methodology and philosophy of history. Key concepts: existence, human, history, historical studies, philosophy of history.

Ershov Yu.G. Scheme is scheme... (on a «new approach» to human history). In the article certain ontological and epistemological foundations of V.N.Sagatovskiy's philosophical and historical concept are discussed. The author analyses the theoretical and methodological vulnerability of classical philosophy of history in terms of content and the foundations of social progress.

Key concepts: philosophy of history, world history, social progress, methodological pluralism.

Shreyber V.K. Reflecting upon the attempt of a «new approach» to history. The article gives a commentary on the recent attempt of V. Sagatovskiy to give proof to some ideas that pretend to be the key points in a «new approach» to history. As Sagatovskiy starts with his assessment of the truth of materialistic understanding of history, the author dwells upon the differences between philosophical and scientific progress. The differences are shown by the means of comparison of gnoseological laws and principles. The second parts of the article contains certain attempts to prove that the reduction of freedom to the cognition of need is not the characteristic feature of classical Marxism, but the philosophy of Enlightenment.

Key concepts: prediction, scientific law, principle, Marxism, causality, «enlightened fatalism», freedom.

АВТОРЫ НОМЕРА

Антонова Наталья Леонидовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, доцент, г. Екатеринбург. E-mail: n-tata@mail.ru

Астахов Александр Зиновьевич, аспирант кафедры социологии и управления общественными отношениями Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург. E-mail: profin@usue.ru

Белкин Владимир Алексеевич, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: belkin5986@mail.ru

Биоюшкина Надежда Иосифовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. E-mail: asya_biyushkina1@list.ru

Блажевич Николай Викторович, доктор философских наук, профессор, начальная кафедры философии и социологии Тюменского юридического института МВД России. E-mail: Sergeev_ab@bk.ru

Васильева Светлана Анатольевна, преподаватель кафедры политологии и регионоведения Челябинского государственного университета. E-mail: lana86@pochta.ru

Ершов Юрий Геннадьевич, заведующий кафедрой философии и политологии Уральской академии государственной службы, доктор философских наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Жаксальков Еркен Курмашевич, аспирант академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Магнитогорск. E-mail: ezhaksalykov@mail.ru

Жарков Олег Юрьевич, руководитель группы фондов научно-технической документации ФГУП «Производственное объединение «Маяк», г. Озерск, Челябинская область. E-mail: oyzharkov@po-mayak.ru

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Уральской академии государственной службы, доцент, г. Екатеринбург. E-mail: Tatiana_Z@uapa.ru

Зырянова Наталья Сергеевна, аспирант кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: natasha.zyrianova@gmail.com

Истамгалин Рамиль Сафиевич, заведующий кафедрой философии Уфимской государственной академии экономики и сервиса, кандидат философских наук. E-mail: istamgalina@bashkortostan.ru

Квятковский Кирилл Олегович, преподаватель кафедры политологии Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: kvyatkovsky13@gmail.com

Костина Наталья Борисовна, заведующая кафедрой теории и социологии управления Уральской академии государственной службы, доктор социологических наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Кучкин Владислав Константинович, аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dispolit@skags.ru

Логиновский Сергей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры политических наук и связей с общественностью Челябинского государственного университета. E-mail: deti@74mail.ru

Лукин Анатолий Николаевич, кандидат культурологии, профессор кафедры государственного и муниципального управления Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, доцент. E-mail: anlukin@mail.ru

Мамонтова Юлия Павловна, аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: pfo@skags.ru

Озорнина Юлия Петровна, аспирант кафедры теории и социологии управления Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург. E-mail: ozornina@inbox.ru

Позднякова Евгения Васильевна, аспирант кафедры теории и социологии управления Уральской академии государственной службы, г. Екатеринбург. E-mail: evgeniya-ekb@mail.ru

Полковникова Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель Российского государственного социального университета, г. Москва. E-mail: Kate2in4red7@mail.ru

Полухаев Станислав Андреевич, аспирант Челябинского государственного университета. E-mail: СтАс2@mail.ru

Попов Валерий Германович, советник ректората Уральского федерального университета, заведующий кафедрой социологии и управления общественными отношениями Уральского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: valery54-porov@yandex.ru

Пустошинская Ольга Сергеевна, ассистент кафедры политологии Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета. E-mail: Helga.85@mail.ru

Романова Кира Степановна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доцент, г. Екатеринбург. E-mail: romkira@yandex.ru

Русакова Ольга Фредовна, заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения Российской Академии наук, доктор политических наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: dipi@nm.ru

Севастьянов Алексей Михайлович, уполномоченный по правам человека в Челябинской области, г. Челябинск. E-mail: ombudsman74@mail.ru

Сергеев Константин Андреевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Челябинского юридического института МВД России. E-mail: Sergeev_ab@bk.ru

Хубулури Екатерина Ильинична, кандидат социологических наук, докторант Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dorobr@skags.ru

Черкасова Татьяна Павловна, кандидат экономических наук, доцент Северо-Кавказской академии государственной службы, г. Ростов-на-Дону. E-mail: nauka@skags.ru

Чувашов Леонид Анатольевич, аспирант кафедры философии Челябинского государственного университета. E-mail: leonidpont@mail.ru

Чупров Александр Степанович, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии Благовещенского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор. E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Шрейбер Виктор Константинович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Челябинского государственного университета. E-mail: shreiber@csu.ru

---

AUTHORS OF THIS ISSUE

- Antonova Natalya Leonidovna**, Cand. Sc. (Sociology), Assistant Professor at Sociology Theory and History Department of the Institute of Social and Political Studies at Ural Federal University, Yekaterinburg. E-mail: n-tata@mail.ru
- Astakhov Aleksandr Zinovyeovich**, postgraduate student at the Department of Sociology and Public Relations Management at Ural State University of Economics, Yekaterinburg. E-mail: profin@usue.ru
- Belkin Vladimir Alekseevich**, Dr. Sc. (Political Science), senior research scientist at the Chelyabinsk Branch of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences. E-mail: belkin5986@mail.ru
- Biyushkina Nadezhda Iosifovna**, Cand. Sc. (Law), Assistant Professor at the Theory and History of State and Law Department of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod. E-mail: asya_biyushkina1@list.ru
- Blazhevich Nikolay Viktorovich**, Dr. Sc. (Philosophy), professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology at Tumen Law Institute of Russia Ministry of Interior. E-mail: Sergeev_ab@bk.ru
- Cherkasova Tatyana Pavlovna**, Cand. Sc. (Economics), Assistant Professor of North-Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don. E-mail: nauka@skags.ru
- Chuprov Aleksandr Stepanovich**, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Politology of Blagoveshchensk State Pedagogical University, Dr. Sc. (Philosophy), professor. E-mail: alex.chupr@yandex.ru
- Chuvashov Leonid Anatolyevich**, postgraduate student at the Philosophy Department of Chelyabinsk State University. E-mail: leonidpont@mail.ru
- Vasilyeva Svetlana Anatolyevna**, Lecturer at the Department of Politology and Area Studies of Chelyabinsk State University. E-mail: lana86@pochta.ru
- Ershov Yuriy Gennadyevich**, Head of the Department of Philosophy and Politology of Ural Academy of Public Administration, Dr. Sc. (Philosophy), professor, Yekaterinburg. E-mail: yuri-ekb@mail.ru
- Istamgalin Ramil Safievich**, Head of the Department of Philosophy of Ufim State Economics and Service Academy, Cand. Sc. (Philosophy). E-mail: istamgalina@bashkortostan.ru
- Khbuluri Ekaterina Ilyinichna**, Cand. Sc. (Sociology), doctoral student at North-Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don. E-mail: dopobr@skags.ru
- Kostina Natalya Borisovna**, Head of the Department of Theory and Sociology of Administration at Ural Academy of Public Administration, Dr. Sc. (Sociology), professor, Yekaterinburg. E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru
- Kuchkin Vladislav Konsyantynovich**, postgraduate student at North-Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don. E-mail: dispolit@skags.ru
- Kvyatkovskiy Kirill Olegovich**, Lecturer at the Politology Department of South Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: kvyatkovsky13@gmail.com
- Loginovskiy Segrey Sergeevich**, Cand. Sc. (Philosophy), Assistant Professor at the Department of Political Studies and Relations of Chelyabinsk State University. E-mail: deti@74mail.ru
- Lukin Anatoliy Nilolaevich**, Cand. Sc. (Culturology), Professor at the Department of Public and Municipal Administration at Chelyabinsk Institute (Branch) of Ural Academy of Public Administration, Assistant Professor. E-mail: anlukin@mail.ru
- Mamontova Yulya Pavlovna**, postgraduate student at North-Caucasus Academy of Public Administration, Rostov-on-Don. E-mail: pfo@skags.ru
- Ozornina Yulya Petrovna**, postgraduate student of the Department of Theory and Sociology of Administration of Ural Academy of Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: ozornina@inbox.ru
- Polkovnikova Tatyana Nikolaevna**, Cand. Sc. (Psychology), Senior Lecturer at Russian State Social University, Moscow. E-mail: Kate2in4red7@mail.ru
- Poluyakhtov Stanislav Andreevich**, postgraduate student at Chelyabinsk State University. E-mail: CTaC2@mail.ru
- Popov Valeriy Germanovich**, university administration councillor at Ural Federal University, Head of the Department of Sociology and Public Relations Administration of Ural State University of Economics, Dr. Sc. (Sociology), professor, Yekaterinburg. E-mail: valery54-popov@yandex.ru
- Pozdnyakova Evgenya Vasilievna**, postgraduate student of the Department of Theory and Sociology of Administration of Ural Academy of Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: evgeniya-ekb@mail.ru
- Pustoshinskaya Olga Sergeevna**, teaching assistant at the Department of Politology of Tyumen State University. E-mail: Helga.85@mail.ru
- Romanova Kira Stepanovna**, Cand. Sc. (Philosophy), senior research scientist at the Philosophy and Law Institute of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences, assistant professor, Yekaterinburg. E-mail: romkira@yandex.ru
- Rusakova Olga Fredovna**, Head of the Philosophy and Law Institute of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Politology), professor, Yekaterinburg. E-mail: dipi@nm.ru
- Sergeev Konstantin Andreevich**, Cand. Sc. (Law), Senior Lecturer at the Department of the Criminal Procedure Department at Chelyabinsk Law Institute of Russia Ministry of Interior. E-mail: Sergeev_ab@bk.ru
- Sevastyanov Aleksey Mikhailovich**, Ombudsman of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk. E-mail: ombudsman74@mail.ru
- Shreyber Viktor Konstantinovich**, Cand. Sc. (Philosophy), Assistant Professor at the Philosophy Department of Chelyabinsk State University. E-mail: shreiber@csu.ru
- Zerchaninova Tatyana Evgenyevna**, Cand. Sc. (Sociology), Assistant Professor at the Department of Public and Municipal Administration of Ural Academy of Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: Tatiana_Z@uapa.ru
- Zhaksalykov Erken Kurmashevich**, postgraduate student of Prosecutor General's Office Academy of the Russian Federation, Magnitogorsk. E-mail: ezhaksalykov@mail.ru
- Zharkov Oleg Yurievich**, Head of the scientific and technical documentation stock group of the federal state unitary enterprise «Mayak» Production Association», Ozersk, Chelyabinsk region. E-mail: oyzharkov@po-mayak.ru
- Zyryanova Natalya Sergeevna**, postgraduate student at the Philosophy Department of Chelyabinsk State Pedagogical University. E-mail: natasha.zyryanova@gmail.com

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);
в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.